

ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

9

МОСКВА
ИПО — МАНУФАКТУРА
2008

Редакционная коллегия:
д. и. н. С.В. Алексеев (главный редактор),
к. и. н., доц. Д.М. Володихин (заместитель главного редактора),
к.и.н., доц. К.А.Арамян, к.и.н., доц. Г.А.Елисеев, к.и.н., с.н.с. (доц.) О.И.Елисеева,
к.п.н., доц. А.Б.Шатилов, к.и.н., доц. Н.И.Шматова,
к.и.н. Г.С.Амрахова, к.и.н. А.Ю.Смирнов

На обложке: Софийский собор. Киев.

Историческое обозрение. Вып. 8. М.: ИПО — ЗАО «Мануфактура», 2008. — 138 с.
Девятый выпуск ежегодного альманаха Историко-просветительского общества. В сборник включены материалы научных чтений памяти В.А.Плугина, проведенных в октябре 2007 года кафедрой источниковедения отечественной истории Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, и другие работы,

ISBN 978-5-93084-043-8 (Вып. 9)

© Коллектив авторов, 2008

Подписано в печать 12.03.2008. Тираж 500 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БАЖЕНОВ Ю.М., ЛЫКОВА Е.Ю. ЗОЛОТО В РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII В.4

МАРЧЕНЯ П.П. ИДЕОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ: ПАРТИИ И МАССЫ В 1917 ГОДУ 14

РАЗИН С.Ю. РЕВОЛЮЦИИ 1905 И 1917 ГГ.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ 29

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ В.А.ПЛУГИНА

ГОРЯЧЕВА Т.Д. ДРЕВНЕРУССКАЯ ЖИВОПИСЬ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ТРУДАХ В.А. ПЛУГИНА 46

БОГДАНОВ В.П. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА..... 51

БИЦАДЗЕ Н.В. ИКОНА РУССКОГО СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ XVI-XVIII ВВ 56

ДРАКУНОВА М.С. ЗАПИСИ XVII ВЕКА НА ЕВАНГЕЛИЯХ УЧИТЕЛЬНЫХ МОСКОВСКОЙ ПЕЧАТИ XVII ВЕКА В СОБРАНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ. 61

ВОЛОДИХИН Д.М. ВОЕННАЯ ЭЛИТА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ИВАНЕ IV 65

ХИТРОВ Д.А., ЧЕРНЕНКО Д.А. К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ 85

КРУГЛОВА Т.А. БЫЛ ЛИ Г.Г.ОРЛОВ РЕАЛЬНЫМ КАНДИДАТОМ В МАЛОРОССИЙСКИЕ ГЕТМАНЫ В 1764 Г.?.....89

НОВЫЕ ИМЕНА

ПШЕНИЧНИКОВА И. Ю. ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Г.В.СВИРИДОВА94

МИРАКЯН Э.Г. АССОЦИАЦИЯ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ — ЕВРОПЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО: НАЧАЛО ДИАЛОГА (1971 — 1984)..... 116

КУКОВИЦКАЯ Е.И. АВСТРИЯ И НЕПРИСОЕДИНИВШИЕСЯ СТРАНЫ127

КРИТИКА

ВОЛОДИХИН Д.М., АЛЕКСЕЕВ С.В. О ГОСУДАРЕ И ЕГО ЭПОХЕ: АЛЕКСАНДР III В МОНОГРАФИИ «СИЛЬНЫЙ, ДЕРЖАВНЫЙ...» 134

Ю.М.БАЖЕНОВ, Е.Ю.ЛЫКОВА
ЗОЛОТО В РОССИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVIII В.

История развития горного дела на территории России прослеживается далеко в глубь веков. О ней свидетельствуют археологические данные, следы древних горных выработок, наиболее ранние из которых относятся по крайней мере к неолиту, а также остатки примитивных сооружений по переработке минерального сырья, которые известны во всех рудных провинциях страны. Уже в I тыс. до н. э. в Северном Причерноморье обитали племена скифов, знакомых с выплавкой меди, железа и других металлов. С ювелирным искусством скифов непосредственно связан так называемый "звериный" или скифо-сибирский стиль. Известны, многочисленны ювелирные произведения выполненные в данной манере. В основном это — фигурки различных животных, выполненные из золота, а также из бронзы, реже — из серебра или железа. Их находят при раскопках курганов VII — II вв. до н.э. на огромном пространстве от Северного Причерноморья до Южной Сибири. В курганах скифской знати найдены изделия, созданные как самими скифами, так и ремесленниками из греческих городов Северного Причерноморья. Для звериного стиля характерно изображение животных, птиц и фантастических существ — целых фигур или отдельных частей (голов, ног, лап, когтей, рогов, глаз и т.п.). Сложные композиции, например, фигуры животных в геральдических позах или сцены борьбы зверей, свидетельствуют о высоком профессиональном уровне скифских ювелиров. Золотые, бронзовые, серебряные и железные изделия в большинстве случаев идентичны. При их изготовлении применялись самые различные техники — литья, штамповки, чеканки. Звериный стиль каждого региона имел свою специфику. В частности, для Сибири характерным есть изображение горного козла и кабана, а скифы Причерноморья любили оленей, козлов, барсов, пантер, львов, левоголовых и орлиноголовых грифонов. В лесостепной зоне встречаются изображения лосей.¹ По данным некоторых исследователей, помещение большого количества драгоценного металла в захоронения — курганы, которые находят на всем пространстве от северного Китая на востоке до придунайских степей на западе, являлось своеобразной формой тезаврирования металла, т.е. накопления его в виде сокровищ². В любом случае очевидно, что золото у скифов, как и у многих других народов древности, носило исключительно культовый характер и не являлось эквивалентом ценности.

Происхождение скифского золота до сих пор неясно, но большая часть исследователей, опираясь на древнегреческих авторов считает, что оно добывалось в Рифейских горах (Урал), а также в Северном Казахстане, на Алтае и в Центральной Азии (Бактрия). Действительно, еще Геродот писал о таинственных грифах, стерегущих золотые рудники в Рифейских горах. В трагедии Эсхила Прометей предостерегает Ио: «Берегись остроклювых, безгласых псов Зевса, грифов и одноглазой конной рати аримпасов, которые живут у златоносного Плутонова потока». А римский историк Помпоний Мела писал в I в. н. э. «Ближайшие к Рипейским горам места, непроходимы из-за беспрестанно падающего снега... Затем идет область никем не заселенная... Дело в том, что здесь водятся грифы, злые и жадные дикие животные. Они очень любят золото, которое извлекают из недр земли и с поразительным усердием оберегают, угрожая тем, кто находится поблизости».

¹ [<http://www.solaris-u.kiev.ua/history/skif-period.html>]

² Гаврилюк Н.А. Зарождение товарно-денежных отношений у варварского населения Нижнего Поднепровья в IV в. до н.э. // Сугдея, Сурож, Солдаёя в истории и культуре Руси-Украины. Киев, 2002. — С. 67-70

Следы древних разработок в районе Змеиногорского рудника на Алтае были описаны еще академиком Палласом в 1771 г. Современные исследования, проведенные археологом С.С. Черниковым, показали, что на Алтае уже в VII — III вв. до н.э. добывали золото, а также серебро, медь и олово³. Так или иначе, источники золота скифских ювелиров — безусловно предмет для дальнейших более детальных исследований геологов и археологов.

В раннем средневековье на территории России разрабатывалось уже довольно много полезных ископаемых: строительные материалы, соли Урала и Двины, сера Волги, янтарь Днепра и слюда ("московит") Карелии. Из рудных месторождений разрабатывались болотные, озерные, осадочные лимонитовые и сидеритовые железные руды Русской равнины. Наиболее ранние упоминания о полезных ископаемых приводятся во многих исторических документах, относящихся к начальным временам существования Руси. Например, об использовании железных руд упоминается в «Договоре» князя Игоря (945 г.), в «Русской правде» Ярослава Мудрого (XI в.), в летописи монаха Нестора «Повести временных лет» (конец XI в.), в «Русском Хронографе» (середина XV в.), в «Книге большому чертежу» (XVII в.). По оброчной книге известно, например, что в 1495 г. у оз. Ильмень добывали железную руду до 700 «копачей». Поиски, разведка и разработка месторождений велась силами ремесленников-рудознатцев. И хотя металлургическое производство в Киевской Руси достигало высокого уровня, никаких других металлов, кроме железа тогда здесь еще не добывали, а получали их в результате обмена на другие товары. Так, золото получали лишь в результате торговли с Востоком или войны с Византией или половцами.⁴

Тем не менее, уже в конце X века на Руси началась чеканка собственных золотых монет. За образцы были взяты византийские золотые монеты (солиды), что было обусловлено значительным ростом русско-византийской торговли, а также принятием Русью христианства в его восточном (византийском) варианте. Вес «златника» Владимира (4,2 г) впоследствии стал русской мерой веса под названием «золотник» (4,266 г). Монета была изготовлена на высоком художественном уровне, имела своеобразный вид: на ней были выбиты славянские надписи, портрет князя и родовой знак Рюриковичей. Однако как средство обращения златник практически не применялся, служа знаком силы и независимости государства. На монете была надпись: «Владимир, а се его злато». В XI веке золотые монеты чеканили в тех же целях, что и Владимир, и другие князья — Святополк Окаянный, Ярослав Мудрый (в Новгороде, до вступления на киевский стол), а также тмутараканский князь Олег. Впоследствии же в связи с отсутствием собственного золота Русь надолго перешла на использование серебра в качестве денежного эквивалента и металла для чеканки.⁵

В XI-XIII вв. полученное от торговли и войны золото использовали главным образом для изготовления ювелирных изделий, печатей и всевозможных сосудов. Постоянным покупателем золотых изделий была Церковь: помимо золотых сосудов, духовенство заказывало золотые кресты, оклады для икон и Евангелий; у некоторых соборных церквей были золочёные купола, а иногда золотыми пластинами покрывали и определённые части внутренних стен и перегородок.

Ограниченная чеканка золотых монет вновь началась на Руси при Иване III. Золотые монеты чеканились для раздачи в виде наград служилым людям, т.е. выполняли функции наградных золотых медалей, вследствие чего нашивались на кафтан или шап-

³ Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. — М.: Алетей, 2005. — С.345.

⁴ Вернадский Г.В. Киевская Русь. — Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1996. С. 124

⁵ Максимов М.М. Очерк о золоте. М.: Недра, 1977. Ковнир В.Н. История экономики России. М.: Логос, 2005.

ку, для чего имели специальное кольцо. В собственно же денежном обращении в XIII-XV вв. золотой монеты не было совсем.⁶

Иван III понимал, что для создания полноценной монетной системы необходимо собственное сырье. В 1488 г. в письме к венгерскому королю Матвею Корвину он писал: «Князь великий велел тебе говорить, чтобы еси от нас молвил нашему брату Матиошу королю, чтобы нам дружбу свою учинил: прислал бы к нам мастера... который руду знает золотую и серебряную, да которой бы руду умел и разделить с землею, да неже в моей земле руда золотая и серебряная есть, да не умеют ее разделить с землею». С такой же просьбой он обращался через год и к австрийскому императору Фридриху III: «... добывати им великому князю мастеров: рудника, который руду знает золотую и серебрянную, да другого мастера, который умеет от земли разделить золото и серебро»⁷.

Иван III был уверен, что в недрах земли российской имеются руды различных металлов и их необходимо найти. 26 марта 1491 года он направил в район р. Печоры первую, известную истории государственную казенную экспедицию, целью которой был поиск золотых, серебряных, а также медных руд. Руководили предприятием казаки-рудознатцы Андрей Петров и Василий Болотин. Таким образом, можно сказать, что с этого момента на Руси начались систематические поиски руд разных металлов, в том числе золота и серебра. Экспедиция имела некоторый успех: «... нашли руду серебряную и медяную в великого князя вотчине на реке на Цыльме, не доходя до Космы реки за польднища, а от Печоры реки за семь днищ: а места того, где нашли на десяти верстах, а от Москвы дотоле пол 4 тысячи верст, а нашли руду лета девятьдесят девятого августа 8» (т.е. в 1499 г. от «сотворения мира» или в 1491 г.). По результатам разведки было принято начать разработку руд, для чего уже в следующем, 1492 г. была отправлена вторая группа рудознатцев. Однако дальнейшего развития предприятие на р. Цыльме не получило. По преданию, причиной тому стал иностранец, который намеренно устроил обвал на руднике.⁸

В 1574 г. царь Иван Грозный выдал «жалованную грамоту» купцам Строгановым, которым разрешалось в Предуралье и за Уралом на Тоболе беспрепятственно «медяну руду или оловянную, свинчатую и серы горючия, где найдут и те руды на испыт делати».⁹

В 1584 г. Иваном Грозным был учрежден Государев Приказ каменных дел (Каменный приказ) -- государственное управление, занимавшееся в основном поисками, разведкой и добычей строительных материалов, а также руд железа и цветных металлов. Туда поступали челобитные рудознатцев, по которым снаряжались экспедиции на поиски рудных месторождений. Он просуществовал до 1782 г.

Организовать поиск руд пытались и приемники Ивана IV — Федор Иоанович и Борис Годунов. Так, в 1600 г. Роман Бекман для работы в России стране нанял в Любеке «рудознатцев, которые знают находить руду золотую и серебряную».¹⁰ Однако все эти попытки не принесли желаемого успеха.

Новый этап в поисках золота и других металлов начался после «смутного времени» при царе Михаиле Федоровиче.

В 1617 г. в Северное Предуралье направлена экспедиция Бертеньева и Леонтьева, обнаружившая в 1620 г. медные руды в песчаниках. Ранее такой тип медных руд из-

⁶ Ковнир В.Н. Указ. соч. С. 66 — 67.

⁷ Данилевский В.В. Русское золото. История открытия и добычи до середины XIX в. М., 1959. С. 15. Максимов М. М. Указ. соч. С. 57.

⁸ Данилевский В.В. Указ. соч. С. 16.

⁹ Гордеев Д.И. История геологических наук. Ч.I. От древности до конца XIX в. М., 1967. Смирнов В.И. Плутонизм и непутоизм в развитии учения о рудных месторождениях. М.: Наука, 1987.

¹⁰ Данилевский В.В. Русская техника. — Л.: Лениздат, 1949.

вестен не был. В 1623 г. томский воевода Шаховской посылал "кузнеца Федьку Еремева проведать и копати железной руды на Томи реке". В 1633 г. в Пермь Великую была направлена экспедиция во главе со стольником Приказа золотых дел боярином В.И. Стрешневым и купцом Н. Светешниковым "сыскать золотые руды". В 1627 — 1630 гг. на Тунгуску была отправлена «серебряная экспедиция» во главе с Я. Хрипуновым. А в 1636 -- 1640 гг. экспедиция Хрипунова занималась поисками золотых и серебряных руд на Ангаре. В 1640 г. письменный голова Яналей Бахтеяров вел розыск руд по Витиму и 9 других районах Сибири. В 1643 г. из Якутска на Зею и Шилку отправилась экспедиция Василия Пояркова, которому было приказано "серебряные руды велеть при себе весом плавить и сколько руды весом будет и то записывать". Разведанные им месторождения серебра, меди, свинца стали базой для создания впоследствии Нерчинских заводов. В том же году в Восточной Сибири работала экспедиция И. Похабова. В 1644 г. Иван Колесников разведывал серебряную и золотую руду на Байкале. В 1645 г. Григорий и Петр Стрешневы объявили невьянские и ирбитские руды, найденные «по сказкам», то есть по указаниям местных крестьян, в числе которых был верхотурец Малафейко Тимофеев, объявивший «рудные признаки, три камня». В 1658 г. посадский человек Алексей Жилин искал золотую, серебряную и медную руды в Енисейском уезде. В 1661 г. дьяку Василию Шпилькину был дан указ "для сыску серебряной руды" отправиться на Канин Нос и р. Косьву, "то де руду знал мезенец Алешка Маштуков". Тому же Шпилькину вменили в обязанность ехать «сыскивать руды ж и за Печору на реку на Цыльму, не доходя Косьвы реки за семь дней, а того места десять верст, а от Москвы будет 3500 верст» (т.е. в места работ экспедиции 1491-1492 гг.). В 1663 г. экспедиция стрельцов "Ивашки Блинова, Ивашки Харитонова, Треньки Иванова и Макидонки Котова" была направлена проверять известие о серебряных рудах "в Перми Великой в Чердыни за горою прозвище Полоненного, меж Вагран-озером на болоте". В 1666 г. в Олонецкий уезд для розысков медных и других руд выезжала экспедиция новгородского «торгового гостя» Семена Гаврилова. 21 декабря 1669 г. первооткрыватель уральских самоцветов Дмитрий Тумашев получил государеву грамоту в которой предписывалось искать «золотую и серебряную руду и узорчатое камень». В августе 1671 г. «приехал в Верхотурье Михайло Селин, присланный с иноземными рудознатыми мастерами из Москвы для розыска серебряной руды». В 1673 г. также на Среднем Урале работала экспедиция Якова Хитрово и Еремея Полянского. В ее задачи входило проверить известие о серебряной руде, которую нашел «Исецкого острогу крестьянин Ивашко, Афанасьев сын, прозвище Шиш». А в 1677 г. группа под руководством Якова и Венедикта Хитрово была направлена в Восточную Сибирь, на поиски золотых и серебряных руд. Всего, на протяжении XVII в. (после «Смутного времени») на Урале и в Сибири работало более 100 поисковых экспедиций и отрядов.¹¹

В XVII в. «рудяной сыск» на Руси продолжает быстро развиваться. «Изветы» и «сказки» (заявления и доклады) разных служилых, мастеровых и «охотных» людей или крестьян были первыми сведениями о земных богатствах в том или ином месте для проверки которых, как правило и направлялись экспедиции и поисковые партии. Так например, в 1669 году некий старец Лот из Далматова монастыря сообщал о залежах золотосодержащих руд на Среднем Урале: «Уведомился я от Башкирцев... в тех горах есть великая неисчетная казна — серебряная и золотая руда... В том месте исстари сибирские татарова и их калмыцкие люди тое руду ломали и серебро и золото себе плавив-

¹¹ Данилевский В. В. Русская техника. — Л.: Лениздат, 1949. с. 28; Данилевский В.В. Русское золото. История открытия и добычи до середины XIX в. М., 1959, с. 18 — 20; Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 164; С м и р н о в В.И. Указ. соч. С. 13; Иловайский Д.И. Новая династия. — М.: АСТ, 2003. С. 477.

ли... А сказывала башкирцам в улусе Кучака-царевича женка-полонянка ногайка без меры стара, многим больше ста лет: в старые-де годы чудь, которые жили у того места, руду копали и плавил из той руды золото и серебро. И того де золота и серебра на Исети и по иным местам, где чудь живали, находят в слитках...».¹²

Позже даются т.н. государевы "наказы" (поручения, инструкции), которые уже обязывают не только искать руду, камень, соляные ключи и т.п., но и подробно описывать места находок, отмечать их на чертеже (плане), брать образцы, сопровождая их ярлыками (этикетками), отсылать контрольные пробы для испытания в Москву. "Наказы" часто уже не ограничиваются сведениями о поверхностных признаках рудоносности, а указывают оценить по возможности рудную залежь на глубину, ее вероятные размеры, запасы руды, рентабельность разработки. Так например, красноярский воевода в 1654 г., докладывая в Москву о том, что он послал подьячего В. Еремеева обследовать серебряную руду по р. Енисей, писал: "...рассмотря и развездя и вымеря, и сменя, накрепко велел ему то написать на чертеж подлинно, чтобы о той руде, о всех статьях и о иноземных землях отписать и для подлинного ведома чертеж послать к тебе, государю, к Москве, а осмотра, велел ему той руды взять с собою сколько можно, и привести в Красноярский острог, чтобы той непереплавленной руды послать к тебе, государь". Занимались поисками золота и частные лица. В 1675 году было образовано Уральское золото-серебряное товарищество рудознатцев Андрея Виниуса, Якова Галкина и Семёна Захарова. Они получили право ездить «по всем... великого государя Московского государства уездам, для сыску и опыту золотыя и серебряныя руды по изветчиковым речам на чьей земле не прилучится». В том же году аналогичное разрешение получили «Успенский поп Демнтий Федоров с товарищи» и «Петр Петров, сын Марселиса и Еремей Тимофеев, сын Фандергартена». А в следующем году по распоряжению боярина Артамона Матвеева поиском золотых и серебряных «... в Ерославском, в Вологодском, в Костромском и в Каргопольском уездах и в иных городех, в понизовских местах, вниз по реке по Волге, и по Оке, и по Каме, и по иным рекам и источникам, в разных местех» занимался серебряных дел мастер Ерофей Ножевников. В.В. Данилевский в своем капитальном труде «Русское золото. История открытия и добычи» приводит многочисленные сохранившиеся документы аналогичного содержания. Однако, вероятно, большинство из данных предприятий успеха не имели.¹³

Однако «рудяной сыск» не прошел даром. Многие экспедиции находили многочисленные проявления медных и железных руд, на которых уже с начала XVII в. появляются первые металлургические заводы. Первый из них — Ницинский, основан в 1631 г. на Урале. Сырьем здесь служили болотные руды, применялся метод сыродутной плавки железа. В 1633 — 1634 гг. под Тулой были введены в эксплуатацию четыре первых подмосковных завода А.Д. Виниуса. В 1648 г. основан завод боярина И.Д. Милославского, в 1651 г. — завод боярина Б.И. Морозова. Все они были оснащены самой современной по тем временам техникой — гидравлическими устройствами. В 1666 — 1670 гг. на Урале строится знаменитый Невьянский металлургический завод. Тогда же (1666 г.) был построен медеплавильный завод в Олонецком крае, но вследствие малого количества руды он вскоре был переведен на выплавку железа. Первый медеплавильный завод был основан в 1635-1640 гг. в 30 км от Соликамска (на р. Камгорке, в р-не Пыскорского монастыря). Сырьем для него служила руда медистых песчаников. В 1696 г. было открыто месторождение горы Магнитной на Урале. До этого магнетитовые ру-

¹² История государства Российского: Хрестоматия. XVIII век. / РНБ: В 2-х кн. — М.: Книжная палата, 2000. С. 514.

¹³ Данилевский В.В. Русское золото. История открытия и добычи до середины XIX в. М., 1959. С. 18 — 20.

ды на Руси не использовались. В самом начале XVIII в. было открыто на р. Тагил Высокогорское месторождение, эксплуатируемое до настоящего времени.

Для освоения недр Сибири, в 1637 г. был создан Сибирский приказ, в ведении которого находились заводы на территории восточной части России. Сибирь в основном привлекала внимание наличием руд цветных и благородных металлов — меди, олова, свинца, цинка, золота, серебра. Для их определения и изучения, в 1672 г. была предпринята попытка создать в Катайском "остроге" (ныне г. Катайск, Курганской обл.) центральную всесибирскую опытную горнорудную лабораторию.

Первые успехи в поисках золотых и серебряных руд связаны с Забайкальем. В 1679 г. казак Филип Щербаков из Охотского острога объявил о нахождении серебра в Аламуте. Два года спустя он докладывал о том, что посылал «на новую реку Амгун толмача Ивашка Бессонова, и он Ивашко, слышал на Амгуне реке у новых Тангусов про серебряную руду». Чуть позже иркутский воевода Иван Власов получил из Москвы задание «в Селенгинску, и в Баргузинску, и в Иркутском проведывать про золотую руду и про серебро и жемчуг, и камень, и медь, и олово, и свинец, и железо, и кость добрую рыба зуба», для чего был снаряжен поисковый отряд казаков Андрея Маркова, Трофима Меледина и Григория Шадрина. В 1684 г. даурский боярин Григорий Лонцаков и казачий десятник Филип Яковлев произвели разведку серебра по рекам Шилке и Аргуни, а также нашли подходящее место для строительства завода. Так было открыто Нерчинское месторождение свинцово-цинковых руд, на котором также производилась добыча серебра. Для этой цели в 1689 в Нерчинском крае был построен первый российский завод по выплавке серебра. На его рудниках к 1700 г., было добыто 1000 пудов (16,4 т) серебряной руды. С ним связано также и первое русское золото.¹⁴

Несмотря на мужество и настойчивость первопроходцев, преодолевавших множество трудностей на пути по «нехоженным» горно-таёжным урочищам России, выявить залежи руд драгоценных металлов до конца XVII века не удалось. Тем не менее, постоянно накапливаемый опыт и всё возрастающая детализация поисковых маршрутов создавали основу для грядущих открытий. Этому способствовала и постоянная систематизация результатов геологических разведок, которой в допетровскую эпоху занимался Приказ каменных дел.

Укрепление и территориальное расширение Русского государства в начале XVIII в., особенно в связи с восстановлением выходов к Балтийскому, Азовскому и Каспийскому морям, способствовали дальнейшему росту промышленности и развитию торговли. Однако, несмотря на это, Россия продолжала отставать от ведущих стран Европы по многим экономическим и техническим показателям. На преодоление этой отсталости были направлены реформы, проведенные во время правления Петра I (1689-1725). Они затронули все области государственной и общественной жизни, все отрасли хозяйства и культуры, и также в значительной степени способствовали и развитию горных промыслов, подъему горной промышленности.

В 1700-х годах действовало 33 чугуноплавильных и железоделательных заводов, из них 18 под Москвой, два в Устюжне и в Белозерске, семь в Олонецком крае (Карелия), один в Липецке, пять на Урале. В 1702 г. чугуна в России выплавлялось около 25 тыс. т. Тогда же существовало шесть медеплавильных заводов: по одному Олонецком и Вятском краях, два в Кунгуре, два при Уктусском металлургическом заводе на Урале. Меди в 1705 г. выплавлялось ок. 5 тыс. т, свинца — ок. 1,6 тыс. т, серебра — ок. 2,2 т., соли в начале XVIII в. производилось ок. 3 тыс. т.

Обстоятельства Петровской эпохи требовали многократного увеличения собственной сырьевой базы металлов. К тому же, овладев Приазовьем, Пётр был воодушевлён золотом, найденным при раскопках скифских курганов. Главный директор Си-

¹⁴ Данилевский В.В. Указ. соч. Гордеев Д. И. Указ. соч.

бирских заводов В. И. Генин, оказавшийся свидетелем раскопок, писал Петру: «...в могиле лежало мертвое тело на золотой выбитой тонкой доске, а наверху его платья найдено... золотыми тонкими листами... всего золота с пуд».¹⁵ По представлению царя, древние люди добывали это богатство где-то недалеко, и не могли же они выработать все рудники до конца, ничего не оставив потомкам. Пётр решил стимулировать поиски. В число мероприятий по расширению горнорудной промышленности входила реформа организации рудопоискового дела. 2 ноября 1700 г. в Москве был учрежден Приказ рудокопных дел (Рудокопный приказ), трехсотлетие которого было недавно отмечено российской геологической общественностью, как важная веха в развитии науки и минерально-сырьевой базы страны.

Приказ Рудокопных дел ведал рудосыскным делом, собирал сведения о добытых металлах и вновь открытых месторождениях, занимался подготовкой квалифицированных специалистов в данной области. Таким образом, Приказ рудокопных дел положил начало государственному управлению горно-геологическими работами по поиску золота и других полезных ископаемых в различных регионах России.

Указ 1700 года обещал «государево жалованье» всем «изветчикам» рудных месторождений золота, серебра, меди. «Наше русское государство, — писал в указе царь, — перед иными землями преизобилует и потребными металлами, и минералами преблагословенно есть, которые до настоящего времени без всякого прилежания исканы. Надо, чтобы Божье благословение втуне под землей не оставалось». Для строптивых же царь указывал особо: «Тем, кто изобретенные руды утаит и доносить об них не будет или другим в сыскании, устройении... заводам запрещать будут, объявляется наш жестокий гнев...».

Пётр заботился и о сборе и анализе информации о полезных ископаемых. В Указе писалось: «Чтобы о сём (о находках руд, состоянии рудной базы, деятельности рудников и металлургических заводов) каждый надзиратель с совета губернаторского определений, написал два отчета, из которых один подавать губернатору, а другой — прислать в Сенат в определенный для того стол, а когда такие ведомости порядочно сохранены будут, то и после ста лет всякий известиться может, каким образом горные дела имели свое начало, последование и порядок, как то и в других землях видится, и какой успех восприняли». Таким образом, царь требовал создать своеобразные фонды геологической информации, которые будут нужны и через столетия.

В 1711 году Приказ Рудокопных дел был ликвидирован в связи с передачей руководства горно-металлургической отрасли начальникам вновь образованных губерний, чтобы «то дело каждый губернатор в своей губернии усматривал». Однако вследствие крайнего недостатка кадров специалистов на местах, эта мера оказалась несостоятельной. 17 мая 1715 г. Приказ был восстановлен, а в 1716 году в его ведение были переданы все горные заводы.

Новый этап в горном деле и горном законодательстве берёт своё начало в 1719 году. Его правовой базой стал Именной Указ императора от 10 декабря 1719 года «Об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах». С введением нового ведомственного членения государственного управленческого аппарата, десятки приказов заменили немногочисленные коллегии.¹⁶

Вместе с учреждением Берг-коллегии был издан (в 1719 г.) закон о горных привилегиях, составивший целую эпоху в русском горном законодательстве. Согласно этому закону, никакие местные власти не имели права вмешиваться в рудокопные и поисковые дела а, напротив, обязаны были оказывать содействие уполномоченным государственной Берг-коллегии. Была объявлена полная свобода поисков и горнозавод-

¹⁵ История государства Российского, 2000. С. 154 — 155.

¹⁶ Ковнир В. Н. Указ. соч. С. 117.

ского промысла во всей стране как на казенных, так и на частновладельческих землях: «Каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, тако ж и минералы, яко селитра, сера, купорос квасцы и всяких красок потребные земли и каменя».

Однако, несмотря на все указанные мероприятия своего золота в России не было вплоть до второго десятилетия XVIII века.

Мнения различных исследователей расходятся в вопросе о том, где и когда было добыто первое золото России. Например по данным И.П. Шарапова, добыча золота началась в 1735 г. на Змеиногорском руднике на Алтае, а спустя десятилетие — на Урале и в Карелии.¹⁷ Г.В. Фосс считает, что первое золото в России начало добываться попутно сначала на Нерчинском, а потом на Колывано-Вознесенском руднике. Причем дату начала добычи он определяет как 1704 год.¹⁸ Аналогичного мнения придерживается и В.В. Данилевский [1959]. М.М. Максимов [1977] на основании сопоставления дат на первых золотых монетах, отчеканенных из «злата домашнего», вносит, на наш взгляд, больше ясности в этот вопрос. Так, известно, что большая золотая медаль в честь Ништадского мира, была отчеканена по приказу Петра I в 1721 г. из нерчинского золота. Но между этой датой и указанной Г.В. Фоссом (1704 г.), произошли также немаловажные события, также отмеченные чеканкой золотых медалей — Полтавская битва (1709 г.) и Гангутский бой (1714 г.). На медалях, отчеканенных в последних двух случаях, нет никакого указания на отечественное происхождение золота, в отличие от медали в честь Ништадского мира, на которой прямо указано, что «...медалиция из злата домашнего...» Данные факты позволили М.М. Максиму предположить, что первое российское золото было получено не ранее 1714 г., и связано это было, по видимому, с открытием мастера первой химической лаборатории России, «Купецкой палатки», Ивана Мокеева, который сумел в том году выделить золото из нерчинских руд. Спустя несколько лет были отчеканены первые русские червонцы — золотые монеты двухрублевого достоинства, весом 3, 4 г «червоного золота», что соответствовало тогда стандарту золотого дуката.

Также попутно золото добывалось из медных и полиметаллических руд Алтая. В 1725 г. начал работать Колывано-Воскресенский рудник на Алтае, который впоследствии стал основным поставщиком серебра и золота. В 1744 г. там же введен в эксплуатацию Змеиногорский рудник (месторождение открыто в 1736 г.), в котором разрабатывались медно-свинцово-цинковые руды с попутной добычей золота и серебра. В 1750 году здесь было получено 3 т серебра и 72,7 кг золота, в 1775 году соответственно 16,3 т и 640 кг, в 1800 году — 17 т и 324 кг. Всего, за период с 1745 по 1800 г. на медеплавильных заводах Алтая было получено более 3 т золота, что превосходит добычу этого металла во всех остальных золотоносных районах России вместе взятых.¹⁹

В 1737 г. близ Выгозера в Олонецком крае, крестьянин села Воицкого Тарас Антонов обнаружил на берегу р. Выг, в 120 км от Кеми «очень красивую жилу», о чем сразу же доложил в Петрозаводскую канцелярию. Было установлено содержание в ней меди 1,28% и золота 9,1 г/т, после чего указом императрицы Елизаветы Петровны от 19 апреля 1745 г., здесь был заложен Воицкий рудник, на котором кроме меди, в небольшом количестве добывалось и золото. Всего за время своего существования (до 1784 г.), Воицкий рудник дал 6380 пудов меди и 4,5 пуда золота.

Однако, хотя свое золото в России теперь было, попутная добыча не решала в целом проблему этого металла. Необходимо было найти золоторудные месторождения.

¹⁷ Шарапов И.П. Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949.

¹⁸ Фосс Г.В. Золото. М., 1963.

¹⁹ Марфунин А.С. История золота. М., Наука, 1987. С. 139

В мае 1745 г. крестьянин-рудознатец села Шарташ Екатеринбургского уезда Ерофей Марков нашел четыре золотины. Так было открыто знаменитое Березовское месторождение, разрабатывающееся и в настоящее время. Оно находится в 12 верстах от Екатеринбурга, на реках Берёзовке и Пышме. Интересно, что проведенное в том году опробование, золота на обнаружило и лишь через два года пробирный мастер Рюмин повторно обнаружил в «песчаной материи малый знак золота». На основании этого сообщения, проспектор Юдин приказал «опустить в глубь твердых камней умеренную шахту», которая вскрыла кварцевые жилы с видимым золотом. Так было открыто первое русское коренное золото.

Уже вскоре крестьянин из села Курганово по фамилии Крылатков, открыл на р. Чусовой еще одно месторождение, которое было названо его именем. Была открыта первая в России золоторудная провинция. По этому поводу президент Берг-коллегии И.А. Шлаттер (1708 — 1768) на заключении по исследованию уральских золотосодержащих руд поставил резолюцию: «Благословенная Россия, которая такие великие сокровища в своих недрах заключает; да процветет в тебе совершенная горная наука».

В 1747 году ассессор Юдин и пробирный мастер Рюмин решили «пройти в глубь твердых камней сажень до трех» на том месте, где крестьянин Марков нашёл золотой самородок. Берг-коллегия строго предписала: «Кварц, песок и глину малыми пробами... опробовать толчением, промыванием, обжиганием». В итоге, в 1748 году заработала первая шахта Березовского месторождения — Шарташский рудник, потом переименованный в Пышминский, а затем — в Первоначальный. В 1753 году построили золотопромывальный Березовский завод, в 1763 году — Пышминский золотопромывальный завод.²⁰

Разработка Берёзовского месторождения сначала была малоэффективной. Так, в 1754 г. было добыто немногим более 5 кг золота, но в последующие годы добыча систематически возрастала, достигнув в 1800 г. 260 кг, причем количество рудников достигло к тому времени 50.²¹

Всего за весь XVIII век в России было добыто около 5 т золота, из них наибольшая добыча приходится на рудники Алтая — 3 т 258 кг. На Урале было добыто 906 кг металла, причем практически все из Березовского месторождения. Из Нерчинских рудников было получено 262 кг и из Воицкого рудника — 33,5 кг. Таким образом, к концу XVIII века в России уже можно было выделить четыре золотоносных района. Однако основное золото России, происходящее из россыпных месторождений было еще впереди. Именно за счет россыпных месторождений, в следующем, XIX веке, Россия многократно увеличила добычу золота.

Первое россыпное золото открыл в 1814 г. на Урале штейгер Березовского рудника Лев Иванович Брусницын (1784 — 1857). А уже в 1847 г. Россия вышла на первое место в мире по добыче этого металла. Тогда было добыто 1731 пуд золота. В следующем году Россия уступила пальму первенства, т.к. были открыты знаменитые россыпи в Калифорнии, которые послужили началом эпохи т.н. «золотых лихорадок» в разных частях света. Однако эти события находятся за пределами временных рамок настоящей работы.

²⁰ История государства Российского: Хрестоматия. XVIII век. / РНБ: В 2-х кн. — М.: Книжная палата, 2000. С. 513 — 517.

²¹ Марфунин А.С. Указ. соч. С. 137.

Баженов Юрий Михайлович — научный сотрудник фонда им. академика В.И. Смирнова при МГУ

Лыкова Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент Саратовского Государственного Университета.

П.П. МАРЧЕНЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ: ПАРТИИ И МАССЫ В 1917 ГОДУ

В российской смуте все решает не формальный электорат, а неформализуемые движения души

В.П. Булдаков

Осмысление политических событий Февраля-Октября 1917 г. не только не утратило исторической актуальности к их 90-летию юбилею, но, по мнению многих исследователей (с которыми солидарен и автор настоящей статьи), продолжает оставаться особо значимым для понимания прошлого, настоящего и будущего России.

Всего девять десятилетий отделяет нас от сокрушительного падения многовековой отечественной монархии. Именно тогда так ненавистный для российской «демократической интеллигенции» царизм вдруг на самом деле пал, а сами интеллигенты, как и традиционно именуемые ими «темными» народные массы России, были вырваны из привычной среды и внезапно оказались в совершенно новых исторических условиях. И за несколько месяцев так называемая «Февральская демократия» успела пройти в сознании большинства населения путь от бурного энтузиазма и радужных надежд до массового разочарования, полной дискредитации и фактической гибели.

При анализе истории своеобразных отношений отечественных политических партий и народных масс в ситуации Смуты, потрясавшей основы Российской империи в 1917 г., необходимо учитывать как идеологические, так и психологические системообразующие параметры пресловутой империи. В этой связи важно осознавать, что *Империя* не есть просто форма государства, отличная от иных форм лишь техническими особенностями устройства и правления. В основе исторического существования любой Империи лежит идея служения *Императиву* (императивам), объединяющим населяющие ее народы для достижения олицетворяемых Императором высших целей, во имя реализации Добра и противостояния Злу. Всякое государственное образование, претендующее на роль Империи, исходит из монополии на подлинную *Идею* (комплекс идей), предлагаемых населению в качестве истины, способной служить антиэнтропийным идеологическим фундаментом общества на данном этапе его истории. Одним из основных условий исторической стабильности империи является наличие укорененных в массовом сознании *идеологем* как смысловых, нормативно-ценностных элементов идеологии (предписаний, предметов, символов, отсылающих к комплексу базовых идейных установок и мировоззренческих принципов, которыми должно руководствоваться государство и общество). В таком контексте жизнь империи, ее исторические циклы, могут быть рассмотрены как лишь поверхностное проявление скрытых процессов, подспудно вызревающих в толще общественного сознания. Ситуативно производным от последнего является сознание массовое, в Смутное время начинающее играть главные роли.

В структуре любого коллективного (группового, общественного, массового...; политического, правового, религиозного, нравственного...) сознания традиционно принято выделять «*идеологический*» («когнитивный», «рациональный», собственно «сознательный»...) и «*психологический*» («чувственный», «эмоционально-действенный», «бессознательный»...) уровни. С этой точки зрения, об историческом благополучии и перспективах империи в тот или иной конкретный период можно судить по реальному наличию идей, признаваемых обществом подлинными, «*своими*», и, соответственно, по психологической готовности эти идеи отстаивать, платить за них высокую (вплоть до самопожертвования) цену. Перефразируя известную фразу, можно сказать, что дело

империи прочно только тогда, «когда под ним струится кровь». Другими словами, если есть такие идеи, за которые многие (или хотя бы немногие) люди готовы «жизнь положить» — можно ожидать от империи исторического прорыва и новых масштабных свершений. А если нет, то надо готовиться либо к окончательному уходу бывшей империи в историческое небытие, либо к смуте, которая, перетряхнув устои, избавив от лишнего и обнажив главное, даст империи новый шанс...

Весной 1917 года российское общество оказалось перед фактом — в Российской империи не стало императора. Как образно описал положение, сложившееся после свержения самодержавия, В.В. Розанов, вся «Русь слиняла в два дня. Самое большое — в три. Даже «Новое время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей. И, собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая «великого переселения народов»... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось — то? Станным образом — буквально ничего. Остался подлый народ...»¹. И этот самый народ, по выражению Р. Пайпса, «избавившись от царизма, на который навешивал вину за все невзгоды, застыл в оцепенении на пороге новообретенной свободы. Совсем как та дама из рассказа Бальзака, которая так долго хворала, что, когда, наконец, излечилась, решила, что ее поразили новый недуг»².

Официальное оформление традиционной «Русской Идеи» в качестве «Православно-Самодержавно-Народной» было фактически полностью девальвировано. Но новой, доступной массовому сознанию «Идеи», способной скрепить устои «демократической» государственности и консолидировать общество, пришедшие на смену самодержавию силы предложить не умели. На сцену истории вышли массы, нуждавшиеся в организующей силе, способной внятно сформулировать их политически смутные требования и надежды.

В этом контексте логично было бы ожидать, что в ситуации системного кризиса империи политические силы, претендующие на власть (на место императора!) и пытающиеся возглавить выход из кризиса, не побрезгуют воспользоваться этой стихийной поддержкой масс, и обретут таким образом прочную социальную базу. Чтобы не «повиснуть в воздухе», партии в первую очередь озаботятся внедрением в массовое сознание идеологем, которые, с одной стороны, смогут в достаточной степени выразить партийные установки, с другой — окажутся созвучны чаяниям масс (обеспечат социокультурную преемственность исторической традиции). Тем самым, обратясь к «почве», политические партии обретут «почву под ногами». Те же партии, которые попытаются искусственно трансплантировать идейно неадекватные ценности в исторически чуждую им среду, не адаптируя их к реалиям массового сознания, должны отдавать отчет, что сами лишают себя исторического будущего в России. Не умея преодолеть Смуту, становясь ее вольными или невольными виновниками — они в конечном счете неизбежно обрекают себя на роль ее жертвы.

Возомнившие себя вершителями судеб великой империи политические «элиты» недооценили народные «массы», и это стало роковой ошибкой новой российской власти и ее крупнейших партий. Но почему победили именно большевики? И могли ли на их месте оказаться кадеты, эсеры, меньшевики? — Несмотря на свою принципиальную метаисторичность и невозможность разрешения в научном, конкретно-историческом исследовании, пожалуй, этот вопрос все же остается самым важным и болезненно дискуссионным для всех историков Февраля-Октября 1917. Но, занимаясь теоретическим изучением программных документов ведущих политических партий, вне реального

¹ Розанов В. Апокалипсис нашего времени. М., 2001. С. 7.

² Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1 С. 367.

преломления партийных идеологов в массовом сознании той эпохи, вряд ли возможно дать на него ответ.

В историографии русских революций насчитывается множество исследований, специально посвященных т.н. «борьбе политических партий за народные массы», методологической основой которых является миф о наличии прямой и действительной взаимосвязи между бумажными текстами партийных программ и подлинным успехом тех или иных конкретных партий в широких массах. В русле такого подхода тема ментального соответствия властных и околовластных «элит» России пресловутым «народным массам» и, соответственно, вопросы об органической совместимости «российских политиков» и «россиян», долгое время находились за обочиной актуального интереса отечественных историков.

Представляется очевидным, что ответа на поставленные вопросы в принципе невозможно найти на страницах программных документов ПНС, ПСР, РСДРП (м), РСДРП (б), хотя бы потому, что абсолютное большинство населения не читало партийных программ (как не читает и сейчас...). Даже сами партийные деятели зачастую вообще не интересовались текстами партийных программ.

Так, например, А.Ф. Керенский признавался в своих воспоминаниях: «Было очень утомительно выслушивать нескончаемые обсуждения научных и совершенно нежизнеспособных программ. Я всеми силами этого избегал, не потому, что занимал другую позицию, а потому, что по натуре никогда не был склонен к подобным занятиям. В тот момент меня меньше всего интересовали политические программы. Я был слишком захвачен грандиозной таинственной неизвестностью, к которой нас неудержимо влек головокружительный ход событий. И говорил себе, что ни программы, ни дискуссии не ускорят грядущего и не отменят случившегося. Революцию порождает не только мысль, она проистекает из самых глубин человеческих душ и сознания. И действительно, все проекты, программы, теории были отброшены и забыты, прежде чем их успели практически воплотить авторы, которые двинулись дальше диаметрально противоположным путем»³. А столичный адвокат Ф.Н. Плевако, еще в мирное время, «сознательно» вступая в политическую партию (!), в ответ на вопрос о знакомстве с ее программой, откровенно отвечал: «Программа мне не интересна, это предисловие к книге. Кто его читает?..»⁴

Если программами не интересовались люди блестяще образованные и партийные, то чего же было ожидать от безграмотных и беспартийных крестьян, солдат и рабочих (тем паче от крестьянок, солдаток и работниц!), впервые призванных к участию в политике в условиях, когда «...каждая партия «своих соседей ругает «буржуями». Социал-демократы называют социалистов-революционеров буржуазной партией, социалисты-революционеры не признают настоящими социалистами ни народных социалистов, ни своих товарищей по партии, которые требуют войны до победы над немцами. Среди социал-демократов тоже междоусобие: большевики ругают меньшевиков буржуями, а меньшевики доказывают, что большевики — мелкобуржуазная партия»⁵? Как отметил авторитетнейший историк «красной смуты» В.П. Булдаков, «если в смутные времена кто-то выигрывает, кто-то чаще бесповоротно — проигрывает, то из этого не следует, что восторжествовали чьи-то программные установки»⁶.

Более того, по программам партий затруднительно судить не только об отношении к ней избирателей, но и о самих партиях. М. Дюверже так описывает специфику жизни партийной организации: «Организация партий покоится главным образом на

³ Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 37.

⁴ См.: Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 253.

⁵ Изгоев А. Социалисты и крестьяне. Пг., 1917. С. 5.

⁶ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 203.

практических установках и неписаных правилах, она почти полностью регулируется традицией. Уставы и внутренние регламенты всегда описывают лишь ничтожную часть реальности, если они вообще описывают реальность; ведь на практике им редко следуют неукоснительным образом. А с другой стороны, партии сами охотно окружают свою жизнь тайной, и поэтому нелегко добыть о них точные сведения, даже элементарные. Здесь сталкиваешься с первобытной юридической системой, где законы и ритуалы секретны, а посвященные фанатически укрывают их от мирских взоров. Одним только ветеранам партии хорошо известны все перипетии организации партии и тонкости интриг, которые в них завязываются. Но они редко обладают научным складом ума, что мешает им сохранять необходимую объективность; и они так неохотно говорят...»⁷. Заметим, что речь идет о партиях сравнительно благополучного Запада, имеющего длительную историю развития многопартийности и устоявшиеся традиции. А «партии в России в концентрированном виде выражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснотушия или сектантской оголтелости, а не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов», и «российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом «пустоцвет», способный, однако, спровоцировать смуту...»⁸

К отличительным особенностям отечественных партийных организаций (наряду с их более поздним формированием по сравнению с «классическими» политическими партиями в странах Запада и построением «слева направо») относят, как правило: «насаждение сверху», а не «проращение снизу»; «интеллигентский характер» и вытекающие из него абстрактность идеалов, не соотношенных с реалиями страны, и повышенную степень конфликтности; недостаточность как прямой, так и обратной связи с электоратом; нахождение вне общественного контроля в силу отсутствия гражданского общества и правового государства; «герметичность»; нетерпимость к инакомыслию как в собственной, так и в окружающей среде; воспроизведение авторитарной модели идеологии и методов исторически господствующего в России режима.⁹

При этом необходимо учитывать, что сами политические партии «являли собой живые организмы со сложной внутренней жизнью, а вовсе не закрытые, скованные жестким дисциплинарным панцирем организации»¹⁰. Поэтому, «когда мы анализируем выступления представителей тех или иных партий, нужно обращать внимание не только на партийные программы, но и на умонастроение входящих в партии людей. Возможно, существует некая разделительная граница между носителями одного менталитета и другого безотносительно к программным установкам, которые зачастую оказываются близкими. В какой-то ситуации люди с разными программами могут найти общий язык, а люди с одной программой могут этого общего языка не найти. Все это представляется важным для анализа политических процессов в их развитии. Особенно большое значение при оценке той или иной партии приобретает свойственный ей модуль поведения»¹¹. Подобные выводы современных исследователей живо перекликаются с мнениями политических деятелей прошлого. Еще И.И. Петрункевич считал, что российские «либералы, радикалы и революционеры» различались не политическими целями, а темпераментом»¹². А по свидетельству В.А. Маклакова, «...политическая си-

⁷ Дюверже М. Политические партии. М., 2002. С. 19.

⁸ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 40, 41.

⁹ См., напр.: Шелохаев В.В. Политические партии России в свете новых источников. // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 99.

¹⁰ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное Собрание: История рождения и гибели. М., 1997. С. 33.

¹¹ Лупоядов В.Н. Политические партии России в 1917 г. Дис...канд. истор. наук. М., 1993. С. 147-148.

¹² Цит. по: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 169.

ла каждой партии не в числе ее записанных членов, а в доверии, которое она внушает непартийной, т.е. *обывательской* массе. Это доверие основывается не на программе, не на резолюциях съездов, которыми интересуется только партийная пресса, а на самостоятельном суждении, которое составляет себе о партии *обыватель*. Оно часто не совпадает ни с мнением, которое имеет о себе партия, ни с тем, которое она о себе стремится внушить. Суждение обывателя проще»¹³.

Следовательно, если мы действительно хотим разгадать секрет популярности или непопулярности в народе тех или иных партий, необходимо анализировать не столько программные установки различных партий как средство борьбы за массы, сколько «модули поведения» этих партий и их отношение с «модулями поведения» самих масс. Предметом изучения при этом становится не мифическая степень соответствия «объективным интересам электората» различных партийных проектов, а непосредственное отношение его к самим партиям, мифологизированный имидж которых складывается в народном сознании вне всякой зависимости от недоступных ему доктринальных хитросплетений.

Автор исходит из предположения, что конкретные результаты борьбы партий определялись в решающей степени тем, насколько резонировали, либо напротив, вступали в противоречие идейно-ценностные, психологические и поведенческие векторы ведущих политических сил с доминантными установками массового сознания, ситуативно производного от архетипических характеристик русского народа. Поведение партии, желающей повести за собой народ, должно было соответствовать особенностям народной ментальности и учитывать механизмы массового сознания и поведения. Политический успех той или иной партии в условиях русской смуты определялся тем, насколько ее практическая деятельность отвечала психологии масс, насколько ее тактика корреспондировалась с их поведенческими стереотипами, насколько лозунги и пропагандистские слоганы этой партии были понятны русскому мужику и согласованы с его базовыми мировоззренческими установками, а также со спецификой их преломления в толпе. Эффективность партийной пропаганды определялась в первую очередь не качеством выражения группового сознания, а способностью «цеплять» коллективное бессознательное.

Причем следует учесть, что даже неплохое знание психологии толпы и умение воспользоваться ситуацией с помощью адресно подобранных лозунгов не могло гарантировать долговременного эффекта суггестивного воздействия агитации на массы, если агитатор не имел постоянной «обратной связи» с аудиторией и его лозунги не питались непрерывно реальной энергией масс. В прессе 1917 г. можно встретить такие, например, описания воздействия политической пропаганды в деревне: «Если же вы красноречивы и знаете психологию крестьянина, берущую свою силу из кошмара, фантастического и грубо реального миров, если можете силой своего голоса прекратить не только громкую беседу, но и шепот, если можете забраться в самое сердце этого честного и загадочного дикаря, то успех обеспечен. Вы превратите всю эту массу отдельных личностей в одно громадное, решительное и преданное вам существо. Это существо — ваш раб и враг смертельный противника вашего. И если явится какой-то смельчак, чтобы высказать кой-что не в вашу пользу, то, в лучшем случае, ему не дадут говорить. Провинция полна подозрительности и недоверия. И если кто-либо из товарищей после такого удачного выступления подумает, что здесь все сделано, что народ разделяет с ним одни и те же мнения, что он раз навсегда доказал правоту того, что излагал слушателям, то такой товарищ непростительно ошибается. То, что случилось сегодня — случилось каким-то чудесным образом. Завтра многие придут в себя и скажут, почесывая за-

¹³ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. // Российские либералы... С. 253.

тылок: — Одурачил. Собеседник сразу соображает, о чем идет речь, и в тон отвечает: — Здорово, куманек, оболванил»¹⁴...

Итак, в условиях «пустоцвета» постфевральской многопартийности на поражение была обречена любая партия, не способная позиционировать себя адекватно массовому сознанию, а наибольшие шансы на успех получала партия, максимально использующая ресурсы народной идеологии и особенно психологии. Приведем еще один характерный пример. «Саратовский Вестник» воссоздает аутентичную картину «состязания с.д. миннезингеров», типичную не только для Саратова, но и для любой другой российской губернии. Описывается спор двух видных саратовских партийных деятелей — меньшевика (Майзеля) и большевика (Мгеладзе):

« — Чем вы объясните наш успех в массах? — победоносно вопрошал мгеладзевский фальцет — Разве мы так талантливы или умны?

О, нет, — гремел меньшевистский бас — вы не талантливы и не умны... Вам кажется, что вы руководите массой, бросая в нее ваши демагогические лозунги, в действительности — вы идете за нею... О каких же тут талантах или уме может быть речь? И когда гражданка Верхнего базара кричит гражданину в шляпе, предложившему ей вместо 60 к. — 40 за фунт вишни: — Буржуй проклятый! Кишки бы тебе выпустить! — То в действительности не тов. Мгеладзе является ее учителем, а она подсказывает товарищу Мгеладзе, как литературно формулировать лозунг...»¹⁵

Современные политические психологи подчеркивают актуальность психологической составляющей в политическом процессе: «Крупным социальным катаклизмам всегда предшествуют психологические явления — рост популярности определенных идей или лидеров, разочарование в старых богах, падение доверия к традиционным институтам. К октябрю семнадцатого значительная часть населения России, по крайней мере — большая часть жителей Петербурга и Москвы, не верили царю и не уважали его, а весьма влиятельная группа подданных империи — петербургский гарнизон, рабочие питерских предприятий, пришедшие с фронта вооруженные солдаты — поверили Ленину в том, что именно большевики способны дать мир, землю и все остальное, о чем мечтали люди. Без этой психологической составляющей октябрьские события никогда не стали бы Революцией, а остались бы в истории лишь как еще один неудавшийся переворот. Собственно говоря, и сама основа политической системы большинства современных государств — регулярные выборы — есть, во многом, явление психологическое. Люди голосуют за тех, кому верят, за тех, с кем легче идентифицироваться, за тех, наконец, кто красивее...»¹⁶

Исходя из всего вышеизложенного, можно с полной уверенностью констатировать, что «Конституционно-демократическая партия», в интересующее нас время скромно именуемая себя не иначе как «Партия Народной Свободы», не имела никаких шансов на победу в борьбе за массы в условиях войны и смуты 1917 г., так как просто не имела ничего общего с самим народом и его пониманием «свободы».

Кадеты вопиюще игнорировали абсолютное большинство населения России и демонстративно не желали считаться с его коллективной психологией. Не желая идти на уступки даже по самым большим вопросам массового сознания: о мире и земле, — наши упертые либералы непоправимо упустили время первоначального доверия и радужных ожиданий масс. Требуя от народа «жертвы и подвига», они ничего не предложили взамен, кроме «сладкого слова «свобода». Да и не умели, и не хотели самозванные «борцы за народную свободу» разговаривать с народом на понятном ему языке.

¹⁴ Волжский день. Самара, 1917. № 161 (26 июля).

¹⁵ Саратовский Вестник. Саратов, 1917. № 157 (18 июля).

¹⁶ Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов, 1996. С. 3-4.

Все базовые ценности кабинетного и отвлеченного либерализма¹⁷ вступали в явное противоречие с конкретными реалиями огромной империи, с ментальностью как российского крестьянства, так и не сильно отличавшихся от крестьян в социокультурном плане рабочих, и уж тем более солдат — в массе своей тех же крестьян, ожесточенных и развращенных войной.

Поведение русского либерализма после падения ненавистного ему самодержавия откровенно смахивает на незатейливые уловки растерявшегося импотента, после мучительной осады добившегося наконец свою абстрактно вождеденную «даму сердца». Обнаружив свою полную несостоятельность, либералы, так долго допытывавшиеся возможности «осчастливить» многострадальный русский народ, стали упрекать этот самый народ в том, что он недостаточно хорош для их идей. Они «вдруг внезапно» обнаружили, что эффективные для западного общества идеи не эффективны в «темной» отечественной народной среде. Как справедливо выразился С.Л. Франк, «что же это за политики, которые в своих программах и в своем образе действий считаются с каким-то выдуманном идеальным народом, а не с народом реально существующим!»¹⁸. Вообще, авторам, объявляющим пути России «неправильными» и т.п., В.В. Кожинов как-то адресовал очень подходящие к кадетам слова: «Перед нами, если вдуматься, совершенно нелепая претензия индивидов, которые в конечном счете убеждены, что если бы бытие великой страны совершалось в соответствии с их субъективными «идеями», Россия предстала бы как нечто принципиально более «позитивное», нежели в действительности»¹⁹.

Выступления кадетских деятелей и предлагаемые ими проекты решения тех или иных вопросов были неприемлемы для масс ни по содержанию, ни по форме. Конституционные демократы даже и не пытались адаптировать свою пропаганду, сделать ее адекватной сознанию адресата, в силу чего «...единственной аудиторией, которая могла бы внимать кадетскому слову, оставалась сама интеллигенция»²⁰. Даже внешний вид представителей кадетской партии восстанавливал массы против нее, ибо «у нашего населения самые смутные понятия о буржуе»: кто чуть получше одет — тот и буржуй и доверять ему нельзя»²¹. В условиях, когда, по свидетельству современников, «толпы обывателей, одинаково далеких от социализма, демократизма, либерализма, объявили себя... социалистами», «быть социалистом, заявлять себя таковым, вступать в социалистическую партию стало просто требованием бонтона, приличия, надо было быть едва ли не парадоксальным смельчаком и циником, чтобы дерзать отмежевываться от социализма»,²² кадет в массовом сознании становится конкретным воплощением образа врага. Ответом народа ораторам-кадетам на их невнятные выступления (как будто для полноты абсурда, чаще всего еще и начинавшиеся с одиозного: «Господа!» — что незамедлительно и абсолютно предсказуемо провоцировало буйную агрессию толпы) становится: «Мы крестьяне, а вы — буржуй»²³.

В атмосфере «митинговой демократии» кадетские интеллигенты практически не имели шансов на понимание толпы. «Ты не вилай как собака хвостом, говори прямо! Есть у вас трудящиеся крестьяне, рабочие — в вашем списке. Нет у них, братцы, тру-

¹⁷ См.: Марченя П.П. Массовое сознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России. //Философия хозяйства. 2004. №3. С. 180-187.

¹⁸ Франк С.Л. De profundis. / Из глубины. Сборник статей о русской революции // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 292-293.

¹⁹ Кожинов В.В. О русском национальном самосознании. М., 2002. С. 65.

²⁰ Кичеев В. Г. Борьба политических партий за интеллигенцию в 1917 году. Дис. ... канд. истор. наук. СПб, 1993. С. 124.

²¹ Волжский день... № 99 (11 мая).

²² РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 101, 100.

²³ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854. Л. 18.

довых людей — все у них купцы, помещики али их сынки или прихвостни их — кричат солдаты-большевики с разных сторон», — передает в своих воспоминаниях картину обычного солдатского митинга бывший солдат. На попытки ораторов заговорить о конституционном пути решения наболевших проблем, о том, что «без закона нельзя», тотчас раздавалось: «Морду тебе разбить за такие речи!.. Морду ему набить надо! Дай ему в зад и чтобы летел с трибуны головой вниз!..»²⁴

Элементарное непонимание массами смысла кадетских речей, усугубляемое «антибуржуйской» пропагандой остальных партий, способствовало тому, что бессознательно-доверчивое отношение народа сменилось жадой расправы, достигшей апогея к осени 1917 г., когда экстремистски настроенные толпы преследовали кадетов везде, где встречали. Бюллетени и записки с их кандидатами «торжествующе рвали в клочья», самим активистам ПНС обещали «выпустить кишки», а, бывало, что и били прямо на избирательных участках избирательными же урнами²⁵.

Не удивительно, что именно кадеты — эти «слепые поводыри» русской революции — были назначены всеми остальными партиями на роль «козла отпущения». Члены главной и фактически единственной к этому времени партии отечественного либерализма убедительно продемонстрировали, что в России либералы могут только разрушать, но не править. И идейно, и психологически оторванные от масс, противоречащие этническому бессознательному русского народа, его архетипам, лишённые политической интуиции, безвольные, духовно и властно дряблые, российские либералы не просто не смогли занять в массовом сознании святое и временно пустое место свергнутого Царя-Батюшки. Они выставились в глазах народа самозванцами, шарлатанами, и, наконец, — явными врагами и повинными в смуте оборотнями. Закономерно, что вместе с фиктивной «демократией» «Партия Народной Свободы» была сметена народной стихией, оформленной большевизмом...

Не очень счастливой, но поучительной оказалась в политико-психологической истории русской революции и судьба социал-демократов-меньшевиков. Члены этой партии принципиально отказались от ставки на стихию, от использования мощи народной психологии в целях захвата власти. Они не искали опоры в массовом сознании многомиллионного российского крестьянства, ибо, как выразился член ее ЦК Н.А. Рожков, «социал-демократия исходит из одного — из соображений интересов пролетариата», а если «крестьянство еще этого не понимает, мы не побоимся разойтись тут с ним».²⁶ Более того, эта партия, считавшаяся «мозгом революционной демократии»,²⁷ (в связи с чем трудно удержаться от соблазна вспомнить известные слова Ленина о том, что в России интеллигенция является вовсе не мозгом нации) в условиях смуты 1917 г. продолжала громогласно объявлять русское крестьянство — это более трех четвертей населения России! — «аморальным классом»²⁸. Стоит ли недоумевать, отчего эта партия в народном сознании сблизилась с «образом врага» и лишь немногим позже разделила историческую участь либералов и их место «у позорного столба истории»? Как удовлетворенно констатировали кадетские издания, «жизнь поставила социал-демократов меньшевиков и кадетов вплотную к друг другу — это две соседние партии по однородности некоторых пунктов программы, а главное — идеологии»²⁹.

Штатный идеолог меньшевизма Ю.О. Мартов в одном из частных писем так

²⁴ ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 48. Л. 44. Об. 49.

²⁵ См., напр.: Речь. Пг., 1917. № 228 (28 сентября); ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 74; Д. 167. Л. 45; Ф. 1796. Оп. 6. Д. 164. Лл. 75-76.

²⁶ Рабочая Газета. Пг., 1917, 25 августа.

²⁷ См.: Миллер В. И. Революция в России, 1917-1918 гг. М., 1995. С. 41.

²⁸ См., напр., речь А.Н. Потресова на Всероссийском объединенном съезде РСДРП // РГА СПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.

²⁹ Волжский день ... 24 мая.

объяснял свое неприятие большевизма: «Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране — бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей примириться с аракчеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются ... фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве»³⁰.

Но что же тогда предлагал разбушевавшейся русской стихии сам меньшевизм? — Подождать до тех пор, пока не сложатся «подходящие условия»? Или пока «почва» сама собой из «азиатской» не превратится в более отвечающую «европейскому идеалу»? Или, быть может, переехать в Европу?

Ортодоксальные и политически близорукие русские марксисты меньшевистского толка напрочь забыли завет Маркса, что именно в лице крестьянства «пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»³¹. Но его, напротив, прекрасно помнил куда менее догматичный вождь большевизма. Последний совсем не желал уподобляться тем «горемарксистам», о которых сам Маркс написал: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»³². Не будет большим преувеличением сказать, что тактика, которую избрали для себя в условиях смуты 1917 г. российские социал-демократы, стала их политическим суицидом.

Не менее самоубийственным характером в это же время отличилась и политическая психология партии социалистов-революционеров. Положение эсеров между двумя революциями 1917 г. было крайне антиномично: одной рукой указывая сельскому миру на вожделенную землю, они раскачивали колоссальную силу, высвобождавшуюся из недр крестьянства, другой — пытались придержать растущий радикализм выведенных из равновесия широких масс. Даже меньшевики, будучи союзниками эсеров в их коалиции с буржуазией, ради сохранения которой последние фактически отказались от проведения в жизнь своей политической программы до созыва Учредительного собрания, подчеркивали: «У социалистов-революционеров два лица, две позиции, две тактики: одна — непреклонная, крикливая — для масс, налево, другая — уклончивая, оппортунистическая, соивчивая — для буржуазии, направо... Для широких масс упрощенные лозунги, которые никогда осуществлены не будут, для превращения же этих лозунгов в жизнь совсем иная тактика, неустойчивая и расхлябанная»³³. А, по злорадной оценке кадетов, «разбудить инстинкты толпы было не трудно, повернуть же ее назад, хотя бы это диктовалось насущнейшими требованиями партийной, не говоря уже о государственной, политики, оказалось нашим народникам не по плечу»³⁴.

Действительно, перейдя от погромной агитации «Земли и Воли» к попыткам решать вопросы государственного значения конституционным путем, социалисты-революционеры быстро утратили контроль над народной стихией, ранее развязанной во многом именно их действиями. Как и следовало ожидать, противоречивые усилия эсеров примирить вышедшую из берегов стихию крестьянских и солдатско-крестьянских масс с необходимостью поэтапной конституционной реформы, которые, по ехидному выражению Ленина, напоминали попытки «усесться между двух стульев»³⁵, оказались безуспешны — массы объективно взяли на вооружение большевистские рецепты *немедленного* решения наболевших проблем. Поняв, что проиграли массы ленинцам,

³⁰ Цит. по: Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 207.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8. С. 607.

³² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 181.

³³ Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917. № 123 (26 октября).

³⁴ Волжский день ... № 194 (6 сентября).

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 137.

неонародники, по их собственному запоздалому признанию, наивно пытались подорвать авторитет большевизма *«обещаниями почти того же, что и он обещал, но только — чуть поменьше»*³⁶. Но, как говорили сами крестьяне, «не удержавшись за гриву, за хвост не удержишься»...

В «Смене вех» была дана яркая психологическая характеристика эсеровской партии и проводимой ими политики, с которой трудно не согласиться: «Но давно пора бы им заметить, что *именно их лозунги и их тактика менее всего пригодны для революции*. С их помощью нельзя ни автоматически управлять массами, ни увлекать их, ни подчинять. При их господстве не может быть ни революции, ни контрреволюции, ни тем более искомого ими среднего. Сплошное ни то ни се. Какие-то буридановы ослы в роли вершителей исторических судеб. За миг блаженства быть у власти всем им неуклонно приходилось потом расплачиваться длинными периодами скрежета зубовного на тех, кто так низко растоптал их святые желания и так глупо не дал им сделать их великого дела. По их глубочайшему убеждению, за ними была и есть вся Россия. Только они — подлинные выразители воли народной. Но стоило им появиться где-нибудь, как тотчас же их сметала либо «кучка гнусных насильников» в лице большевиков, либо «кучка гнусных реакционеров» в лице казаков, офицеров, генералов, помещиков и купцов. И все-таки они ни на минуту не сомневаются, что правильно действуют только они. Чем же, в самом деле, объяснить эту поразительную настойчивость, эту завидную в клиническом отношении самодостаточность, как не особым душевным интеллигентским складом, зафиксированным «Вехами»? Тут есть все в редком изобилии: и утрированная «принципиальность», от которой не тошно только самим ее обладателям, и самовлюбленность, не допускающая даже намека на самокритику, и самоусовершенствование, и максимализм по формуле «или мы, или никто», и отсутствие малейшей политической дисциплины, отразившейся в ряде роковых тактических ошибок. Спешу и здесь оговориться, что, приводя указанные черты специфической эсеровской психологии (как психологии интеллигентской), я отнюдь не делаю этого в целях суда или осуждения их обладателей: создал их Бог русской истории такими, и ничего уж, видно, не поделаешь. Но всякому должно быть ясно, что, *пока подобный тип русского интеллигента не изжит или не побежден окончательно, не могут быть изжиты ни русская революция, ни русская контрреволюция*. Непрактичные, недисциплинированные, хаотичные по натуре и по историческому воспитанию — такие, «каковы они есть», они призваны лишь поддерживать русский хаос и русское государственное разложение. Никакая черная сотня не страшна так для русского прогресса, как они, потому что сила черных сотен есть лишь отражение и отзвук их силы. Половины ужасов большевизма не было бы, если бы не их фанатические «выступления», сеющие ужасы. По идее наиболее близкие из всех русских интеллигентов к русским народным массам — это они с особенным упоением играли роль всезнающих и непрекаемых наставников масс, что оттолкнуло от интеллигенции массы...»³⁷

Противоречивость политики эсеров, усугубленная к тому же отсутствием единства внутри партии, на фоне повсеместного озлобления масс и разочарования их в легитимных процедурах, привела к тому, что большевики, которые, напротив, последовательно и активно поощряли рост массового насилия на аграрной (и не только) почве, сумели тактически обыграть неонародников и превратить крестьянство из источника сил эсеров в своего временного, но решающего «союзника», почерпнув, по признанию Ленина, «свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага»³⁸. Перехватив у крестьянофильствующих конкурентов источник их силы, Ленин обезоружил

³⁶ РГА СПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 120.

³⁷ Ключников Ю.В. Смена вех. // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 228-230.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 34.

тех надежнее, чем библейская Далила, остригшая Самсона. И подобно Самсону, эсеры заметили, что их могущество призрачно, только когда поражение стало уже очевидно.

Непредвзятое исследование психологии масс и партий в политической истории Февраля-Октября неминуемо приводит к выводу, что большевики оказались единственной — *безальтернативной* — политической силой в России семнадцатого года, оказавшейся способной обратить психологию масс в инструмент для достижения своих партийных целей.

Именно они лучше всех умели работать с массой (любопытно в этой связи признание, сделанное о своем «авторском методе» словесного гипноза Троцким, который объяснял механизм внушения толпе «не просто, а очень просто»: с трибуны надо выбрать самую тупую физиономию и говорить до тех пор, пока не заметишь в ней искру осмысленности³⁹) и оперативнее всех реагировали на изменения в настроении масс.

До конца оставаясь «партией радикальной оппозиции», не «скомпрометировавшей» себя участием в немогущей демократической коалиции (что было исключительно удобно в условиях тотального кризиса), и благодаря попустительству этой самой «демократической власти», ленинцы совершенно безнаказанно обещали каждой недовольной группе населения то, чего она более всего желала, при этом ловко указывая не только «*что делать*», но и «*кто виноват*». Тем самым, используя массовую веру в социальную инверсию, они без боя овладели, по сути, социально-психологической монополией на *Чудо*. Большевики легко завоевывали политический капитал на растущей нетерпимости масс, выдвигая простые инверсионные рецепты немедленного насильственного решения всех вопросов и демонстрируя готовность удовлетворить любые требования толпы (с обязательным учетом ее системы распознавания «*своих*» и «*чужих*»). Они не брезговали никакими способами межпартийной борьбы (в качестве типичных методов большевиков их политические оппоненты перечисляют регулярные «акты грубого насилия по отношению к другим партиям», систематические «срывания митингов с целью зажимания рта противникам», организованные «клаки» (шум по команде), «клевету», «инсинуации» и «намеренные замалчивания» невыгодной для себя информации, «угодничество перед толпой», «спекуляции на темноте масс и их инстинктах», «призывы к погромам», «авантюристические выступления», «беззастенчивую неразборчивость в средствах» и т.д., и т.п.⁴⁰

Но все же, верному наблюдению Р. Пайпса, которого сложно упрекнуть в излишних симпатиях к РСДРП (б), «невозможно было бороться с большевиками только на том основании, что в стремлении к общей цели они пользовались более откровенными средствами: во многих отношениях Ленин и его соратники являлись истинной «совестью революции». Интеллектуальная безответственность и нравственная трусость социалистического большинства создавали психологическую и идеологическую ситуацию, в которой большевистское меньшинство с успехом росло и множилось»⁴¹.

Оппоненты большевизма, вполне осознавая психологические корни популярности ленинцев в массах, решительно ничего не могли противопоставить простым, но эффективным большевистским приемам. В результате большевики стали в процессе разлива народной смуты в 1917 году гораздо больше, чем просто партией — для значительной части населения они превратились в единственную надежду. Большевизм взял на себя функции своеобразного синергетического центра, организующего хаос движения масс, притягивающего всех недовольных, аккумулирующего, генерирующего и трансформирующего взрывную силу ресентимента.

³⁹ См.: Булдаков В.П. Указ. соч. С. 213.

⁴⁰ См., напр.: Москвич — избиратель. М., 1917. № 11.

⁴¹ Пайпс Р. Русская революция... Ч. 2. С. 80-81.

В конкретно-исторической ситуации войны и революции, когда, по выражению М. Горького, «русская стихия» — психология русской массы — сделалась еще более темной, хлесткой и озлобленной»⁴², большевизм был психологически адекватен народным массам, изоморфен русской смуте. Троцкий так сформулировал психологические основы русского марксизма в революции: «Марксизм считает себя сознательным выражением бессознательного процесса... Высшее теоретическое сознание эпохи сливается... с непосредственным действием наиболее... удаленных от теории... масс. Творческое соединение сознательного с бессознательным есть то, что называют обычно вдохновением. Революция есть неистовое вдохновение истории»⁴³. Близкую к этой мысль высказывает С.Г. Кара-Мурза: «...большевики были именно партией нового типа. Это была партия с новаторским типом мышления, освоившая новую, складывающуюся в ходе кризиса картину мира — единственная партия, которая *чувствовала революцию*. И потому, будучи марксистской, она не подчинялась догмам марксизма, а смогла стать частью живого народного организма»⁴⁴.

Причем то, что большевизм — явление именно и исконно русское, объединяющее и выражающее различные проявления русского духа, признали многие его враги. Так, об идейной, культурной и психологической преемственности большевизма от интеллигентской традиции А.С. Изгоев напишет: «Все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась русская интеллигенция, оказались ложными и губительными для народа. В роли критиков выступили не те или иные литераторы, а сама жизнь. Нет высшего авторитета. На критику жизни нет апелляции. Большевики и их господство и воплотили в себе всю эту критику жизни. Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков. Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие. Они лишь поставили точки над *i*, раскрыли скобки, вывели все следствия из посылок, более или менее красноречиво установленных другими. Добросовестность велит признать, что под каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и всех русских социалистов и сочувственников как марксистского, так и народнического толка»⁴⁵.

А по поводу психологического родства большевизма и русского крестьянства П.Я. Рысс в своем «Историко-психологическом очерке русской революции» категорически утверждает следующее: «Психология большевизма была психологией типично русской, с ее отталкиванием от Запада, с ее органическим отворачиванием к культуре... Не то было важно, что большевизм усвоил некоторые положения марксизма и всю марксистскую фразеологию; важно было то, что переваренный в кипятке русской психологии, большевизм, как нельзя более, соответствовал времени и духу народа... Кто были они — большевики?... Нет, это не злоумышленники, не удачливые преступники, совершившие великое зло, — это русские по психологии своей люди, дошедшие до конца в отрицании им чуждого. Это — дети России, разрушающие чуждую им культуру Запада, уверенные, что свет идет с Востока, что России суждено явить миру образец высшего разума и осуществить социальную справедливость. Это — психология русского крестьянства, и потому большевики не были продуктом чужеземным; нет, это было русское, насквозь — русское явление!»⁴⁶

⁴² Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 185.

⁴³ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. Берлин, 1930. С. 56.

⁴⁴ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. М, 2005. С. 171.

⁴⁵ Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм. /Из глубины. Сборник статей о русской революции. // Пути Евразии... С. 178.

⁴⁶ Рысс П.Я. Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. Париж, 1921. С. 113-116.

Глубоко психологическую характеристику большевизму дает в своем «Новом прочтении русской истории» и современный историк В.Д. Соловей, который считает: «Идеологический призыв марксизма был услышан и создал беспрецедентный эффект именно в России в силу своего созвучия, соответствия русской ментальности. Он «зацепил» ее специфический слой — этническое бессознательное русского народа. Интеллектуальная и идеологическая история нашей страны второй половины XIX — начала XX вв. прошла под знаком напряженного поиска магических формул, «слов силы», которые разбудят «русского медведя». Результатом этого процесса стало рождение большевизма — специфического соединения марксизма как западной доктрины модернизации с русским народничеством как идеологией крестьянства и русским мессианизмом. Большевизм явился не просто национальной стилизацией марксизма, он был в подлинном смысле слова русским, национальным марксизмом — не в области интеллектуальной доктрины, но в содержании своего обращенного к автохтонным массам призыва. «Национализацией» марксизма была обеспечена его адекватность России, создана «сцепка» с русскими архетипами, вызвавшая беспрецедентную социополитическую и социокультурную динамику русской революции и русского коммунизма».⁴⁷

А некоторые внимательные современники рассматриваемых событий, пытавшиеся подвести итоги происшедшему по «свежим следам», и вовсе высказывали мнение, что «в процессе революции произошло ... разделение русских интеллигентов на большевиков, угадавших веления революции и потому «торжествующих» вместе с нею, и на не угадавших их и потому страдающих, ноющих, клеветующих, запутавшихся в лжи и противоречиях»⁴⁸. Даже кадеты вынуждены были признать полную и безоговорочную психологическую победу большевиков как доминантный фактор политической истории русской революции с весны до осени 1917 г., подытожив: «...психология — анархическая психология большевизма — была до сих пор наиболее ярким и наиболее действенным фактором этой истории»⁴⁹.

Последнее замечание явно нуждается в комментарии. Психология большевизма не была всего лишь и исключительно «анархической», она объединила в себе полярные, антиномичные начала народной психологии — стремление к анархии и преклонение перед диктатурой, пресловутые «бунт» и «смирение». Уже некоторым из участников тех событий быстро стало понятно, что «...бунт не антагонист власти, а судорожный порыв от власти, переставшей пугать, к власти, которая внушит дрожь страха заново. Здесь проявился гений Ленина. Никто, как он, не понял столь пронизательно, что власть абсолютную, типа божественной, он получит разнуздав стихию бунта... Ленин хорошо знал, что только массу, пришедшую в ярость, потерявшую всякие следы общественного сознания, можно превратить в послушное стадо диктатора. Он знал, что через бунт она придет в изнеможенное и опустошенное состояние, на котором легче всего можно будет построить свое царство. Гений его состоял в том, что он понял, что отныне царствовать будет хаос, и хаос сделал своим орудием...»⁵⁰

Еще задолго до Октябрьских событий наиболее прозорливые из интеллигентов высказывали обоснованные, как показала историческая практика, опасения по поводу соответствия российской действительности заимствованных элементов западной демократии: «Приходила ли вам когда-нибудь в голову... картина русской конституции, русского парламента, русских выборов, русских ответственных министров, русской свободной печати, русских митингов и клубов, русского партийного режима, русского

⁴⁷ Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 51.

⁴⁸ Ключников Ю.В. Указ. соч. С. 233.

⁴⁹ Набоков В. Шесть месяцев революции // Вестник Партии Народной Свободы. 1917, № 19.

⁵⁰ Цит. по: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Русские о большевизме: Опыт аналитической антологии. СПб., 1999. С. 16-17.

партийного законодательства по западному образцу?.. При нашей некультурности и необузданности, при нашей свободе от всяких традиций и нравственных границ, мы явим миру такое поучительное зрелище «свободной страны», что самые ярые либералы стану вздыхать о временах Толстого, Сипягина и Плеве».⁵¹ Эти слова одного из целой армии безвестных авторов подобных утверждений в российской периодике оказались вещими.

Так, например, французский посол в России Морис Палеолог записал в своем дневнике в 1917 г.: «На какую ни стать точку зрения... русский представляет всегда парадоксальное явление чрезмерной покорности, соединенной с сильнейшим духом возмущения. Мужик известен своим терпением и фатализмом, своим добродушием и пассивностью... Но вот он вдруг переходит к протесту и бунту. И тотчас его неистовство доводит его до ужасных преступлений и жестокой мести, до пароксизма преступности и дикости... Нет излишеств, на которые не были бы способны русский мужчина или русская женщина, лишь только они решили «утвердить свою свободную личность... Можно отчаяться во всем. О, как я понимаю посох Ивана Грозного и дубинку Петра Великого!»⁵² — Напомним, что эти слова принадлежат просвещенному европейцу — либералу по убеждениям!

Ирония судьбы проявилась в том, что именно большевики и оказались способными, в отличие от безвольных своих оппонентов, удовлетворить эту тоску по «дубинке Петра Великого». Как подметил М. Волошин:

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опречь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле...

Большевики, лишенные комплекса «властебоязни», свойственного их соперникам, и обещавшие массам построение «земного рая» после прихода партии к власти и установления «диктатуры пролетариата», более других подходили на роль восстановителя «твердой власти», увенчав тем самым «стихийный процесс воспроизведения утраченной цельности бытия с помощью новых авторитарных символов»⁵³.

Колебания в массовом сознании народа от упоения анархическим идеалом безвластия и «казачьей вольницы» до признания необходимости настоящей — авторитарно-патерналистской — власти, в социально-психологическом плане сохранявшей преемственность от традиционного российского самодержавия, по железной логике истории закончились установлением большевистской диктатуры — власти, способной, наконец, применить долгожданную государственную силу и собственной — уже легитимной — беспощадностью обуздать «бессмысленную беспощадность» стихии русского бунта. И стихия, оказавшаяся неподвластной «революционной демократии», была покорена диктаторской властью, не сразу, но все же признав «возвращение хозяина». По свидетельству не имевшего оснований зря хвалить большевиков А.И. Деникина, взявшегося в 1920 г. подвести «некоторые итоги первой части революции», «...мы слишком злоупотребляем элементом стихийности, как оправданием многих явлений революции. Ведь та «расплавленная стихия», которая с легкостью сдунула Керенского, попала в желез-

⁵¹ Цит. по: Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. В 2 т. М., 1996. Т.2. С. 707-708.

⁵² Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 330-332.

⁵³ Герасимов И.В. Модернизация России как процесс трансформации ментальности // Русская история: проблемы ментальности. М., 1994. С. 13.

ные тиски Ленина-Бронштейна и вот уже более трех лет не может вырваться из большевистского застенка»⁵⁴. Таким образом, большевики, сначала в массовом сознании, а затем и в политико-институциональном смысле, кристаллизовались в силу, способную остановить государственный распад и прекратить смуту.

Представляемая теоретическая модель подтверждается огромным эмпирическим материалом и наглядно показывает, что жизнеспособность того или иного политического режима, его стабильность и исторические перспективы определяются его идеологической и психологической адекватностью собственному народу.

Марченя Павел Петрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Московского университета МВД России, доцент Учебно-научного Центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

⁵⁴ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: В 3 книгах. Книга 1. М., 2005. С. 577.

С.Ю.РАЗИН
РЕВОЛЮЦИИ 1905 И 1917 ГГ.:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ, САРАТОВСКОЙ
И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

На протяжении многих лет отечественная историография революций 1905-1907 и 1917 годов строилась на следующих основных идеях:

- идея о пролетариате как классе-гегемоне русской революции;
- идея о ведущей роли политических партий и партийных программ в политическом процессе в 1905-1907 и 1917 годах;
- идея о том, что крестьянство играло вспомогательную, вторичную роль союзника рабочего класса, по отношению к которому пролетариат и его партия выполняли роль организатора и руководителя¹;
- восходящее к Ленину представление о преемственности событий 1905 и 1917 годов²;

Официальная историография опиралась на соответствующие теоретические положения классиков «марксизма-ленинизма»³, не принимая в расчет документы, выска-

¹ Эта идея имеет сторонников и сегодня: Например: «... рабочий класс — главная движущая сила революции» (Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996, 240 с. С.29); «Значение пролетариата как вождя, ведущего за собой крестьянство в ходе революции 1905-1907 гг., обусловило и особую роль пролетарской партии в борьбе за крестьянские массы. Поскольку социал-демократическая партия представляла собой авангард самого передового общественного класса эпохи, постольку ей принадлежала ведущая роль в политическом просвещении и организации крестьянства» (Гражданов Ю.Д. В.И. Ленин о задачах социал-демократической партии в борьбе за крестьянство накануне и в период революции 1905-1907 гг. С.78)

² Наряду с ленинской идеей о революции 1905 года как «генеральной репетиции Октября» и ее интерпретациями в официальной советской историографии, существуют и другие варианты этого представления. Напр.: Г.П. Федотов: «В 1905 году этот союз революционной интеллигенции, пролетариата и крестьянства был уже совершившимся фактом. Схема русской революции была дана — вплоть до идеи советов» (Федотов Г. П. Судьба и грехи России /Избранные статьи по философии русской истории и культуры/: В 2-х т. СПб., София, 1991, 352 с. С. 157); Л.Д. Троцкий: ««Революция 1905 года стала не только «генеральной репетицией» 1917 года, но явилась лабораторией, в которой выработывались все основные группировки русской политической мысли и оформились или наметились все течения и оттенки внутри русского марксизма» (Троцкий Л. Три концепции русской революции. — <http://www.wsws.org/ru/2003/jul2003/3kon-j01.shtml>); Т. Шанин говорил что «... Новая Россия (РСФСР) СССР началась с революции 1905 — 1907 гг. уроки которой предопределили историю страны в XX в.» (с.31) и называл первую русскую революцию «фундаментальным уроком прикладной политической социологии» (Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. — 1917 — 1922 гг. М., 1997, 560 с. С.31, 34). Многие исследователи говорят и пишут о том, что 1905 и 1917 годы являются частями, периодами, этапами единого революционного процесса, единой Русской Революции. Тот же Т. Шанин пишет: «Русская революционная эпоха продолжалась с 1902 г. по 1922 г., к чему можно добавить связанные с ней периоды «революции сверху» с 1906 по 1911 г. и с 1929 по 1938 г.» (Там же. С.20); В.П.Данилов: «основой всех других социальных и политических революций того времени» была «крестьянская революция в России (1902 — 1922 гг.)» (Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар) /Отечественная история / РАН. Ин-т рос. истории. — М.: Наука, 1992, № 5, 224 с. С. 3-31. С.5). Особняком здесь стоит точка зрения В.П. Булдакова: « «Считается, что "1905 год породил 1917-й" На деле между насилием 1905 — 1907 годов и революционным взрывом 1917 года — качественное различие. Полагать, что шла механическая эскалация насилия, что Россия после 1905 года и последующих лет была обречена на еще более масштабную революцию, на мой взгляд, нет оснований. Во всяком случае, это вещь недоказуемая. События 1905-1907 годов могли быть своего рода прививкой от более масштабного и более массового насилия» (Булдаков В.П. Выступление на семинаре «Революционное насилие в истории России XX века. Особенности массового сознания в России в кризисные времена» //Социокультурная методология анализа российского общества (независимый теоретический семинар).Москва, 22 апреля 1998 г. См.: http://www.situation.ru/app/j_ artp_800.htm)

звания Маркса и большевистских лидеров⁴, воспоминания участников событий⁵, содержание которых не соответствовало данной схеме.

В современной историографии широко распространена точка зрения, согласно которой социокультурной основой, своеобразным гордиевым узлом русской революции являлся крестьянский вопрос⁶, в котором сплелись все глубинные противоречия и сложнейшие проблемы, охваченного тяжелейшим системным кризисом, российского общества начала XX века. В рамках этого подхода возможность реализации того или иного варианта развития социума, популярность политических партий рассматриваются как величины зависящие от степени их соответствия социокультурному коду российской цивилизации, который, на наш взгляд, можно обозначить термином «крестьянственность»⁷, понимая под этим совокупность выработанных в рамках крестьянской общины и передающихся из поколения в поколение жизненных установок, принципов, моделей поведения, эмоций и настроений, имеющих системообразующий характер для российской цивилизации и определяющий параметры ее развития на протяжении всей ее истории⁸. Носители и хранителями «крестьянственности» выступали, составлявшие громадное большинство нации, крестьянские, рабоче-крестьянские⁹ и солдатско-

³Маркс: «Крестьяне... находят своего естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2—е изд. Т. 8. С. 211); Ленин: «пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии...» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 90)

⁴ По мнению Маркса только в лице крестьянства «пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню» (Маркс К., Энгельс Ф. Там же. С. 607). В.И. Ленин: «Мелкая же буржуазия есть именно та переменная величина, которая определит исход» (Ленин В.И. Там же, Т.14. С.24); Л.Д. Троцкий: «под всем нашим развитием подоплека крестьянская...», «крестьянская подоплека есть и под ленинизмом, поскольку она есть под русским пролетариатом и под всей нашей историей» (Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С.211); Зиновьев: «Вопрос о роли крестьянства ... является основным вопросом большевизма, ленинизма» (Цит. по. Сталин И.В. Полное собрание сочинений. Т.8.: <http://www.petrograd.biz/stalin/8-4.php>); Саратовский «Пролетарий Поволжья» в ноябре 1917 года писал: «С победой новой, так называемой рабоче-крестьянской (а на самом деле крестьянской) революции, воцарилась новая власть...» (Пролетарий Поволжья. 1917, № 127.11 ноября)

⁵ Солдатов Г.П. « В 1905 г. социал-демократическая партия и в Царевщине и в окрестных селах работу проводила слабо, да и то случайно» (ГАСО. Ф.3500. Оп.1. Д. 100. Л. 21-22); Участники аграрной конференции Саратовской, Самарской, Симбирской, Казанской и Нижегородской организаций РСДРП, состоявшейся в ноябре 1906 года, констатировали: «Правильных организаций среди широких слоев крестьянства не существует, но наблюдается всюду очень сильное стремление к организации: «В местностях, где одновременно работают с.д. и с.р., крестьяне предпочитают беспартийные организации. Всероссийский крестьянский союз значительных слоев крестьянства не охватывает: партийные организации среди крестьян крайне неустойчивы и функционируют лишь при условии постоянной связи с руководящим центром. Вся крестьянская масса... не может быть охвачена в одну правильно функционирующую организацию» (Пролетарий. 23.11.1906 год)

⁶ См. Марченко П.П. Массовое правосознание и победа большевизма в России. М., 2005, 206 с. С. 155, 156

⁷ Этот термин встречается в современной историографии. См. Селина Т.И. Методологическая постановка проблем крестьянственности //Менталитет и политическое развитие России: Тез. докл. науч. конф., Москва, 29-31 окт. 1996 г. / РАН. Ин-т рос. истории. М., 1996, 150 с. С. 142-145. С.142

⁸ Об этом: А.С.Панарин: «Деревенщики осознавали, что крестьянской Руси в социально-эмпирическом смысле больше нет. Но как культурно-этический, духовный феномен, она сохраняется и в душах наших горожан, и в душах интеллигенции. Деревенская проза была настоящим манифестом социокультурного консерватизма и этикоцентризма. Она свидетельствовала о живучести цивилизационного кода России, который даже после большевистских погромов сохранял свою живительную силу» (Панарин А. С. Росийская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998. 352 с. С.151)

⁹ При более пристальном, беспристрастном и идеологически не ангажированном подходе, господствовавшая десятилетиями в официальной историографии идея о существовании в России пролетариата, подобного рабочему классу стран Запада также оказывается историографическим мифом. Об этом говорили многие русские мыслители начала XX века (например: Н.А. Бердяев: «... марксистский пролетариат есть продукт мифотворческого процесса» (Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. Ростов н/Д, 1997.

крестьянские массы¹⁰. От их позиции и зависел исторический выбор, судьба политических элит, судьба революции — и, в конечном итоге, судьба России.

В данной статье предпринимается попытка, основываясь на эмпирическом материале Самарской, Симбирской и Саратовской губернии, обозначить некую теоретическую модель осуществления исторического выбора народа в революционную эпоху, а также собственное видение роли ведущих российских политических партий в этом процессе.

Анализ местного материала начала XX века доказывает мысль о том, что идея о ведущей роли партийных организаций и партийных программ в событиях 1905-1907 и 1917 годов является историографическим мифом, и позволяет сделать вывод о том, что сознание «народных масс» Поволжья находилось на «дополитическом уровне»¹¹, для которого было характерно, в частности, неприятие партийного деления общества, партийной борьбы и полное непонимание партийных программ¹², а их «социальная борьба проходила в неполитическом измерении»¹³.

С.273); в завуалированном виде это признавалось и в советской историографии (например, участники, состоявшейся в ноябре 1967г. в Одессе и организованной научным советом по комплексной проблематике «История Великой Октябрьской социалистической революции» (секция «Основные закономерности и особенности развития России в период империализма»), Институтом истории АН СССР (Группа по изучению истории пролетариата России), министерствами высшего и среднего специального образования СССР и УССР (Одесский университет) IV Всесоюзной сессии, посвященной проблемам российского пролетариата при сравнении пролетариата России начала XX века с современным ему пролетариатом развитых капиталистических стран Западной Европы констатировали что «он был не только малочисленнее, но и менее культурен, менее развит и организован. Между тем по своей революционности пролетариат России превосходил рабочий класс Запада и был в первых рядах международного освободительного движения. Революционность российского пролетариата ... определялась общереволюционной обстановкой в стране. Она складывалась в ходе решения задач не только социалистической, но прежде всего буржуазно-демократической революции» (Российский пролетариат: облик, гегемония, борьба. М., Наука, 1970, 361 с. С.9)); это положение подтверждается данными по губерниям, о которых идет речь в статье (См. например Карнишин В.Ю. Общественно-политический процесс в Поволжье (1905 — февраль 1917 г.). Дисс. д.и.н., М., 1997. С.71-72); косвенно социокультурное единство низов российского общества признавали и партийные лидеры социалистических партий и групп, когда говорили о «трудовом классе», «народных массах», и местные партийные работники (например, симбирский большевик В. Рябиков пишет в своих воспоминаниях "Все помыслы нашей группы ... были обращены на рабочих, которых мы идеализировали в то время до последней крайности. Несмотря на то, что симбирский рабочий того времени в большинстве своем по психологии был полуобыватель, мы ему за одно его звание прощали все и считали его неприкосновенной для критики особой" 1905 год в Симбирске. Под ред. Б. Чистова и В. Алексеева. Издание Истпартотдела Губкома РКП(б), 1925. С.14-15)); и наконец, многие современные историки тоже пишут об этом (Р. Пайпс: «промышленные рабочие в России представляли собой, за небольшим исключением, не столько определенно выраженную социальную группу, сколько разновидность крестьянства», а «единственное отличие между крестьянами в деревнях и их собратьями в городах состоит в том, что первые носят рубашку навыпуск, а вторые заправляют ее в брюки» (Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 120, 118.))

¹⁰ На наш взгляд именно поэтому в России не могло быть и не существовало той классовой «привязки» партий и партийной «привязки» классов, которая была характерна для стран Запада. Об этом свидетельствует, в частности, признаваемый даже большевиками факт значительного влияния эсеров в «пролетарской» среде.

¹¹ Булдаков В.П. Выступление на семинаре «Революционное насилие в истории России XX века. Особенности массового сознания в России в кризисные времена» // Там же

¹² В воспоминаниях участника революционного кружка с. Царевщины Самарской губернии Гр. Солдато-ва о событиях 1905-1907 годов в «Старобуянской республике» говорится о том, участники кружка всячески подчеркивали «свою беспартийность и отрицательное отношение к борьбе друг с другом революционных партий, представлявшейся крестьянам весьма нежелательной с точки зрения интересов революционного движения» (Сперанский Н.Н. Крестьянское движение в Самарской губернии в годы первой русской революции. // 1905 год в Самарском крае. Материалы по истории РКП(б) и революционного движения. Самара, 1925. С. 444); В.А. Маклаков, анализируя причины «победы» кадетов на выборах в I Государственную Думу, писал: «Успех партии проник и в массы, где ни парламентаризмом, ни Учредительным Собранием не интересовался никто... Верно определить причины успеха к.-д. партии в массах

Главным фактором, определившим исторический выбор начала XX века являлось сознание и политическая культура крестьянских, рабоче-крестьянских и солдатско-крестьянских масс, т.е. тех социальных слоев, которые в реальных исторических условиях российской Смуты являлись носителями «крестьянственности»¹⁴. Уже в ходе революции 1905-1907 годов обозначился тот алгоритм взаимодействия этих социальных слоев и политических партий, который в полной мере проявил себя в событиях 1917 года.

На наш взгляд, по отношению к деревенскому, городскому и армейскому крестьянству все ведущие общероссийские партии делились две «лагеря»: на «прокрестьянские» и на «антикрестьянские». К первому относились черносотенцы, большевики и эсеры. Другой «лагерь» составляли меньшевики, кадеты и октябристы. Мы сосредоточим свое внимание на меньшевиках, кадетях, эсерах и большевиках, потому что, как политические силы действовали и в 1905 и в 1917, и тем самым именно от соотношения этих четырех партий и крестьянства во многом зависел исход русской революции и исторический выбор России в начале XX века.

Крайнюю степень негативизма по отношению к собственному народу демонстрировала на протяжении всей истории своего существования меньшевистская фракция русской социал-демократии, представлявшая собой, пожалуй, самую космополитическую часть российского партийно-политического спектра начала XX века. Для русских «социалистических европейцев» русское крестьянство — это, отличающаяся «традиционной аморальностью»¹⁵, «малокультурная и неорганизованная масса»¹⁶, «главнейшая опора абсолютизма»¹⁷, «...тупой, консервативный приверженный царизму»¹⁸ класс, в котором «русское революционное движение не встречает... ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания»¹⁹. Следуя европоцентристским установкам ортодоксального

— значило бы спасти себя от многих ненужных иллюзий и ложных шагов. Но наши руководители верили, будто выборы определяют «волю народа», а воля выражается в партийной программе» (Российские либералы: кадеты и октябристы //документы, воспоминания, публицистика//. Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М., 1996, 303 с. С. 253-254). По его мнению «политическая сила каждой партии не в числе ее записанных членов, а в доверии, которое она внушает непартийной, т.е. обывательской массе. Это доверие основывается не на программе, не на резолюциях съездов, которыми интересуется только партийная пресса, а на самостоятельном суждении, которое составляет себе о партии обыватель» (Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника) // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 253.). Осенью 1917 года делегаты Ардаповского и Сengelеевского уездных крестьянских съездов Симбирской губернии завершили работу так и не решив вопрос о поддержке той или иной политической партии на выборах в Учредительное собрание (Известия Симбирского Совета Крестьянских Депутатов. Симбирск, 1917. № 2 (24 сентября)). Большевики, работавшие в деревне, уже после Октября писали в своих отчетах что крестьяне «вообще здесь политики не знают» (См.: Герасименко Г.А. Политическое положение в Саратовской деревне осенью 1917 года // Поволжский край. 1988. Вып.10. С. 20.)

¹³ Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 106

¹⁴ Об этом: Л. Семенникова: «традиции общинности являлись основой политической культуры в 1917 г.» (Семенников Л. Октябрь 1917-го... Что же произошло? // Свободная мысль. М., 1992. № 15 (октябрь). С. 12.); Р. Пайпс: главным «фактором революционности» выступила «ментальность русского крестьянства — класса, никогда не интегрировавшегося в политическую структуру» (Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 578, 580-581.).

¹⁵ РЦХИДНИ. Ф.275.Оп. 1. Д.1 2. Л. 18.

¹⁶ Пролетарий Поволжья. Саратов, 1917, №110 (11 октября)

¹⁷ Цит. по. Алексеева Н. В. Идея союза рабочего класса и крестьянства в ранних произведениях В. И. Ленина // Вопросы истории, 1959, № 2. С. 45-58. С. 47-48

¹⁸ Цит. по. Степун Ф.А. Чаемая Россия. Спб., 1990 г. С.323

¹⁹ Цит. по. Алексеева Н. В. Там же С. 47-48. Даже революция 1905-1907 годов не заставила Плеханова пересмотреть свои взгляды. В 1910 он писал: «Я стою на точке зрения идей группы «Освобождение труда». И в каждое данное время я ближе к той из фракций нынешней социал-демократии, которая ближе к этим идеям» (Политические партии России в контексте её истории: учеб. пособ. /Коллектив авторов. Рук. авт. коллект. Смагина С.М. Ростов-на-Дону; Феникс, 1998. — 512 с. С.48)

марксизма и примеру германской социал-демократии, меньшевики, которые на протяжении всего революционного процесса начала XX века никогда не стремились к немедленному захвату власти, однажды отказавшись от ставки на «пугачевщину» и всегда следуя этому принципу, никогда не рассматривали крестьянство в качестве возможного союзника пролетариата и практически не вели агитационно-пропагандистской работы на селе ни в 1905 ни в 1917 году, фактически даром отдавая русскую деревню в полное распоряжение своим прямым политическим конкурентам — эсерам и большевикам. Это в условиях «крестьянской Атлантиды»²⁰, как иногда называли Россию сто лет назад, было фактически равнозначно политическому самоуничтожению.

Меньшевики выступали с идущим вразрез с крестьянской ментальностью и не имевшим ничего общего с российскими реалиями лозунгом, о том, что одной из движущих сил, союзником «рабоче-крестьянства» в революции является т.н. «либеральная буржуазия». Предельно четко позицию своей фракции выразил Р. Абрамович, который еще в ходе первой русской революции заявлял: «...городская буржуазия ближе нам, чем стихийно-революционное темное крестьянство»²¹. Этот лозунг, особенно в условиях 1917 года, в глазах сельской России ставил меньшевиков на одну доску с кадетами и автоматически превращал их во врагов крестьянства. Аграрная программа меньшевизма, не имела ничего общего с крестьянскими представлениями о справедливом решении земельного вопроса.

Они выступали с критикой ленинских идей о национализации земли, о крестьянстве как союзнике пролетариата в русской революции, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, которые называли «ленинским неонародничеством»²², «реакционными по существу, вопреки своей революционной внешности»²³, и т.д. По мнению меньшевистского лидера Ю.О. Мартова, ленинизм в аграрном вопросе объединял «аракчеевское понимание социализма и пугачевское понимание классовой борьбы»²⁴.

Отношение крестьян к меньшевикам соответствовало отношению меньшевиков к ним, о чем свидетельствует, например, выступление крестьянина Булыхова на II Самарском губернском крестьянском съезде в 1917 году, в котором он назвал меньшевиков «врагами крестьянства»²⁵.

Вместе с меньшевиками антикрестьянский партийно-политический лагерь составляли русские либералы, и прежде всего, кадеты²⁶. Газета «Волжский день» весной 1917 года совершенно справедливо указывала на то, что «жизнь поставила социал-демократов меньшевиков и кадетов вплотную к друг другу — это две соседние партии по однородности некоторых пунктов программы, а главное — идеологии»²⁷. Для русских либералов, также как и для меньшевиков крестьянство — это «стадо без пасты-

²⁰ См. Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар)/ Отечественная история, 1994, № 3, 223 с. С. 31-59. С.33

²¹ V съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963. С.394

²² Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Там же. С. 62

²³ Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Там же. С. 519

²⁴ Цит. по: Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа 1917 — 1918 гг. Иерусалим, 1982. С. 73.

²⁵ Земля и Воля. Самара, 1917, 30 мая

²⁶ О близости меньшевиков и кадетов немало написано как в революционную эпоху, так и в современной литературе. В.И. Ленин не раз писал о «меньшевиствующих кадетов или кадетствующих меньшевиках», «кадетообразных социал-демократах» (см. напр. Ленин В.И. Там же. Т.16. С. 209); С.Г. Кара-Мурза «И именно по вопросу о крестьянстве стал все более и более проходить линия водораздела, разделяющая большевиков и меньшевиков, которые все сильнее тяготели к блоку с западниками — кадетами» (Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М., 2002, 528 с. С. 52)

²⁷ Волжский день, 24 мая 1917года

ря», «серая, темная ... масса»²⁸, «полагаться на здравый смысл» которой «не дело жизнеспособной политической партии»²⁹.

Соотношение отечественного либерализма и «крестьянственности», имевшее судьбоносное значение для судеб русской революции и либеральной альтернативы в России можно представить в виде своеобразных теоретических моделей, где всегда присутствуют тезис и антитезис, но нет (пока, по крайней мере) синтеза. Проанализируем несколько, наиболее важных, на наш взгляд «моделей» и их действие в реальной исторической практике революционной России.

Важнейшей характерной чертой либерализма является признание высшей ценностью индивида и его свободы. Антитезой либерального индивидуализма является общинный коллективизм. Община являлась главной ценностью русского крестьянства и одновременно основным институтом, обеспечивавшим на протяжении столетий воспроизводство «традиционного крестьянского строя жизни во всех отношениях — экономическом, демографическом, культурном и т.д.»³⁰. Русский крестьянин не мыслил себя вне общинного коллектива, ощущал себя его неотъемлемой частью. Эта черта крестьянского сознания отражена в русских пословицах и поговорках: «Крепче мирского счастья мужику не найти», «Где у мира рука там моя голова»³¹. Революционная эпоха начала XX века являлось временем своеобразного «общинного Ренессанса». «Времена крестьянских бунтов ... были также временами особого процветания крестьянской общины. Упадок одного способствовал ослаблению другого»³². Община, которую Т. Шанин образно назвал основным элементом «кровавого достоинства мужицких войн», выступила в роли гибкой, готовой боевой единицы крестьянской революции «функционируя при этом в качестве основной ячейки самоидентификации»³³. В российской Смуте начала Община стала своеобразным последним рубежом, последним бастионом борьбы русского крестьянства против наступления индустриализма и капитализма, грозившего ему уничтожением. В тоже время российские либералы рассматривали общину как социальный анахронизм, являющий главным тормозом «прогрессивного» развития страны³⁴. Они говорили о том, что «современную экономическую культуру сделали не народы общинников, а народы собственников»³⁵.

Ключевой для либерализма является идея свободы в рамках закона. Иное понимание «свободы» было характерно для народных масс Поволжья. Подтверждением этого является реакция сельского и «городского» крестьянства на «свободу», полученную в октябре 1905 года и в феврале 1917 года, который в их глазах был проявлением слабости власти и послужил своеобразным катализатором крестьянской войны и городских беспорядков.

«Голос Самары» в одном из номеров, следующим образом передавал настроения, царившие в деревне в конце 1905 — начале 1906 года: «Теперь мы, — говорят мужики и

²⁸ Цит. по. Клебанов А.И. Народная социальная утопия в России. М., 1978, 341 с. С.329

²⁹ ГАРФ.Ф.579. Оп.1. Д.845. Лл.26-27.

³⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). Том 1, СПб., 1999, 548 с. С. 330

³¹ Там же. С. 331

³² Шанин Т. Там же, с.278

³³ Шанин Т. Там же, с.276

³⁴ Октябристы выступали за разрушение общины «сверху», т.е. фактически за «раскрестьянивание», о котором когда-то говорил Ленин. Кадетская позиция была предельно ясно сформулирована А.И. Шингаревым: «Мы вовсе не желаем закреплять людей в общине ... Мы говорим: пускай идет этот выдел... пускай община подвергается исторической эволюции — мы не желаем ни стеснять, ни разрушать» (Модели общественного переустройства России. XX век. М., РОССПЭН, 2004 г. С. 316)

³⁵ См.: Телицын В.Л. Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 173.

старые и молодые — словно в угаре: дали нам волю, что хочешь делать, об этом много толковали приезжие господа, сулили землю, про уполномоченных говорили, что бы их не посылали, а то, обойдут их. Вот и слушались инда ум за разум заходит. А нам, что — землицы бы надо!»³⁶. Тот же «Голос Самары» писал: «...гражданская свобода понятия была огромным большинством населения в смысле всякого разрешения всякого насилия всякого грабежа, всякого бесчинства и на первых же порах превратилось в необузданное своекорыстие и анархию»³⁷. Аналогичным образом описывал психологическое состояние народа в 1917 году выдающийся социолог П. Сорокин: «Раз свобода, то все позволено»³⁸. Дарованный сверху Манифест 17 октября 1905 года, по мнению исследователей, не стал «актом гражданского примирения, а лишь открывшейся возможностью для политиков разной ориентации удовлетворить свои амбиции»³⁹. «Политические преобразования начатые авторитарным режимом в нестабильной обстановке способствовали еще большему раскачиванию лодки, втягиванию в этот процесс не только интеллектуальных элит, но и масс, которые имели реальную возможность делать выбор между различными моделями предлагаемыми, а нередко и навязываемыми политическими партиями»⁴⁰. Ситуацию в русской деревне октября-ноября 1905 года очень точно и образно описал Р. Пайпс: «поднялась волна крестьянских беспорядков. Было бы нелепо искать в этом разгуле насилия, разбушевавшемся на целых два года, какую-либо логику. Это были всплески, копившейся обиды, выпущенной на волю крушением власти — без смысла и даже вопреки здравому смыслу, без какой бы то ни было программы, типичный пример русского бунта, который так хотел предотвратить Витте»⁴¹. Период октября — ноября 1905 года стал одним из двух пиков «общинной революции» не только в Поволжье, но и в целом по стране⁴². По воспоминаниям участников революционного движения в Самарской и Симбирской губернии: «почти все разгромы имений в Самарской губернии падают на октябрь — ноябрь 1905 года, причем большинство из них проходит в ноябре, после манифеста 17 октября»⁴³. Своим действиям поволжские крестьяне давали весьма типичное, традиционное для крестьянского сознания объяснение. С их точки зрения Манифест санкционировал «черный передел», ликвидировал частную собственность на землю, даровал общинам право распоряжаться всей землей. Данный законодательный акт «содействовал укреплению в крестьянских сознаниях правоты и упорства в дальнейшей борьбе»⁴⁴. Погромная вакханалия охватила не только деревню, но и города. Самарский социал-демократ Н.Н. Накоряков дал такую характеристику ситуации в поволжских городах осенью 1905 года: «Власть валялась, её все пинали, и некому было её поднять»⁴⁵. Главной ударной силой городских «беспорядков» стало «городское крестьянство». «Теперь брат свобода» — так оправдывали свои действия поволжские «пролетарии»⁴⁶. По мнению В.Ю. Карни-

³⁶ «Голос Самары», №35, 17 февраля 1906 г.

³⁷ «Голос Самары» 22.02.1906 г.

³⁸ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 228.

³⁹ Карнишин В.Ю. Там же. С. 191

⁴⁰ Шелухаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С.16

⁴¹ Пайпс Р. Русская революция. Ч.1. ... С.57

⁴² Сперанский Н.Н. Там же. С. 513, 404

⁴³ Сборник воспоминаний участников революционного движения в бывших Самарской и Симбирской губерниях. Истпарт Куйбышевского крайкома ВКП(б) — Куйбышевское краевое издательство. Москва — Куйбышев, 1935 г., 192 с. С.30.

⁴⁴ Адлер Л.А. Первая революция в деревне. Аграрное движение 1905-1906 гг. в Симбирской губернии /«Поволжский край». Саратов, 1977, вып.5. С.72

⁴⁵ Цит. по. Блюменталь И.И. Социал-демократия и революционное движение 1905 года в Самарском крае//1905 год в Самарском крае. Материалы по истории РКП(б) и революционного движения. Самара, 1925. С. 256

⁴⁶ Протопопов Д.Д. Из недавнего прошлого. Русская мысль, 1907 г., №11. С.18

шина в «дни свободы» «в глазах людей, возлагавших надежды на стабильность, предотвращение кровопролития, слово «свобода» стало символом насилия и избияния»⁴⁷. События, разыгравшиеся в Поволжье после опубликования Манифеста, наглядно подтверждают мысль о социокультурном единстве «деревенской» и «городской» революции 1905 года, которую можно определить словами В.П. Булдакова, сказанными применительно к событиям 1917 года, как «урбанизированный вариант пугачевщины»⁴⁸.

Своеобразным предметом культа для русских либералов была идея Конституции и установления конституционной формы правления в России⁴⁹. Для русского крестьянина предметом культа являлась не Конституция, а Царь. Представление о «благохотящем царе»⁵⁰, действующем во имя Правды, но искусственно оторванном от своего народа «боярами-лиходеями»⁵¹ — многовековая традиция крестьянского сознания, неотъемлемая, важнейшая часть всего комплекса патриархальных крестьянских представлений о мироустройстве, согласно которым Россия это макрообщина, или «община-общин», а деревенский «мир» это микромодель России. Р. Пайпс писал: «Уклад русского крестьянского двора воспроизводил простую, авторитарную модель, при которой все права над людьми и их имуществом принадлежали одному человеку, «большаку» или хозяину..., который был главой семейства в самом архаическом смысле слова, чем то, вроде царя в миниатюре»⁵². Крестьяне не допускали возможности существования в стране другого политического строя, кроме Самодержавия. Более того источники 1905-1907 годов содержат немало свидетельств крайне негативного отношения со стороны поволжских крестьян к тем, кто выступал против Самодержавия. Так, Сызранский уездный исправник в одном из своих докладов начальству, относящихся к 1905 году, пишет о том, что «замечается озлобление против учащих, коих подозревают в разбрасывании и составлении прокламаций против царя...»⁵³.

Сегодня можно говорить о том, что на поддержку со стороны крестьянства, и соответственно на победу в русской революции, только те политические силы, которые готовы были преподнести себя массам в качестве продолжателя, преемника старой русской власти, с характерными для нее методами управления насилием, способного остановить крестьянскую анархию и «железом и кровью» восстановить «порядок» в стране. Русский либерализм такой силой не мог быть по определению ни в 1905, ни тем более в 1917.

⁴⁷ Карнишин В.Ю. Там же. С. 197

⁴⁸ Булдаков В.П. Октябрь и XX век: теории и источники (1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению) — М., 1998, с.11-36. С. 22

⁴⁹ См. Леонтович В.В. Там же. С. 365

⁵⁰ Клебанов А.И. Там же. С.349

⁵¹ На наш взгляд, главной целью всех крестьянских войн, наряду с осуществлением «черного передела», являлось, с точки зрения крестьянства, восстановление обратной связи, разрушенного когда-то единства Царя и Народа. Наступление своеобразного крестьянского «золотого века» крестьяне связывали с восстановлением этого единства. Выразителями этой крестьянской утопии в XIX веке были славянофилы и ... некоторые западники. Например, К.Д. Кавелин писал: «Царь есть единственный и самый верный оплот крестьянства против аристократических или мещанских ... конституций. Он и в будущем лучшая гарантия всяких привилегированных классов. И нет сомнения, что ... Россия может идти только за самодержавным, т.е. свободным, царем, не зависящим ни от бояр, ни от плутократии. Сама история заставляет нас создать новый, своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как — самодержавная республика» (Цит. по Пивоваров Ю.С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия. М., 1997. С.138-139). В этом контексте русская революция может рассматриваться как процесс восстановления единства Народа и Самодержавия путем уничтожения старого правящего слоя и заменой его новым с постоянной ротацией последнего.

⁵² Пайпс Р. Там же. С. 106.

⁵³ Цит. по Рамазанов А.Г. «Крестьянское правосознание в революции 1905-1907 гг. (По материалам Самарской и Симбирской губернии). Самара, Издательство «Самарский университет», 1995 г. С.19

Либералы и крестьяне по разному понимали роль Государственной Думы. Думские иллюзии крестьянства, о которых много писалось в историографии, на наш взгляд следует рассматривать как одно из проявлений общинно-патриархально-самодержавного идеала. Дума воспринималась крестьянами, по аналогии с Земскими Соборами Московской Руси, как «шанс восстановления обратной связи»⁵⁴, преодоления «средостения» между ними и Царем в лице «ненавистных бояр», бюрократов, помещиков. В приговоре схода села Лесного Матяшина Сенгилеевского уезда от 20 марта 1907 г. говорится «... царь обещал дать землю и созвал себе на помощь Государственную Думу»⁵⁵. Сельские жители Ардатовского уезда в ноябре 1905 года были убеждены в том, что «что все помещичьи земли и леса Государственная Дума отдаст им даром»⁵⁶. Когда думские надежды крестьянства не оправдались, сами думские депутаты превратились в глазах крестьян из «ходовков», из инструмента диалога с Верховной Властью, в то само «средостение», о котором говорилось выше. Следствием этого явились те акты насилия, которые имели место по отношению к депутатам I Думы, после ее разгона. Например, в с. Борисовке Самарской губернии крестьяне сожгли дом депутата Шаркова П.В. и добились его «отъезда» из села⁵⁷. В целом можно говорить о том, что поволжское крестьянство отреагировало новой волной погромов и захватов. По данным М.И. Леонова «на июль — август пришлась большая часть крестьянских выступлений 1906 г.: 73 — в Самарской, 123 — в Саратовской губерниях»⁵⁸. «Самарский вице-губернатор И.Ф.Кошко вспоминал, что он летом 1906 г. физически ощущал «повсюду разлитую враждебность к властям»⁵⁹. События, развернувшиеся в деревне лето 1906 года после разгона I Думы, многие исследователи называют вторым пиком крестьянской войны 1905-1907 годов⁶⁰.

Анализ материала позволяет согласиться с русским философом Г.П. Федотовым, который говорил, что в условиях русской жизни либерализм превращался в «силу разрушительную и невольно работал для дела революции»⁶¹. Борьба русских либералов за Конституцию и конституционное правление увенчалась пустоцветом постфевральской демократии, разгулом анархии и крахом либеральной альтернативы в 1917 году. «Стремление к европейской свободе обернулось российским хаосом»⁶².

Одним из главных постулатов либерализма является священность и неприкосновенность частной собственности. Исходя из этого принципа, все отечественные либералы начала XX века выступали за сохранение помещичьего землевладения⁶³ и против «черного передела» во всех его вариантах, в том числе и под видом социализации и национализации земли.

⁵⁴ Булдаков В.П. Выступление на семинаре «Революционное насилие в истории России XX века. Особенности массового сознания в России в кризисные времена» // Там же

⁵⁵ Цит. по: Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905-1907 гг. Ульяновск, 1955, с.161

⁵⁶ Цит. по: Там же. С.51

⁵⁷ Самарский курьер. 1906, 26 августа

⁵⁸ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905— 1907 гг. М., 1997, 512 с. С. 328-329

⁵⁹ Леонов М.И. Там же

⁶⁰ Шанин Т. Там же. С.149

⁶¹ Цит. по. Федотов Г.П. Там же. С.34

⁶² Кантор В.К. «...Есть европейская держава. Россия трудный путь к цивилизации. Исторические очерки». М., 1997, 479 с. С.109

⁶³ А.И. Шингарев, выступая на заседании II Государственной Думы, заявил, что считал бы «величайшим несчастьем» если бы народ сам взял землю» (Цит. по: Ленин В.И. Там же, С. 360). Самарские октябристы на страницах «Голоса Самары» заявляли: «Нет более неудачной идеи, чем национализация земли. В наше время в России это было бы вернейшим средством в самый короткий срок обратить страну в пустыню. Первый шаг по пути этой идеи — первый шаг в пустыню» («Голос Самары». 7 февраля 1906 г.)

Вместе с тем под влиянием революционных событий, испытывая необходимость борьбы за массового избирателя российские либералы, многие из которых прошли марксистскую и народническую школу, включили в свои программы положение о необходимости частичного наделения крестьян землей путем выкупа из специально созданного для этих целей за счет отчуждения части государственных удельных, кабинетских и монастырских и частновладельческих земель земельного фонда (левое крыло кадетской партии выступало с лозунгом национализации земли)⁶⁴.

Для правосознания поволжских крестьян частная собственность на землю была неприемлема, безнравственна, безбожна. Для него вообще категория собственности носила внеюридический, надюрисдикционный, сакральный характер. Крестьяне признавали только один вариант решения земельного вопроса — «черный передел». Все крестьянское Поволжье вполне могло пописаться под словами из приговора крестьян села Тростянки от 24 ноября 1905 года: «1-е наша нужда нет у нас земли.... желаем... у помещиков и монастырских эту землю. Они получили не от бога, а от своей хитрости. Так мы собраньем решили эту хитрость оставить, а поступить по божьи. Господь сказал человеку будешь ты добывать себе хлеб в поте лица твоего а наши землевладельцы не проливают пот своего лица а добывают хлеб даром с Божьей земли, значит торгуют её. Торговать землей никак нельзя....земля должна быть передана трудовому народу, кто её будет вспахивать в поте лица своего. Господь землю дал бесплатно, так должен люд землю получить без платно, а получить земли нужно столько сколько сможем обрабатывать своей семей без найма»⁶⁵. Крестьянское отношение к либеральным рецептам «решения» аграрного вопроса было однозначным: «О выкупе земли крестьянами не может быть и речи. Помещики владеют землей, много раз оплаченной народными трудами»⁶⁶. О том же самом свидетельствуют местные материалы, относящиеся к 1917 году. «...Нам, гражданам, желательно, чтобы земля, созданная Богом, находилась в общем пользовании у самих граждан. Поэтому все земли должны перейти во всеобщее пользование нам»⁶⁷ — так или примерно формулировали свои требования крестьянские миры, которые к концу 1917 года завершили практическую реализацию своего правосознания полностью уничтожив при этом помещичье землевладение. Видный кадетский идеолог А.С. Изгоев писал: «Когда в 1917 году... разразилась вторая революция, победило общинное право, не встретив серьезного сопротивления ни в какой социальной среде. Победила та тенденция общинного права, которая стремилась разрушить границы общины от селения до пределов всей Империи. Общинное право, опираясь на миллионы вооруженных крестьян в серых шинелях, шло и ломало стихийно»⁶⁸.

Таким образом, можно констатировать, что меньшевики и либералы фактически предлагали такие варианты развития страны, реализация которых фактически означала смерть русскому крестьянству, как культурно-исторического феномена. Крестьяне в

⁶⁴ Член ЦК, саратовский кадет С.А. Котляревский, выступая на заседании Государственной Думы летом 1906 года, заявил: «Принцип принудительного отчуждения является тем несомненным положением, с которым мы все соглашаемся, расходясь только в степени его применения» («Голос Самары» № 104 от 2 июня 1906 г.). На наш взгляд, эту позицию кадетов и октябристов следует рассматривать как вынужденную в условиях революции и необходимости борьбы за избирателя уступку массам. В.В. Леонтович называл ее, применительно к кадетам, «капитуляцией и перед древне-московским принципом ... и перед социализмом, который представлял собой последовательный возврат к этому принципу» (Леонтович В.В. История либерализма в России 1762 — 1914 гг. М., 1995г. С. 263)

⁶⁵ Н.Н. Сперанский. Там же. С.458

⁶⁶ Клейн Н.Д. Там же

⁶⁷ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д.101. Л.60.

⁶⁸ Цит. по. Пивоваров Ю.С. Там же. С.296

ходе революции боролись за сохранение Империи и Общины⁶⁹, как механизма, обеспечивающего воспроизводство «традиционного крестьянского строя жизни во всех отношениях — экономическом, демографическом, культурном и т.д.»⁷⁰ — т.е. за самосохранение⁷¹. Поэтому ни меньшевики, ни либералы не имели реального, а не сконструированного властью и ошибками политических оппонентов, успеха в среде крестьянства. Эти партии, не пожелав считаться с собственным народом, тем самым обрекли себя на поражение «в борьбе за массы» и преопределили свое собственное политическое банкротство.

Иное отношение к крестьянству было характерно для большевиков и эсеров. Большевики поддержали на III съезде РСДРП выдвинутую Лениным, идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, в которой, по мнению П.Н. Милюкова «была, в зародыше, вся ленинская программа 1917 года»⁷². Большевики и эсеры признавали главную роль аграрного вопроса в революции. По мнению Ленина аграрный вопрос — это «гвоздь русской революции», который «обуславливает собой национальную особенность этой революции»⁷³. Эсер Н.Я. Быховский в 1917 году поставил судьбу своей партии в прямую зависимость от ее удачи или неудачи в аграрном вопросе: «Если мы провалимся в аграрном вопросе, то тогда нам будет крышка»⁷⁴.

РСДРП(б) и ПСР, убедившись, на примере событий 1905 года, в том, что русская революция «победоносной ... может быть только как крестьянская аграрная революция»⁷⁵, а крестьянское движение, в котором деревня выступила единым фронтом⁷⁶ является серьезной разрушительной силой, подвергли кардинальному пересмотру прежние взгляды и предложили такие варианты решения аграрного вопроса, которые находили отклик в крестьянском сознании. Аграрная программа партии социалистов-революционеров, которая «представляла собой наиболее адекватное выражение ... кре-

⁶⁹ Как тут не вспомнить «антимарксистского» Маркса: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция» (Цит. по. Волобуев П. В. Россия: Борьба за выбор новых путей общественного развития // Вопросы истории, 1986, № 5, с.42-67. С. 55)

⁷⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). Том 1, СПб., 1999, 548 с. С. 330

⁷¹ Схожие мысли не раз звучали в современной историографии. С.Г. Кара-Мурза о революции 1905-1907 гг. пишет: «Это была первая из целой мировой цепи крестьянских войн XX века, в которых община противостояла наступлению капитализма, означавшего «раскрестьянивание» (Кара-Мурза С.Г. Там же. С. 69)

⁷² Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Том 1. М., 1993, 446 с. С.339

⁷³ Ленин В.И. Там же. Т.14, С.178; Там же. Т.16. С. 403

⁷⁴ Третий съезд партии эсеров. Пг., 1917. С.258.

⁷⁵ Ленин В.И. Там же. Т.14. С.407

⁷⁶ Есть основания говорить о том, что события 1905 г. в русской деревне не подтвердили выдвинутый В.И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» тезис о том, что в русской деревне происходит процесс «раскрестьянивания», т.е. разрушения старого патриархального крестьянства и создания новых типов сельского населения — сельского пролетариата и сельской буржуазии. Об этом пишет Т. Шанин: «... несмотря на дифференциацию, российская деревня продолжала демонстрировать высокую политическую сплоченность и единство действий. Это с особой силой проявилось в революциях 1905-1907 и 1917-1922 гг., но было характерно для всего периода первых десятилетий XX в.» (Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905-1930 гг. //Социологические исследования. 2002. № 1. С. 30-40. С.32); «Реальная картина социально-экономической мобильности крестьянских хозяйств России гораздо сложнее, чем "монистическая" модель поляризации (разновидностью которой является упоминаемая выше ленинская идея раскола крестьянства на сельский пролетариат и сельскую буржуазию — С.Ю. Разин) В ней присутствуют процессы трех типов: поляризация, выравнивание и разнонаправленность одновременных и в высокой мере автономных. К тому же они определяются не только экономической, но и демографической, культурной причинами» (Там же. С. 38)

стьянской утопии»⁷⁷, предусматривала отмену частной собственности на землю, превращение земли в общенародное достояние, изъятие земли из торгового оборота, запрещение ее купли-продажи, получение земли по потребительской или трудовой норме. Ленинский вариант включал в себя следующие положения: создание крестьянских комитетов; конфискацию всех помещичьих, церковных, монастырских, удельных, государственных и других земель в пользу крестьян; в дальнейшем — национализацию всей земли. Ленин резко критиковал проект «муниципализации» и меньшевистско-либеральную идею о реакционности крестьянства и его борьбы⁷⁸. Если же говорить о позиции самих большевиков по крестьянскому вопросу, то следует согласиться с мнением тех историков, которые считают что Ленина и его сторонников «интересовала не разработка теории крестьянства как социального класса..., но анализ его революционного потенциала... и способы которыми некоторые его части могут быть привлечены к политическому союзу с рабочим классом, или точнее, с революционной партией этого класса»⁷⁹. Одним из таких способов следует считать аграрную программу большевиков, которая «была подчинена ... стремлению развязать восстание крестьянства»⁸⁰.

Многие авторы справедливо полагают, что именно различие в отношении к крестьянству, и его роли в революции стало тем Рубиконом, который окончательно разделил большевиков и меньшевиков на две самостоятельные партии⁸¹. Меньшевики все более сближались с кадетами двигались в сторону кадетов, а Ленин и его сторонники, выступавшие с идеей создания «левого блока», в сторону крестьянства и эсеров. На наш взгляд, вполне справедлива оценка Т. Шанина, который рассматривал ленинскую национализацию как «инословное повторение требований Всероссийского крестьянского союза и эсеровской программы «социализации земли»»⁸². Бывший «легальный» марксист, а затем кадет М.И. Туган — Барановский в 1912 году писал: «Аграрные программы марксистов стали все ближе приближаться к аграрным программам народников, пока наконец между ними не исчезли какие бы то ни было принципиальные различия. И те, и другие требовали почти что с одинаковой энергией перехода земли в руки крестьянства... При таком положении дел старые споры и разногласия решительно утрачивают смысл. Жизнь своей властной рукой выкинула из под них почву»⁸³.

Близость, если не сказать больше идентичность, эсеровской и ленинской аграрной программы отмечалась и местными партийными работниками, о чем свидетельствует эпизод происшедший после одного из митингов в Симбирске в 1905 году, который привел в своих воспоминаниях В. Рябиков: «... когда Черномордик закончил свой детально разработанный на основании резолюции III Съезда доклад то, подошедший к нему, один из эсеров сказал, что после его доклада не видит разницу между с.-д. и с.-р.»⁸⁴.

⁷⁷ Медушевский А. Стратегии решения аграрного вопроса в России// *Отечественные записки*, 2004, №1. (Электронный ресурс). Режим доступа — http://magazines.russ.ru/oz/2004/1/2004_1-1_46.html

⁷⁸ По словам Ленина «муниципализация» это «кадетская сделка с реакцией» (Ленин В.И. Там же. Т.16. С. 313), которая «... не расширяет и не обостряет классовую борьбу» (Ленин В.И. Там же. С.342) и «...никогда не станет лозунгом революционного крестьянства» (Ленин В.И.Там же. Т.13, С. 11)

⁷⁹ Модели общественного переустройства России. XX век. ... С.79

⁸⁰ Левятова Х. Борьба большевистской партии за разрешение аграрного вопроса в период от февраля к октябрю 1917 года. // Ученые записки УГПИ, Ульяновск, 1957. Т.12. Вып.1 С. 157.

⁸¹ Т. Шанин: «Эта стратегия «левого блока» стала теперь главной разделительной линией между большевистским и меньшевистским течением» (Шанин Т. Революция как момент истины... С. 239).

⁸² Шанин. Т. Четыре с половиной аграрных программы Ленина. (Электронный ресурс). Режим доступа — http://magazines.russ.ru/oz/2004/1/2004_1-1_32.html

⁸³ Кара-Мурза С.Г.Там же. С. 52-53

⁸⁴ Рябиков В. (Младенец Старший). Симбирские большевики в 1903-1906 гг.// 1905 год в Симбирске ... С.23-24

Деревенское Поволжье приняло и социализацию и национализацию. Оба лозунга оказались созвучны крестьянским представлениям. Для сельчан они означали одно и то же — «долой помещиков» и «черный передел». Об этом свидетельствуют решения сельских сходов. В одном из них говорилось: «Вся земля должна перейти в руки народа, чтобы получать ее мог только, кто на ней работает, и в количестве не меньшем того, какое нужно для необходимого существования по равномерному распределению между всеми на земле трудящимися»⁸⁵ Эсеровский журнал «Революционная Россия» еще в 1904 году с удовлетворением отмечал на своих страницах: «Мы с нашей социализацией земли угодили в самую точку, крестьяне без всякого труда усваивают себе эту идею»⁸⁶. Непосредственное соприкосновение с крестьянством способствовало переходу симбирских социал-демократов на ленинские позиции в аграрном вопросе. В одной из листовок, выпущенных Симбирской группой РСДРП в 1905 году. В одной из них говорится: «Земли удельные, кабинетские, монастырские и дворянские должны перейти к крестьянам. Если нужно государство пускай выкупает, а крестьяне уже довольно за землю платили..... — теперь они решать будут, как с землей поступать»⁸⁷

Большевики и эсеры предлагали крестьянству такие модели социального поведения, которые совпадали с его психологической реакцией на ослабление Власти и дестабилизацию ситуации в стране. Эсеровский террор, большевистские призывы к вооруженному восстанию находили отклик у крестьян, совпадали со стихией крестьянского движения. В одной из листовок, написанных осенью 1905 г., Саратовский комитет РСДРП, призывал крестьян: «1) Отказывайтесь платить подати. 2) Отказывайтесь идти на военную службу. 3) Отказывайтесь повиноваться начальству. 4) Закрепляйте приговорами эти отказы. 5) Устраивайте демонстрации на ярмарках и базарах. 6) Намечайте, какие земли вам нужно будет отбирать у казны, у удела и помещиков. 7) Вооружайтесь»⁸⁸. С пафосом и темпераментом подобного рода документов периода первой русской революции перекликаются высказывания большевистских лидеров, относящиеся к 1917 году в которых красной нитью проходит мысль о необходимости насильственного и немедленного решения главного вопроса русской революции. «Если вы будете ждать, пока закон напишется, а сами не разовьете революционной энергии, то у вас не будет ни закона, ни земли», — писал В.И. Ленин. «Взять земли... необходимо никого и ничего не дожидаясь», — призывал крестьян Г.Е.Зиновьев⁸⁹. По словам А.С. Изгоева большевики говорили массам «Не жди!», а бери, хватай сейчас же, тащи, что можешь и как можешь. О последствиях не думай, там разберемся, что урвешь, то будет твое! Такие лозунги, брошенные в темные многомиллионные безграмотные массы, производят оглушающее действие. Борьба с ними словами, убеждать молодцов, вышедших с кличем «Сарынь на кичку» в неправильности их «тактики» — значит смеяться над людьми и здравым смыслом»⁹⁰. Все эти лозунги соответствовали настроению многомиллионных крестьянских масс. «Вопрос о земле освещен со всех сторон. Хватит языком молоть, а дело теперь за Стенькой Разиным. И теперь это время настало»⁹¹ — это заявление крестьянского депутата Фролова на II Самарском губернском крестьянском съезде выражало психологическое состояние всего деревенского Поволжья.

Особо следует сказать о соотношении крестьянского культурного архетипа и

⁸⁵ Крестьянское движение в Симбирской губернии в 1905-1907 гг. ... С.107

⁸⁶ Цит. по. Гинев В.Н. Там же. С.18-21, 46

⁸⁷ Крестьянское движение в Симбирской губернии в 1905-1907 гг. ...С.112

⁸⁸ Петрова З.П. «Большевики во главе всероссийской политической стачки в октябре 1905 года» // Вопросы истории, 1955, № 12, с. 146-148. С.147-148

⁸⁹ Ленин В. И. Там же. Т. 31. С. 149; Правда, 1917. № 30.

⁹⁰ Изгоев А. С. Социалисты во второй русской революции. Пг., 1917. С. 74.

⁹¹ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда. Самара, 1917. С. 51.

марксистской идеи классовой борьбы. Для крестьянского сознания характерной чертой является противопоставление и неприятие, вплоть до готовности к физическому истреблению, «своих» и «чужих», мира «малого» и мира «большого», «деревни» и «города», под которым понималось все противостоящее крестьянству — помещики, чиновники, интеллигенты, а в 1917 году — «буржуи». Весьма характерны слова, с которыми в августе 1906 года обратился староста Жигулевского хутора Самарской губернии к крестьянам имения графа Орлова-Давыдова: «Ребята кто в селе появится, значит, в сорочке, жилете, почище — бей его, а потом тащи к нам на хутор. Мы тут и разделаем»⁹². В 1917 году крестьяне точно также воспринимали «буржуев», как 12 лет назад воспринимали интеллигентов, «бар» и «жидов»: «Мы крестьяне, а вы — буржуй»⁹³. Газета «Волжский день» писала весной 1917 года: «у нашего населения самые смутные понятия о буржуе»: кто чуть получше одет — тот и буржуй и доверять ему нельзя»⁹⁴. Идея классовой борьбы оказалась совместимой с крестьянскими представлениями о бунте, как о средстве восстановления справедливости, обратной связи между патерналистской властью и народом и «становился главной формой социального поведения и массового сознания в «смутные» времена отечественной истории»⁹⁵. Ленин и его сторонники, придав бунту статус «крестьянской аграрной революции» стали рассматривать его как наиважнейшую часть социальной революции. Произошло соединение стихии русского бунта и марксистской идеи классовой борьбы, которая «как готовая теоретическая формула облекла и оформила то чувство ненависти и возмездия, который воспитал в русском человеке старый порядок»⁹⁶. По образному выражению выдающегося русского философа И.А. Ильина «революция оседлала бунт и государственно организовала ограбление»⁹⁷. Большевизм парадоксальным, с точки зрения ортодоксального марксизма, образом стал классовой борьбой — бунтом во имя сохранения Империи.

Крестьянским представлениям соответствовала характерная для большевиков апологетика сильной власти. У большевиков, не страдавших комплексом «властебоязни» ни в 1905 ни, тем более, в 1917, всегда говоривших о своей готовности взять государственную власть, эта апологетика была представлена в виде идей «демократического централизма», «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» и «диктатуры пролетариата». Большевизм оказался в глазах масс наиболее подходящей среди всех русских политических партий и движений кандидатурой на роль преемника традиционной Российской Власти, механизма воспроизводства, и прогрессивного продолжателя Империи. Все указанные выше особенности большевизма соответствовали базовым установкам массового сознания. Это соответствие в конечном итоге способствовало превращению первоначально малочисленной⁹⁸ по сравнению

⁹² Адлер Л.А. Там же. С. 92

⁹³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854. Л. 18.

⁹⁴ Волжский день, 1917, № 99 (11 мая)

⁹⁵ Булдаков В.П. Выступление на семинаре «Революционное насилие в истории России XX века. Особенности массового сознания в России в кризисные времена» // Там же

⁹⁶ Политические партии России в контексте её истории ... С. 48

⁹⁷ Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. М., Воениздат, 1993. С. 107

⁹⁸ Численность, силу и «мощь» большевистских организаций хорошо характеризуют в своих воспоминаниях сами большевики. В. Рябиков: «В начале 1905 г. наша организация ещё не чувствовала себя способной организовать уличные демонстрации, почему 1 мая в этом году демонстрации не было» (В. Рябиков (Младенец Старший) ... С.27). По данным работника самарского Истпарта И.И. Блюменталь осенью 1905 года в самарской организации РСДРП состояло: «6 большевиков, 5 меньшевиков, 5 примиренцев» (Блюменталь И.И. Там же. С. 307-308). По словам большевика А. Швера в Симбирской губернии, за исключением Сызрани, в апреле 1917 года, было всего пять членов РСДРП (б) (Швер А. 1916 — 1917 в Симбирске. Красная летопись /Сб. матер. по истории Симбирской организации РКП (б) и революционного движения в Симбирской губернии. Симбирск, 1923. С. 35.). Саратовский большевик В. П. Антонов в своих воспоминаниях дал исчерпывающую характеристику ситуации в саратовской организации боль-

со своими конкурентами и в 1905 и в 1917 годах большевистской партии в гигантскую силу общенационального масштаба, предопределило исход русской революции и исторический выбор народа. Уже в 1905-1907 гг. он проявил себя, как сила, способная слиться с массами, использовать их энергию, организовать их движение, как партия «нового типа», партия революционного дела, способная к «творческому» применению и переосмыслению теоретических положений марксизма. Возможность такого переосмысления, творческого применения, адаптации к российской почве была провидчески предусмотрена молодым Лениным еще в конце XIX века, написавшем следующие строки: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное. Мы убеждены напротив, что она положила только краеугольные камни науки, которую социалисты должны развивать во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима обстоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются, в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе чем к России»⁹⁹. Эта политическая гибкость, которой большевики научились в ходе и результате революции 1905 — 1907 годов, стала главным оружием и главным средством борьбы большевиков за власть в 1917 году. Если в 1905-1907 годах Ленин и его сторонники сделали лишь крен в сторону эсеров, то в 1917 пошли на прямое заимствование эсеровской аграрной программы, которое, во многом и обеспечило победу большевиков. Об этом красноречиво свидетельствует признание большевистского вождя: «Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую, и осуществили ее на практике. Наша победа в том и заключалась, что мы осуществили эсеровскую программу; вот почему эта победа была так легка»¹⁰⁰. По выражению В. П. Булдакова, декрет о земле, хладнокровно заимствованный вождем «пролетарской» партии у своих крестьянофильствующих конкурентов, может рассматриваться как проявление уникального для интеллигентских политиков умения использовать в своих интересах мощь обратной связи, исходящей от низов»¹⁰¹.

Обозначенные соответствия партий и масс оказали определяющее влияние на исход, проходивших в годы революций, выборов в Государственную Думу и Учредительное собрание. Решающим фактором, определявшим их исход была позиция крестьянства, политическая платформа которого оставалась для всех политических сил страны «неразгаданным сфинксом». Выборы в I Думу завершились победой кадетов. Но эту победу нельзя рассматривать как торжество либеральных идей в России. Весьма реалистичную оценку их итогов дал П.Н. Милюков: «Ведь наши успехи были только кажущиеся и лишь на короткий период замаскировали истинное положение вещей»¹⁰².

Продолжавшаяся революция, и стремление завоевать популярность в массах привели к тому, что кадеты взяли на вооружение антилиберальные идеи и лозунги (признание возможности политической революции, принудительное отчуждение части частновладельческих земель, и т.д.) Кадеты позиционировали себя в качестве союзников социалистов, как часть «левого» лагеря. Но не этими теоретическими и тактическими метаморфозами объясняется «триумф» кадетской партии. Главной причиной «победы»

шевиков в конце марта 1917 года: «После переворота прошло около месяца, но пустотой и какой-то унылостью веяло в довольно просторном помещении комитета» (Антонов—Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы: Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове. М. — Л., 1925. С. 96.).

⁹⁹ Цит. по. Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М., Республика, 2001, 544 с., С. 176

¹⁰⁰ Ленин В. И. Там же. Т. 44, с. 30.

¹⁰¹ Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 107.

¹⁰² Милюков П. Н. Там же. Том 2. М., 1993, 446 с., с.19

конституционных демократов был бойкот выборов со стороны большевиков и эсеров. Это обстоятельство автоматически делало ПНС самой социалистической партией, принимавшей участие в выборах. В Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях «под флагом «Народной свободы» объединились многие беспартийные крестьяне (будущие трудовики), социал-демократы (меньшевики), эсеры, не согласные с тактикой бойкота. Будучи разрозненными, эти элементы объявили себя членами КДП»¹⁰³. В ходе выборов во II Государственную Думу в 1907 году и в Учредительное собрание в 1917 году взаимодействие крестьянства и партий стало происходить в рамках обозначенного выше алгоритма «соответствия». В обеих избирательных кампаниях участвовали РСДРП и ПСР, что фактически лишило кадетов пространства для политического маневра, и делало невозможным те нелиберальные программно-теоретические метаморфозы, к которым Партия Народной Свободы прибегла в ходе выборов в I Думу. Уже кадетов исчезла монополия на использование социалистических идей и лозунгов.

В 1917 году в условиях разрушения традиционной имперской государственности, продолжающейся мировой войны, нарастающего кризиса и вызванной этими и факторами радикализации масс, когда возможность конституционного пути развития страны были гораздо меньше, чем в 1905-1907 годах, кадеты, вместе с меньшевиками и эсерами выступили с лозунгом о том, что все главные вопросы жизни страны, в том числе и земельный, должно решить Учредительное собрание, созыв которого постоянно откладывался. Так, будучи министром земледелия Временного правительства, видный деятель кадетской партии А.И.Шингарев говорил: «Лишь Учредительное Собрание разрешит великий земельный вопрос, сейчас же надо сохранить все в полной неприкосновенности...»¹⁰⁴. В свою очередь крестьяне, учитывая опыт первой русской революции, когда они ждали Думу и не дождалась от нее ничего, в 1917 году приступили к осуществлению черного передела не дожидаясь Учредительного собрания, собираясь его поставить перед фактически свершившимся фактом, происшедшего в стране «перераспределения» земельной собственности в соответствие со своими обычно-правовыми представлениями. «Учредительное собрание, если оно только соберется, пусть станет перед совершившимся уже фактом»¹⁰⁵ — говорилось в решении общего собрания Репьевской волости от 28 мая 1917, принявшем резолюцию о немедленной конфискации всех земель. В такой ситуации шансов на победу у либералов не было, что и подтвердили результаты голосования в 1907 и 1917 годах.

Итоги выборов во II Государственную Думу и в Учредительное собрание показали, что без создания особых условий для либеральных партий, их победа просто невозможна. Из 36 депутатов, представлявших губернии Среднего Поволжья во II Государственной Думе³⁴ являлись представителями социалистов, один — кадетом и один октябристом¹⁰⁶. «Большинство поволжских депутатов являлись крестьянами» и в ходе работы Думы «распределились между фракциями трудовиков, эсеров и социал-демократов»¹⁰⁷. «За меньшевиков в 1917 году на выборах в Учред. Собрание было подано всего лишь 2,3 % от общего числа голосов (6 % в городах)»¹⁰⁸. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

¹⁰³ Люсев В.Н. Либеральное движение в Поволжье в 1905 — 1907 гг. Дисс. канд. ист.наук 07.00.02 Пенза, 1998, с.104

¹⁰⁴ Цит. по.: Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис: Документы и материалы. М., 1958. С. 329.

¹⁰⁵ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. Сб. док. Ульяновск, 1957, с.51

¹⁰⁶ Люсев В.Н. Там же, с.194

¹⁰⁷ Люсев В.Н. Там же, с.199

¹⁰⁸ Шанин Т. Революция как момент истины ... , с.346

- крестьянское сознание являлось социокультурным базисом событий 1905-1907 и 1917 годов в Поволжье;
 - на успех могли рассчитывать те политические силы, идеи, лозунги, поведение которых были адекватны базовым установкам сознания громадного большинства населения России;
 - нежелание и неспособность считаться со своим собственным народом меньшевиков, либералов и эсеров не только предопределило их собственный «исторически-выморочный характер»¹⁰⁹, но и привело к краху всю отечественную многопартийность, которая оказавшись пустоцветом, способным «провоцировать смуту», не желала, не смогла извлечь уроков из событий 1905-1907 годов и поэтому в 1917 году продолжала «работать на самоуничтожение, ибо окончательно разошлась со вставшей на дыбы политической культурой народа»¹¹⁰;
 - революция 1905-1907 годов породила партию «нового типа», которая, научилась использовать энергию масс для достижения собственных политических целей, благодаря чему взошла на политический Олимп в октябре 1917 года;
 - ориентация на крестьянство и другие социальные слои, являвшиеся носителями социокультурного кода российской цивилизации («крестьянственности») предопределила в конечном итоге, исторический выбор народа, судьбу русской революции, успех большевиков и возрождение Империи в ее новом, советском облике.
- Разин Сергей Юрьевич — старший преподаватель кафедры философии и культурологии Института Гуманитарного Образования (г. Москва)*

¹⁰⁹ Л. Троцкий. Сочинения. Том 2, часть 1. Москва-Ленинград, 1925.Т.2. Ч.1.См. — <http://revkom.com/biblioteka/marxism/trotckii/t2ch1/iii43.htm>,<http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl185.htm>

¹¹⁰ Булдаков В.П. Там же. С. 40, 41.

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ В.А.ПЛУГИНА
(октябрь 2007 года,
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова)

Т.Д. Горячева (МГУ)

**ДРЕВНЕРУССКАЯ ЖИВОПИСЬ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
В ТРУДАХ В.А. ПЛУГИНА**

Важное место в творческом наследии В.А. Плугина занимает изучение произведений древнерусского изобразительного искусства в качестве исторических источников. В.А. Плагин первым среди историков-источниковедов во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х гг. всесторонне обосновал необходимость введения в научный оборот этого вида источников¹.

Предшественником В.А. Плугина был А.В. Арциховский, осуществивший в монографии "Древнерусская миниатюра как исторический источник" (1944) комплексное исследование письменных, изобразительных и вещественных источников.

Но именно В.А. Плагин поставил вопрос об изучении историками и источниковедами таких видов средневековых изобразительных источников как икона и фреска.

В известном смысле предшественниками и соратниками В.А. Плугина в изучении древнерусского искусства могут считаться те историки искусства и искусствоведы, которые рассматривают произведения искусства на широком культурно-историческом фоне, привлекают исторические факты для объяснения тех или иных явлений из области искусства. Но у историков-источниковедов и искусствоведов — разные задачи: искусствовед изучает произведение искусства как эстетический феномен, его задачами являются художественная оценка и определение места данного произведения искусства (течения, направления, творчества отдельного художника) в истории культуры. Задача же историка — познать историю через произведения искусства. То есть, то, что для искусствоведа является целью, для историка — средство, и наоборот. Точно так же неодинаковы предметы исследования у историка-источниковеда и искусствоведа, хотя и тот, и другой объектом изучения имеют произведения искусства. Но если искусствоведа произведения искусства интересуют и сами по себе, и с точки зрения закономерностей художественного развития, то источниковеда, исследующего проблемы возникновения исторических источников и отражения в них исторического процесса, эти же произведения искусства интересуют как носители информации о нехудожественных, преимущественно, сторонах жизни общества.

Использование нового вида исторических источников ставит перед исследователем ряд теоретических проблем. В творческом наследии В.А. Плугина больше работ конкретно-исторического характера, но и теоретическим проблемам изобразительных источников он уделял внимание в своих работах и, специально, в докладе на III Всесоюзной конференции в Новороссийске в 1979 г.² По материалам доклада опубликованы только тезисы, но они позволяют проследить все проблемы, поставленные исследователем: о месте изобразительных источников в системе общей классификации исторических источников, особо подчеркивалась неправомерность отнесения их к категории

¹ Плагин В.А. Композиция "Идут святые в рай" //Лазарев В.Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1966 (раздел: Антология); Плагин В.А. Об иконографии единоличных изображений в стенописи Андрея Рублева и Даниила Черного в Успенском соборе во Владимире //Культура Древней Руси (к 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина). М., 1966.

² Плагин В.А. Древнерусская живопись как исторический источник (к постановке вопроса)//Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах. III Всесоюзная конференция, Новороссийск, 1979, М., 1979. С. 243-245.

вещественных источников; о месте изобразительных источников в комплексе источников по истории Древней Руси; об особенностях кодирования информации в изобразительных источниках и общих методических проблемах их критического анализа, а также о проблеме соотношения источниковедения изобразительных источников и искусствоведения. Автор предложил классификацию памятников древнерусского изобразительного искусства с точки зрения задач их исторического и источниковедческого исследования. Все памятники В.А. Плугин разделил на две группы: памятники "исторического" характера, отражающие общественную жизнь Древней Руси (изображение легендарных или реальных событий русской истории, а также отдельных исторических лиц) и памятники церковной живописи отвлеченно-религиозного (традиционного) характера. Вопросы методики анализа изобразительных источников В.А. Плугин рассматривает отдельно для каждой из этих групп. Он подробно останавливается на роли письменных источников в анализе изобразительных источников обеих групп, для источников "исторического" характера исследует роль изобразительного в реконструкции текста письменных памятников (на примере Радзивилловской летописи). В.А. Плугин подчеркивал, что основным направлением исследования должен быть поиск новой, по сравнению с текстом, информации.

Особое внимание он уделил анализу влияния заказчика на характер изображения и роли личности художника при этом. На конкретных примерах (роспись Феофана Грека в Новгороде и события в Торжке в 1374 г. и анализ Четырехчастной иконы XV в. из Новгорода в связи с ересью стригольников) Плугин показал участие изобразительного искусства в общественно-политической и идеологической борьбе XIV-XV вв., а также проследил распространение отдельных сюжетов в изобразительном искусстве ("Троица", "Владимирская богородица") как отклик на важнейшие перемены в общественном сознании или на крупное историческое событие.

Говоря об иконографическом каноне в средневековом искусстве и его значении для источниковедческого анализа изобразительных источников, В.А. Плугин охарактеризовал содержательную функцию иконографического канона и проследил обусловленность его изменений и уровня этой обусловленности в зависимости от конкретной эпохи, страны, культуры, "злобы дня", социального заказа, индивидуальности мастера. В.А. Плугин отмечал, что средневековый человек с легкостью фиксировал иконографические отклонения в средневековой живописи, они были для него как бы курсивом в обычном тексте. Проанализировав диапазон отклонений и его границы на примере судьбы произведений Андрея Рублева "Троица" и "Воскрешение Лазаря", В.А. Плугин делает вывод, что в историческом и источниковедческом исследовании традиционного изобразительного источника основным направлением является выявление его иконографического своеобразия. Он отмечает, что полученная информация относится, главным образом, к мировоззрению, идеологии и общественной психологии определенной эпохи, социальной и культурной среды и ее отдельных выдающихся представителей. Специально Плугин останавливается на роли древнерусских иконописных образцов и "прорисей" XVII-XIX вв. как проводников иконографического канона и на возможности их использования в качестве исторических источников.

Эти положения были осуществлены и развиты в статьях и монографиях ученого.

В своих работах В.А. Плугин использовал все виды названных изобразительных источников — иконы, фресковые росписи и их копии, миниатюры, иконописные образцы и прорисы, памятники древнерусского шитья. Для их анализа привлекались письменные источники: летописные и библейские тексты, литературные памятники и богословские сочинения, духовные стихи, жития святых, описи соборов и монастырей; вкладные, писцовые, переписные и приходо-расходные книги; духовные и данные грамоты, Псковская судная грамота, Мерило праведное, синодики, реставрационные отчеты.

ты, надписи на иконах и крестах; устные свидетельства, в том числе, современные (из старообрядческой среды); сделанные В.А. Плугиным обмеры икон и храмов.

Специфика древнерусского изобразительного искусства, как художественного явления, ставит перед исследователем задачу поиска особых методов работы с эти видом источников, так как интересующая его информация закодирована в произведениях искусства особым образом, и, только овладев способом ее раскодирования, историк сможет достичь поставленной цели.

В монографии "Мировоззрение Андрея Рублева" В.А. Плугин, говоря о значении иконографической схемы для средневекового изобразительного искусства и подчеркивая ее устойчивость, приходит к выводу об особой функции иконописца как "истолкователя" и "иллюстратора" и, как следствие этого, о большой творческой роли иконописца в создании новой иконографической схемы. Если иконописец — философ и ведет свой собственный духовный поиск, и, если существующие иконографические схемы не дают возможности воплотить его замысел, то художник должен или отказаться от его воплощения, или внести коррективы в иконографическую схему, то есть создать новую схему. Исходя из этого, Плугин приходит к заключению, что начинать анализ произведений древнерусской живописи историковедом следует с иконографии³. Опираясь на эти методические посылки, В.А. Плугин проанализировал композиции праздников из Благовещенского иконостаса Московского Кремля — "Преображение" и, особенно, — "Воскрешение Лазаря", при работе с которой ученый первым обратил внимание на ее иконографическую особенность (группы апостолов и иудеев поменялись местами), несущую, как им было блестяще показано, важную смысловую нагрузку.

Метод стилистического анализа позволил исследователю показать, как Андрей Рублев с помощью чисто живописных средств (цвета, линии, композиционного построения) создает новый образ и, в результате, — новую иконографическую схему, передающую новый смысл ("Воскрешение Лазаря"), не понятую до конца его последователями-иконописцами, пытавшимися воспроизводить рублевский образец, так как этот новый смысл мог быть воспринят только комплексно при созерцании подлинника в его целостности (образец, то есть, иконографическая схема, этому не способствовали). Поэтому эти иконописцы, воспроизводя его иконографию, вносили в нее прежние элементы "реалистических подробностей", сводящие на нет всю глубину трактовки Андреем Рублевым сюжета и его нового осмысления.⁴

Сочетание методов иконографического и стилистического анализа позволило В.А. Плугину в монографии "Мастер «Святой Троицы» прийти к выводу об особой организации пространства в иконе "Троица" — плоскостной и объемной одновременно (что было нехарактерно для древнерусской и византийской живописи), позволяющей не на иконографическом, а на художественно-мировоззренческом уровне воплотить постоянное взаимодействие "горнего" и "дольнего", что, по убеждению Плугина, являлось оригинальной особенностью художественной концепции "Троицы" и выдающимся творческим достижением Рублева.⁵

Еще одной методической установкой, использованной Плугиным для постижения мировоззрения Андрея Рублева, была задача углубленного исследования социальной среды, окружавшей художника, взглядов и представлений его современников, новых философских веяний на Руси в процессе культурных контактов с Византией и югославянским миром. Выполнение этой задачи дало основание Плугину утверждать, что в условиях захватившего в конце XIV-начале XV вв. все слои населения Руси интереса к

³ Плугин В.А. Мировоззрение Андрея Рублева. (Некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник. М.: 1974. С. 76.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Плугин В.А. Мастер «Святой Троицы». Труды и дни Андрея Рублёва. М., 2001. С. 290-293.

эсхатологии и распространения идей исихазма философско-богословские основания мировоззрения Рублева сложились в русле "русской рецензии" на исихазм. ("Мировоззрение Андрея Рублева").

В книге "Мастер "Святой Троицы" В.А. Плугин анализирует произведения Рублева и художников его круга на фоне важнейших процессов и событий русской общественной жизни последних десятилетий XIV — первой трети XV вв. (Куликовская битва, борьба Москвы с Ордой и Литвой, феодальная война) и как их порождение, исследует ту нравственную атмосферу, в которой вызревало творчество Рублева.

Еще в первой монографии Плугин поставил задачу, которая более подробно была решена во второй книге, о поиске утраченных произведений Андрея Рублева, а также их реплик в позднейших памятниках искусства, в прорисях.

Таким образом, методика работы с изобразительными источниками заключается в том, что, выявив иконографические особенности произведения искусства, исследователь может определить те оттенки смысла, которые акцентировало средневековое сознание. Включая эти сведения в культурный контекст эпохи, можно выйти на идеологические представления художника. При этом необходимо сделать как бы несколько «горизонтальных срезов»: через раскодирование «языка» изобразительного искусства можно выйти на уровень богословского осмысления содержания, а уже через него можно постараться определить политические или социально-психологические мотивы, вызвавшие к жизни именно такой эстетический и культурный феномен. При этом необходим глубокий и всесторонний анализ тех религиозных, идеологических и политических воззрений, которые были распространены в обществе и волновали умы художника, заказчика и их непосредственного окружения, ту социальную среду, в которой возникли изучаемые памятники. Для этого необходимо внимательно изучить письменные источники данного времени, прежде всего, литературные произведения и сочинения богословского и публицистического содержания. Необходимо также сравнение изучаемых произведений со всеми известными памятниками данной эпохи не только Руси, но и стран восточно-христианского ареала, а также анализ каждой композиции, исходя из становления иконографического сюжета в хронологическом аспекте.

Сам В.А. Плугин, говоря о применяемых им в исследовании древнерусской живописи методах, наряду с уже называвшимися **иконографическим** и **стилистическим анализом**, называет методы **системного** (изучение отдельных икон и фресок как звеньев или "ячеек" той или иной формальной и семантической системы) и **комплексного** анализа, **реконструкцию** и исследование утраченных памятников по поздним репликам — "спискам" на основе их группировки и классификации и выявления первоначального "текста"; рассмотрение единичных композиций и декоративных систем в **синхронном** и **диахронном** иконографическом рядах.⁶ К этому можно добавить несомненно используемый ученым **специально-исторический историко-сравнительный метод**.

Плугин говорил о необходимости привлечения в дальнейшем новых методов — **математических (количественных), семиотических** и т. д.⁷

Большую часть научного наследия В.А. Плугина составляют конкретно-исторические исследования и, в первую очередь, — творчества **Андрея Рублева**.

Проанализировав все сохранившиеся сведения об Андрее Рублеве (летописные и житийные известия, дошедшие от XV в., припоминания о художнике и его произведениях и изображения самого Андрея Рублева — источники XVI-XIX вв.), В.А. Плугин впервые сделал вопрос о **биографии Рублева** предметом специального исследования. Это позволило ученому утверждать, что Рублев — **московский великокняжеский иконописец**; что примерно 40 лет своей жизни он прожил в миру; **пострижение Рублева**

⁶ Там же. С. 13-14.

⁷ Там же. С. 11.

относится приблизительно к рубежу XIV-XV вв.; что он был монахом Троице-Сергиева и Андроникова монастырей и что его учителем в иночестве был Даниил Черный. Несомненной заслугой исследователя является тщательное исследование понятий "старец", "старчество", позволившее выяснить, что, назвав в летописной записи 1405 г. о росписи Благовещенского собора Московского Кремля Андрея Рублева "чернецом", а "Прохора с Городца" — "старцем", летописец хотел подчеркнуть не возрастную, а монашескую "молодость" Рублева по сравнению с Прохором.

В работе "Мастер "Святой Троицы" В.А. Плугин рассмотрел весь корпус сохранившихся произведений Рублева и иконописцев из его ближайшего окружения, а также произведения, несохранившиеся или дошедшие до нас в восходящей к рублевской традиции, или приписываемые кисти художника. Кроме того, автор использовал весь известный для того времени вспомогательный исторический и историко-художественный материал, часть которого впервые введена им в научный оборот. Среди большого количества выводов необходимо отметить, что самыми ранними работами Андрея Рублева надо считать фрески Успенского собора на Городке (1401-1405 гг.); что Звенигородский чин происходит из одного ансамбля с Троицей, созданного в первое десятилетие XV в. для Успенского собора на Городке или деревянной церкви Троицкого монастыря; а также надо отметить всесторонний анализ В.А. Плугиным своеобразной творческой манеры и особенностей изображения пространства в Троице, исследование им роли Андрея Рублева в складывании высокого иконостаса как с поясным, так и с ростовым деисусными чинами.

Кроме творчества Рублева, В.А. Плугин исследовал росписи Феофана Грека⁸, скульптурный декор храма Покрова на Нерли⁹, фрески XII в. Дмитровского собора во Владимире¹⁰, изображение неизвестного воина XIII в. в Успенском соборе во Владимире¹¹ и др.

Необходимо отметить, что во всех своих работах В.А. Плугин рассматривал все возможные источники, относящиеся к исследуемому предмету и делал это с наивозможной тщательностью, подробно разбирая все существующие в историографии мнения и отвечая на соображения своих оппонентов, что приводило к очень объемным примечаниям во всех его трудах, вмещающих в себя массу дополнительных сведений и рассуждений.

Хотелось бы отметить также, что сочинения Плугина написаны прекрасным языком, он удивительно точно, тонко и поэтично описывает произведения искусства, а в своих поздних работах виртуозно формулирует сложные философские и богословские проблемы, доставляя этим читателю особое интеллектуальное и эстетическое наслаждение.

⁸ Плугин В.А. Боярин Василий Данилович Машков и Феофан Грек. //Древний Новгород. История. Искусство. Археология. Новые исследования. М., 1983. С. 243-270.

⁹ Плугин В.А. Храм Покрова на Нерли. Архитектура и скульптура церкви Покрова Богоматери XII века. Л., 1970.

¹⁰ Плугин В.А. Фрески Дмитриевского собора — выдающийся памятник монументальной живописи древнего Владимира. Л., 1974.

¹¹ Плугин В.А. Фрагмент росписи южной галереи Успенского собора во Владимире. //Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 126-140.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

В настоящее время не вызывает сомнения правомочность привлечения произведений, содержащих художественные образы (будь то памятники литературы или изобразительного искусства) для реконструкции исторической действительности. Однако использование их в качестве основных источников по какой-либо проблеме пока ещё не ведётся. И это представляется не совсем правильным. Ведь «произведения искусства представляют собой чрезвычайно экономные, ёмкие, выгодно устроенные способы хранения и передачи информации»¹. При этом они вполне могут рассматриваться как виды обширного комплекса источников личного происхождения, поскольку все они имеют личностное начало, их создание — факт биографии их создателя².

Как воспоминания, дневники и письма, художественные произведения дают не только новую конкретно-историческую информацию, но и оценочную, которую вполне можно считать историографической³. В этом плане они могут рассматриваться и как «остаток» и «предание», о которых говорили историки ещё в XVIII в. Но где лежит грань между ними? Теоретически, художественное произведение (в самом широком смысле этого слова), созданное современником может считаться источником по теме; художественное произведение, посвящённое этому же событию, но созданное после него — уже историографический факт. Однако не всё так просто.

Например, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого может вполне рассматриваться как изумительный по обилию фактов источник по истории пореформенной России. В романе отражены и отношения помещиков и крестьян, судьба тех и других после реформы⁴, настроения в обществе на кануне русско-турецкой войны и т.д. Но всё что касается рассуждений о российском прошлом в «Анне Карениной», о быте помещиков или о разных исторических событиях, — это тоже явление историографии. «Война и мир» того же автора — это, безусловно, явление историографическое. Важно в этом плане и то, что сам Л.Н. Толстой работал с историческими источниками как настоящий историк, а его трактовка Бородинского боя как исторического события («Бородино — нравственная победа русских»), наиболее популярная на сегодняшний день среди отечественных историков. Однако в «Войне и мире» Л.Н. Толстой использовал устные се-

¹ Лотман Ю.М. Семиосфера. Спб., 2001. с. 5-10; Лотман Ю.М. Воспитание души. Спб., 2003. с. 107-112.

² Безусловно, бывают и исключения из правил. Так в создании одного произведения может участвовать много людей. И чей в конечном счёте замысел воплощает художник (свой, заказчика и т.д.) — вопрос спорный. Однако это лишь частный случай. Так же как известны мемуары, которые были написаны вовсе не теми людьми, чьим именем они подписаны (автобиографические книги маршала А.А. Гречко, Л.И. Брежнева и др.). Тем не менее, эти исключения не выводят весь мемуарный комплекс из вида источников личного происхождения.

³ В данном случае под историографией мы подразумеваем не только профессиональную литературу, но исторические представления вообще. О подобной трактовке историографии см.: Черепнин Л.В. Русская историография с древнейших времён до 1917 г.: Учеб. Пособие. М., 1993; Шапиро А.Л. Русская историография до XIX в.: Курс лекций. М., 1957.

⁴ Здесь примечателен один эпизод. Вспомним диалог Левина и старого помещика на выборах:

«-... Ну, а ваше хозяйство как?»

-Да нехорошо. Процентом пять.

- Да, но вы себя не считаете. Вы тоже что-нибудь стоите? Вот я про себя скажу. Я до тех пор, пока не хозяйничал, получал на службе три тысячи. Теперь я работаю больше, чем на службе, и, так же как и вы, получаю пять процентов, и то дай Бог. А свои труды за даром». (Толстой Л.Н. Анна Каренина. Ч.8. гл. 29).

Т.е. в художественном произведении зафиксирована конкретная цифра доходности помещичьего хозяйства Центральной России в пореформенный период. Эта цифра была подтверждена томами исследовательской литературы в советский период. Может быть, более внимательное прочтение классиков приведёт к оптимизации работы историков.

мейные предания, не отражённые в других источниках. Это означает, что даже художественное произведение, созданное спустя значительное время после описываемых событий, тоже может вполне содержать источниковую информацию (как и воспоминания).

Приведём другой пример. В историографии много говорилось о взаимоотношениях помещиков и крепостных: советские историки трактовали эти взаимоотношения исключительно с точки зрения эксплуатации и классовой борьбы. Художественные произведения, не отвергая проблему эксплуатации, показывают «семейственность» во взаимоотношениях господина и дворовых, а это новый взгляд на широкую проблему отношений помещика и крепостного. И.А. Бунин в повести «Суходол» так писал про жизнь крестьян и помещиков: «Правда, столбовые мы, Хрущевы, в шестую книгу вписанные, и много было среди наших легендарных предков знатных людей вековой литовской крови, да татарских князьков. Но ведь кровь Хрущёвых мешалась с кровью дворни и деревни спокон веку. Кто дал жизнь Петру Кирилловичу? Разно говорят об этом предания. Кто был родителем Герваськи, убийцы его? ... Молочной же сестрой отца была Наталья, с Герваськой он крестами менялся...». Мемуары редко фиксируют подобные легенды: такая информация не предназначена для афиширования. Перед нами не только новый исторический факт, но и новый взгляд на проблему отношений внутри крепостного быта. Т.е., факты, приводимые И.А. Буниным, имеют отчасти характер воспоминаний. Всё это он мог слышать в детстве в своей семье. Но они относятся к отдалённому для него времени. А это уже анализ прошедшей действительности, т.е. вполне историографический факт.

Впрочем произведения литературы чаще других произведений искусства, привлекаются профессиональными историками. Связано это в первую очередь с нарративностью изложения, объединяющую науку с данным видом искусства. Ведь неслучайно, у «Бедной Лизы» и «Истории Государства Российского» был не только один круг читателей, но и один автор.⁵ Ещё В.О. Ключевский рассматривал героев комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» как исторические типы⁶. В советское время наметились два пути в разработке этой темы: изучение влияния литературных произведений на исторический процесс (например, работа М.В. Нечкиной⁷) и исследование отражения в них исторического процесса (например, работы Ю.М. Лотмана).⁸ О возрастающем интересе к изучению художественных произведений как исторических источников свидетельствует выход изданий по литературному краеведению⁹, и № 1 журнала «Отечественная история» за 2002г., целиком посвящённого этой проблеме. Кроме того, всё больше и больше выходит работ, где цитаты из художественных произведений используются в качестве дополнительных аргументов для характеристики общих, можно даже сказать макропроцессов¹⁰ и для обращения внимания к сугубо частным вопросам.¹¹

⁵ Это обстоятельство, хотя всегда было довольно очевидным, было подмечено С.А. Экштутом. См. Экштут С.А. История и литература: полоса отчуждения? // Экштут С.А. Битвы за храм Мнемозины. М., 2003. С. 7-85.

⁶ Статья «Недоросль Фонвизина (опыт исторического объяснения учебной пьесы)» была впервые опубликована в первом номере журнала «Искусство и наука» за 1896г. Несколькоими годами раньше была опубликована его менее известная работа, посвящённая «Евгению Онегину»: Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки // Русская мысль. 1887. № 2.

⁷ Нечкина М.В. Функции художественного образа в историческом процессе. Сборник работ. М., 1982.

⁸ См., например: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начала XIX века). СПб., 2002.

⁹ См., например: Ярославль и ярославцы в литературе (хрестоматия литературно-краеведческих материалов). Ярославль, 1997; Существуют даже учебники по литературному краеведению: Стародуб К.В. Литературное краеведение в школе. М., 2003.

¹⁰ Авторы вступительной статьи к «Москве купеческой» П.А. Бурышкина приводят отрывок из «Анны Карениной» Л.Н. Толстова, описывающий момент заключения сделки Стивы Облонского с купцом Раки-

Посмотрим же на отражение конкретно-исторической и историографической информации в изобразительном искусстве. В.А. Плугин был одним из немногих, кто занимался источниковедением этой разновидности памятников прошлого¹². Впрочем о том, что изобразительное искусство нередко гораздо точнее фиксирует объект (который впоследствии станет предметом исторического изучения), чем это хотелось бы даже современникам, — известно всем. То, что папа Иннокентий X, увидев свой портрет работы Веласкеса, произнёс: «Торро vero!» — «Слишком правдиво!» — представляется лучшим доказательством информационного потенциала произведений изобразительного искусства. Но также велик и их исторический потенциал.

В 1770г. русский живописец А.П. Лосенко написал картину «Владимир и Рогнеда». За основу картины был взят вымышленный эпизод, когда Владимир сообщил Рогнеде об убийстве её семьи. Однако, как сообщают летописи, убийство он совершил на её глазах. По мнению художника, новгородский князь любил полоцкую красавицу и совершил преступление в порыве страсти. На картине он изображён явно раскаивающимся¹³. Художник привносит в известный летописный сюжет весьма вольную интерпретацию. Вместо того, чтобы представить, в след за источником, Владимира как беспощадного политика и жестокого человека, он изображает его просто пылким влюблённым юношей, из-за страсти совершившим преступление и сожалеющего о нём. Подобное противоречие описанной картины с летописным сюжетом художник объяснял тем, что он знает подлинную историю, но пишет то, как на самом деле она *должна была* произойти. Т.е., согласно канонам классицизма и романтизма художник искал героический сюжет для своей картины. Ради соблюдения классицистических канонов А.П. Лосенко готов был пожертвовать исторической достоверностью. Для этого он не только изменил трактовку летописного сюжета, но и нарядил героев картины в европейские средневековые одежды, даже отдалённо не напоминающие реальные костюмы Руси X в. Любопытно, что художника интересовала именно отечественная история: это едва ли не первое произведение в отечественной живописи, где отражён сюжет из русского прошлого. Но ознакомление русского общества с российской историей возможно было только через увлекательную популяризацию. По этой причине гораздо большей популярностью в XVIII в. пользовались сочинения М.М. Щербатова, М.В. Ломоносова, И.П. Елагина (представителей так называемого риторического направления в историографии), чем собственно научные работы В.Н. Татищева, И.И. Болтина и т.д. В изобразительном искусстве также следовало придерживаться канонов, более привычных российской публики. Что и сделал А.П. Лосенко. И публика представляла персонажей русской истории в образах Лосенко, и его работа «Владимир и Рогнеда» может вполне рассматриваться в духе риторического направления русской историографии, вершиной которого по праву считается Н.М. Карамзин. Таким образом, описанное произведение может восприниматься с точки зрения русского историографического процесса.

Скульптура предоставляет историку важные сведения об облике тех или иных деятелей прошлого, о моде того времени и т.д. Однако, если мы возьмём монументальные памятники, то они имеют больше историографическое значение. Возьмём два памятника Петра I — один работы Э. Фальконе, другой — М. Шемякина. Эти памятники разделяет не только большой временной промежуток (два столетия), но и разные исто-

тинным. Этот эпизод — своего рода знаковое событие в «литературной социальной истории России». См. Ульянова Г.Н., Шацкило М.К. вступительная статья // Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 5.

¹¹ В одной из своих статей Б.Н. Миронов приводит цитату из рассказа А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда» как иллюстрацию изменения трудовой этики русского рабочего. См.: Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял чёрт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 280-281.

¹² См., например: Плугин В.А. Мастер Святой Троицы. М., 2001 .

¹³ Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII в. М., 1972. с. 248-250.

риографические трактовки образа. Если «медный всадник» — это герой, победитель, попирающий копытами коня своих врагов, «поднявший Россию на дыбы», то Пётр на памятника Шемякина — это жестокий правитель, державший всю страну мёртвой хваткой, так же, как его длинные пальцы, похожие на червей, сжимают подлокотники трона. Да, обе трактовки образа первого российского императора не новы и восходят ещё к XVIII в. То, что шемякинское произведение могло появиться в конце XX в. в качестве памятника, чья постановка была санкционирована государством, — принципиально важно. До этого негативное отношение к Петру существовало на уровне одной из точек зрения, далеко не самой популярной, принятых в обществе. Шемякинский памятник — памятник тоталитарному государству. Он мог появиться только в период кризиса советской власти.

Что касается кино, то здесь сложились две школы. Одна, представленная английскими учёными, занимается изучением игрового кино. Другая, представленная в основном РГГУ, занимается изучением неигрового кино. Однако для нас, пожалуй, наиболее важно изучение именно игрового кино, относимого во всех своих сторонах к сфере искусства. Т.е., сценарист создаёт произведение искусства, и режиссёр создаёт произведение искусства, и оператор, и артист и т.д.¹⁴ Рассмотрим фильм «Депутат Балтики» с точки зрения конкретно исторической и историографической информации. Фильм отражает отношение советских людей 1930-х гг. к событиям Октябрьской революции. В этом велико его историографическое значение: он прекрасно отразил складывание культа Ленина в советском обществе. Сам Ленин в фильме не появляется, но он незримо присутствует. Так он звонит профессору Полежаеву в день его семидесятипятилетия и именно благодаря этому звонку Полежаев понимает: «Теперь я не один». В конце фильма он прямо говорит, что «преклоняется перед гением Владимира Ильича». В этом смысле фильм стал «продуктом» сложения культа Ленина и фактором этого сложения. С точки зрения исторического факта, фильм интересен тем, что он, снятый в 1936г., сам по себе рассчитан на принципиально иную публику, чем фильмы 1920-х гг. Фильм, рассчитанный на массового зрителя, содержит шутки и намёки, понятные только для зрителей 1930-х гг., зрителя большей культуры. Большевик-матрос, делая обыск в квартире профессора Полежаева в начале фильма, впервые слышит имя Ньютона. Старый профессор кричит в ответ на его невежество: «Ньютон — физик!». И в конце фильма, во время заседания Петросвета, матрос с гордостью характеризует уже знакомого ему профессора своему товарищу словами: «Ньютонов друг». Указанный эпизод мог быть понят только публикой, достигшей определённого уровня культуры. Т.о., фильм — показатель того, насколько массовая культура 1930-х гг. была выше таковой в 1920-е гг., когда ирония с Ньютоном была бы не понятна большинству зрителей.

В заключении остаётся сказать следующее. Художественные произведения содержат не только новую информацию, необходимую историку для изучения конкретно-исторических проблем, не только могут изучаться как факт историографии, но и восприниматься как фактор её, поскольку значительно определяют восприятие тех или иных сюжетов, событий, персоналий обывателями. Как любой источник, художественные произведения являются «продуктом эпохи» и сами участвуют в историческом процессе. Как известно И.В. Гёте, написав «Страдания юного Вертера», отразил тот самый гнетущий европейский пессимизм, вселенский пессимизм, который создал впоследствии философию А. Шопенгауэра. При этом после выхода сочинения Гёте по Европе прокатилась волна самоубийств. Это, пожалуй, один из наиболее ярких примеров того, как художественное произведение отражает окружающую действительность и воздействует на неё.

¹⁴ Что касается неигрового кино, то оно ближе к исследовательской работе, отличной от сферы искусства.

Использование же художественных образов историками может способствовать преодолению того разрыва, наметившегося между профессиональными исследователями и простыми обывателями. Оно требует более тонкого отношения историка к предмету изучения: в случае с художественными образами историк имеет дело с произведениями искусства, которые доступны не только ему и его работа может проверяться не только коллегами, но и всем обществом.

ИКОНА РУССКОГО СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ XVI-XVIII ВВ.

Последние десятилетия русская икона активно изучается не только искусствоведами, но и специалистами других гуманитарных наук, которые обращаются к иконописи, как к важному источнику, позволяющему глубже понять широкий спектр проблем, далеко выходящих за рамки чисто религиозных вопросов.

В ряду памятников иконописи икона Русского Севера занимает особое место. Своеобразие северной иконы, отмечающееся всеми исследователями, делает ее изучение делом не только увлекательным, но и крайне актуальным, т.к. многие явления, которые в иконописи центральных регионов существовали только как тенденция, в северной иконописи получили яркое воплощение и широкое развитие, что способствует их более успешному изучению и интерпретации.

Однако, на этом пути исследователь встречается с рядом сложностей объективного характера, главная из которых заключается в том, что до сих пор в научный оборот введен далеко не полный круг памятников северной иконописи, что усугубляет предварительный, гипотетический характер представлений, понятий, выводов, связанных с северной иконой.

Самобытность северного иконописания во многом объясняется географическими условиями, особенностями исторического и культурного развития региона, включающего территорию Вологодской области, Республики Карелия, «Двинской земли». Освоение Русского Севера началось в XII в., когда эти земли попали в сферу экономических интересов Великого Новгорода, но суровость климата препятствовала развитию переселенческих процессов, культурному и экономическому обживанию региона. XIV — XV вв. — это период, характеризующийся «монастырской колонизацией» Русского Севера, когда в северные «пустыни» пришли отшельники, ставшие основателями монастырей, которые со временем превращались в очаги культурной и экономической жизни, центры дальнейшего освоения северных территорий. Однако вплоть до XX в. Русский Север оставался регионом с низкой плотностью населения, развитие которого носило волнообразный и очаговый характер, а отдельные культурно-экономические центры были слабо связаны друг с другом и при этом тяготели к разным «метрополиям» — Москве, Новгороду, Ярославлю и др. Все это привело к тому, что северная культура (и иконопись — в частности) формировалась в условиях сосуществования и взаимовлияния разнообразных (а порой и взаимоисключающих друг друга) факторов, которые было необходимо примирить между собой и адаптировать к местным условиям. Результатом этого стало появление в культуре Русского Севера неповторимых и своеобразных черт, привлечших к себе внимание исследователей уже в XIX веке: это появление и закрепление в культуре архаизирующих форм и черт, развитие религиозной традиции во многом как традиции народной, нарастание в ней (наряду со стремлением к сохранению «исходных форм») признаков, которые с долей условности можно было бы отнести к проявлениям «народного богословия», «народного благочестия», включавших в себя и наивно интерпретированные постулаты христианства, и культурные влияния соседних народов, и пережитки языческих воззрений, и «религиозное творчество» последователей старообрядчества.

Этнографические наблюдения содержат богатый материал для исследования своеобразия культуры Русского Севера. Дополнить его и уточнить некоторые моменты помогают и результаты изучения северной иконописи. Северная икона как художе-

ственный феномен была достаточно полно проанализирована такими учеными как М. Реформатская, Э.С. Смирнова, С.В. Ямщиков, Т.М. Кольцова, Л.А. Щенникова, О.Н. Мальцева и др. В качестве отличительных особенностей иконы Русского Севера отмечались ее стилистическая пестрота, неприменимость к ней такого понятия как «художественная школа», архаичность, традиционность, «народный» характер. Учитывая все выше сказанное, в искусствоведческой литературе по отношению к северной иконе утвердился термин «северные письма», который подчеркивает многообразие художественных тенденций, стилистическую неоднородность произведений северной иконописи. Несмотря на это, исследователям удалось выделить ряд признаков, которые все же роднят между собой памятники иконописи Русского Севера:

- с точки зрения стилистики, — это контрастность и локальность цветового решения, динамичность и четкость контуров, приглушенность колорита, экспрессивность рисунка и облика персонажей;
- с точки зрения иконографии, — это пристрастие к ясным и лаконичным изводам, упрощенным иконным схемам, преобладание определенных сюжетов и персонажей;
- с точки зрения техники, — это широкий неровный мазок, нарушение пропорций, шероховатость иконной доски и грубость ее отделки, наложение лака неравномерным густым слоем, иногда — отсутствие под красочным слоем паволоки и левкаса.

При этом особенности технического и стилистического характера, которые в другом культурном контексте могли бы рассматриваться как недостатки, в случае с северной иконой воспринимаются как свидетельства неповторимого своеобразия, которые придают «народной» иконе Русского Севера особый лиризм, задушевность, человечность, наивное простодушие, эмоциональность. Именно эти качества северной иконы и сделали ее выдающимся явлением искусства.

Богатый материал дает икона Русского Севера для культурологических обобщений. Для этого памятники иконописи можно проанализировать с точки зрения тех предпочтений, которые проявляли авторы и заказчики при выборе святых, тех или иных сюжетов, как трактовали эти сюжеты. Из всего многообразия святых, почитаемых Русской Православной Церковью, на Севере наибольшей популярностью пользовались Николай Чудотворец, Архангел Михаил, Георгий Победоносец, Илия-пророк, Козьма и Дамиан, Флор, Лавр и Власий, Харлампий и Спиридон, Трифон и Евстафий, а так же святые Екатерина и Параскева Пятница.

При анализе ситуации обращают на себя внимание несколько обстоятельств.

1. Большинство из перечисленных выше святых в русском религиозном сознании стали покровителями определенных отраслей хозяйства: свв. Власий, Спиридон и Модест — покровители домашнего скота, свв. Флор и Лавр — коневодства, свв. Трифон и Евстафий — защитники посевов от насекомых, свв. Козьма и Дамиан — «куриные боги».

Такая «специализация» святых происходила по разным причинам: иногда — в результате наложения друг на друга церковного и сельскохозяйственного календарей (например, день памяти свв. Флора и Лавра, 18 августа, совпадал с днем, когда традиционно проводили обряды на увеличение плодovitости домашнего скота); иногда жизнь святого давала поводы для «специализации» (например, епископ Тримифунтский Спиридон изначально был пастухом и, став епископом, продолжал носить шапку из ивовых прутьев и пастушеский посох; св. патриарх Иерусалимский Модест, изгнав дьявола, спас стадо «некоего иерусалимлянина»).

2. Часть святых — Николай Чудотворец, Георгий Победоносец, пророк Илия, святые жены Екатерина и Параскева Пятница — в результате сложных процессов контаминации стали «заместителями» языческих богов, «взяв» на себя их функции: Святитель Николай вытеснил образ Велеса (Волоса), связанного с загробным миром, земной и водной стихиями, покровителя скота, богатства, торговли, земледелия; Илия-пророк и Георгий Победоносец в народном сознании вобрали в себя черты бога Перуна — громовержца, змеборца, покровителя ратного дела; свв. Екатерина и Параскева Пятница стали «заместительницами» богини Макоши (Мокоши), покровительницы женщин, женского рукоделия и торговли, богини воды и дождя.

Механизм «культурных замещений» сложен и разнообразен: иногда, как это было в случае с Николаем Чудотворцем, поводом к этому служили те эпизоды жития святого, когда Святитель помогал купцам, мореплавателям, спасал утонувших, возвращал похищенное богатство и т.п. В других случаях на замещение «работали» факты, вызывавшие яркие ассоциации: «восхождение на небо» в огненной колеснице Илиипророка сразу напоминало о колеснице бога Перуна; змеборческий подвиг св. Георгия вызывал ассоциации со схваткой Перуна и имевшего змеиную природу Велеса. Св. муч. Параскева стала «заместительницей» Макоши, благодаря своему имени, которое в переводе с греческого означает «пятница», а Макоши в древности, как известно, был посвящен пятый день недели, пятница, день проведения базаров. Позже часть функций Макоши были «делегированы» свв. Екатерине и Анастасии.

Подобные контаминации подтверждаются богатым этнографическим материалом, данными фольклора (см. иссл. Б.А.Успенского¹) и свидетельствуют о живучести языческих представлений, а так же о некоей «утилитарности» иконопочитания в народной среде.

На протяжении XV-XVII вв. на Русском Севере складывается и свой, северный, пантеон святых — за три столетия к лику святых были причислены 259 человек, среди которых и высшие церковные иерархи, и князья, и юродивые, и обычные миряне.

Огромным авторитетом пользовались святые из числа основателей северных обителей, всегда игравших исключительную роль в экономике, культуре и политической жизни Русского Севера. Особой любовью были окружены имена Зосимы и Савватия Соловецких, Антония Сийского, Кирилла Белозерского, Александра Свирского и др. Это святые, чей образ жизни был близок образу жизни простых крестьян и промысловиков: они валят лес, обрабатывают скудную северную землю, страдают от голода, холода, враждебности окрестного населения и притеснения властей, едва избегают гибели от рук лихих людей и во время бури на море. Эти люди, много испытавшие и претерпевшие в жизни, были близки, понятны, любимы и почитались местным населением как «скорые помощники». Жития северных святых и клейма житийных икон пестрят эпизодами конкретной помощи жителям северного региона.

Интерес представляют и святые из мирян — такие, как Артемий Веркольский, Параскева Пиринемская, Захарий Шенкурский и др. За ними не числятся какие-то особые заслуги и подвиги во славу Божию; они воплощают собой народный идеал «тихого» служения Богу, смиренности, чистоты души, праведности жизни в миру, «труда благого Бога ради».

Особенности житий некоторых святых (таких, как Варлаам Керетский, Кирилл Вельский и др.) дали исследователям возможность утверждать, что в их почитании пе-

¹ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982.

реплетаются христианские представления, пережитки языческого культа предков, фольклорные мотивы и сюжеты (см. работы Н.М.Теребихина и Т.А.Бернштам²)

Анализируя пантеон популярных на Русском Севере святых, можно говорить о сложных культурных напластованиях, связанных с их почитанием: о ярко выраженной архаической (и даже языческой) составляющей этого культа; о том, что наибольшей популярностью пользовались те святые, которые считались «скорыми помощниками» в повседневных делах, и те, что давали пример «тихого», мирского, служения Богу, чьи образы и факты биографии были близки и понятны. Морской характер культуры поморского региона выражался в обилии «морских чудес» в житиях и иконах святых.

Особого внимания заслуживает проблема старообрядческого влияния на северную иконопись. Учитывая, что Русский Север на протяжении 2-ой пол.XVII-XIXвв. являлся одним из крупнейших центров старообрядчества, можно говорить о том, что это влияние на всю культуру региона было мощным и многообразным. Оно транслировалось через монастыри Выга и посредством старообрядческого населения, зачастую проживавшего бок о бок с населением «никонианским». Старообрядческие иконы, литые кресты и складни, книги и лубок, имевшие широкое хождение на Русском Севере, а также личные контакты со старообрядцами приводили к распространению в северной культуре художественных и технических приемов, а также мотивов и сюжетов, характерных для старообрядческого мировоззрения и искусства.

В первую очередь это выразилось в глубоком интересе местного населения к эсхатологической проблематике и большом удельном весе икон, сюжеты которых связаны с Апокалипсисом: «Страшный Суд», «Архангел Михаил- воевода», «Спас в силах», «Спас Благое Молчание», «Воскресение — Сошествие во ад», «София- Премудрость Божия» и др.

Часто в северных иконах акцентируются и подробно иллюстрируются трагические эпизоды (например, сцена избияния младенцев в сложной по композиции иконе «Рождество Христово»), на многих иконах имеются расширенные изображения преисподней и ее обитателей, олицетворения ада, что можно также интерпретировать как проявление эсхатологических настроений.

За счет старообрядческого влияния можно отнести и бытование в народной среде икон символично-догматического и назидательного характера — «Иоанн Богослов в молчании», «Достойно есть», «Единородный Сыне», «Плоды страданий Христовых» и др.

Специфический, «народный», характер северной иконе придает интерес ее создателей к бытовым деталям и подробностям: любовно пишутся домашние и дикие животные, приметы быта и северной природы, поражают реализмом изображения плавсредств, отдельных культовых построек и монастырских ансамблей (специалисты различают даже типы врубок в деревянных сооружениях). В «Ветхозаветной Троице» гостеприимный Авраам, принимая у себя трех путников, ставит на стол привычную для Русского Севера посуду (в частности, солонку в виде утицы) и угощение (хлеб, соль, калачи).

Подобный «наивный реализм» северной иконописи, с одной стороны, снижал надвременной, вероучительный символизм, присущий иконе как виду религиозного искусства, с другой, — наполнял изображение теплотой, задушевностью, приближал его к реальному человеку, делал все написанное понятнее, роднее.

² Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. Лукоморье. (Очерки религиозной геософии и маринистики Северной России). Архангельск, 1999; Бернштам Т.А.. Русская народная культура Поморья в 19-начале 20в.Л.,1983.

Даже беглый анализ северной иконописи позволяет утверждать, что икона Русского Севера вполне может рассматриваться как интересный и содержательный вид исторического источника, позволяющего уточнять детали, касающиеся менталитета населения северного региона, особенностей его духовной культуры, а также ставить вопросы более широкого характера — например, об адаптивных свойствах русской культуры. Более подробно комплекс проблем, связанных с северной иконой, рассмотрен в соответствующих разделах коллективной монографии «Культура русских поморов. Опыт системного исследования»³.

³ Базарова Э.Л., Бицадзе Н.В., Огороков А.В., Селезнева Е.Н., Черносивтов П.Ю.. Культура русских поморов. Опыт системного исследования. М., 2005. Гл.3.3,3.4.

**ЗАПИСИ XVII ВЕКА НА ЕВАНГЕЛИЯХ УЧИТЕЛЬНЫХ МОСКОВСКОЙ
ПЕЧАТИ XVII ВЕКА В СОБРАНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БИБЛИОТЕКИ.**

Евангелие учительное — сборник поучений и толкований евангельских текстов, включающий разные произведения византийской, болгарской и древнерусской письменности. Сборник был широко известен в Древней Руси, поскольку сохранилось достаточно много его рукописных списков. Евангелие учительное являлось книгой, которую читали и в церкви, и дома. Во время воскресных служб его тексты выполняли функцию проповеди. Неслучайно поэтому оно попало в число книг, изданных Иваном Федоровым — в 1569 оно было напечатано в Заблудове.

В нашей статье мы хотим представить и проанализировать информацию записей XVII в., содержащуюся на страницах экземпляров Евангелий учительных московской печати XVII в. Таких изданий было восемь: 1629, 1633, 1639, 1652, 1662, 1681, 1686 и 1697 гг. Коллекция Российской Государственной библиотеки отличается особой полнотой старопечатных книг, но она до сих пор не имеет своего печатного каталога, поэтому информация записей на книгах малодоступна для широкого круга ученых и интересующихся отечественной историей в разных ее проявлениях. А ведь значимость записей на книгах уже достаточно давно является доказанной истиной. Они очень важны для истории книги, генеалогии, краеведения. Свое внимание мы обратили на записи XVII в., поскольку они позволяют отобразить историю бытования книги непосредственно после ее выхода.

Появление первого издания Евангелия учительного в Москве явилось следствием борьбы московских властей с распространением влияния униатской церкви, а также откликом на появление в начале XVII в. Евангелия учительного Кирилла Транквиллиона, которое было осуждено столичным духовенством. Борьба с книгами литовской печати началась именно с приказа об уничтожении книг Кирилла Транквиллиона, в дальнейшем указы о запрете, конфискации и замене были наложены на все остальные книги «литовской» печати, куда попали даже белорусские и украинские издания Ивана Федорова¹. После указа о замене книг встал вопрос о необходимости своих печатных изданий. Евангелие учительное 1629 г. стало одним из них. В свете вышесказанного особое внимание привлекает запись 1630 г., которая иллюстрирует происходивший процесс замены книг: «Лета 7139 го декабря в 25 день сия книга глаголемая Евангелие толковое воскресное печать московская домовая церковная Воздвижения честнаго креста и Pokрова Пречистыя Богородицы и Николы чудотворца Великорецкого у Соли Вычегодской на посаде куплено на те денги, что продали церковное ж старое Евангелие печать литовскую, а взяли за литовское два рубли и те денги даны на сем Евангелии, а третьей рубль денег приложил в сию книгу Евангелие толковое Калина Исаков сын Редякинъ»². На эту запись обращала внимание еще А.С. Зернова³. Она, однако, акцентировала внимание только на том факте, что книги московской печати ценились выше книг «литовской» печати. Но новые исследования показывают, что перед нами конкретный пример

¹ Подробнее см. Булычев А.А. История одной политической кампании XVII века: законодательные акты второй половины 1620-х гг. о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.

² Евангелие учительное (ЕУ), 1629 г. Инв. 1660. Л.1-30. Запись приводится с раскрытием титулов, без надстрочных знаков и неупотребляемых букв кириллицы, чтобы не затруднять восприятие смысла записи.

³ Зернова А.С. Надписи на книгах московской печати XVI-XVII вв. в собрании отдела редких книг государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина // Книга. Исследования и материалы. Сб. 62. М., 1991. С. 126.

государственной борьбы с «литовскими» книгами и его конкретное воплощение, которое сильно отличалось от заявленного в документах, по которым книги должны были быть заменены безвозмездно.

В ходе работы было просмотрено 39 экземпляров Евангелий учительных: 6 экземпляров 1629 г., 3 — 1633 г., 6 — 1639 г., 5 — 1652 г., 8 — 1662 г., 5 — 1681 г., 3 — 1686 г. и 4 — 1697 г. — из которых на двух экземплярах не было записей⁴. На 37 экземплярах было обнаружено 153 записи, из которых к XVII веку относятся 53 записи (18 датированных и 35 недатированных). Преобладание в XVII в. недатированных записей может вызвать удивление, поскольку в это время преобладают вкладные записи, в которых говорится о даре книги в церковь или монастырь одним лицом или группой лиц и которые практически всегда содержат дату вклада. В нашем случае такой перевес в сторону недатированных записей связан, в первую очередь, с большим количеством обнаруженных подписей работников печатного двора, которые априори не содержали даты.

Всего было обнаружено 16 подписей работников Московского печатного двора, что составляет одну треть от всех записей XVII в. Подписи трех людей встречаются по два раза на книгах одного и того же года издания. На экземплярах 1629 и 1633 гг. подписей не обнаружено. Аналогичный результат был получен при обработке печатных каталогов, содержащих описания Евангелий учительных московской печати XVII в., что позволяет заключить, что на этих двух изданиях подписей работников МПД не было.

Обработанные данные Архива Московского Печатного двора⁵ позволяют определить, в какой должности состоял тот или иной работник в момент выхода книги. Информация подобного рода позволяет подтвердить архивные данные, а иногда расширить и уточнить их. В силу того, что некоторые имена сохранились лишь фрагментарно, удалось найти точные данные о семи работниках. На экземплярах Евангелия учительного 1662 г. находятся подписи Ермолы Сысоева, работающего в тот период разборщиком Никольской палаты, Романа Аврамова, тередорщика Отворотной палаты и Семена Гаврилова, наборщика Никольской палаты. Следует отметить, что фамилию последнего удалось установить, зная только его имя и должность. Несмотря на то, что на Печатном дворе в это время работало несколько Семенов, наборщик среди них был только один. Также хотелось бы обратить внимание на подпись Романа Аврамова, которая в отличие от всех остальных подписей, выполненных скорописью, написана неумелым, корявым полууставом, причем фамилия сокращена до 4 букв: «Амрв». На экземпляре 1681 г. была найдена подпись Федора Иванова, работающего тередорщиком Отворотной палаты. На экземпляре 1686 г. встречается подпись тередорщика Ивана Прокофьева, а на книгах 1697 г. разборщика Терентия Титова и наборщика Андрея Иванова.

Отдельно следует сказать о расположении подписей на экземплярах издания 1662 г. Если обычно подписи располагались на последнем листе книги, то здесь из шести пять находятся на обороте гравюры между листами первого и второго счета, а только одна находится на обороте сохранившегося пустого листа в конце книги.

Еще одну треть записей XVII в. составляют записи вкладные (17 записей). Сведения, полученные из этих записей, позволяют в 14 случаях определить социальное по-

⁴ ЕУ 1629 г. Инв. 8418; ЕУ 1652 г. Инв. 1666.

⁵ Дадыкин А.В. Подьячие, справщики, мастеровые люди и сторожа Московского Печатного двора. 1614—1652 гг. / Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушкин В.П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618—1652 гг. М., 2001. С. 445—511; Он же. Мастерские и сторожа Московского печатного двора в 1651—1700 гг. / Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушкин В.П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры 1653—1700 гг. В печати.

ложение вкладчика. Четыре записи — это вклады духовенства: архимандрита Нижнего Благовещенского монастыря, игумена Улейминского монастыря, наместницы Новодевичьего монастыря, а также священноиерея. Говоря о светских вкладах, следует начать с вклада царского. В 1665 г. царем Алексеем Михайловичем было сделано пожертвование в ц. Богоявления Ниловой пустыни. (ЕУ 1662 г., инв.9164). Два боярских вклада принадлежат Борису Ивановичу Морозову (1590-1661) и Василию Федоровичу Одоевскому (ум. 20 декабря 1686). Интересно отметить, что оба вклада являются посмертными, что, по всей видимости, было выполнением воли усопших. Но если после смерти Одоевского прошел всего лишь год (запись 1687/88 г.), то со смерти Морозова прошло около семи лет (запись 1668 г.). Во вкладах также упоминаются жены бояр: Анна Ильинична Морозова (Милославская), которая была сестрой царицы, и Акулина Федоровна Одоевская (Ртищева). К 1685 г. относится вклад в Преображенскую церковь с. Сивково, вотчину думного дворянина Тимофея Петровича Савелова, расположенную неподалеку от Можайска. Интерес представляет то, что Т.П. Савелов приходился родным братом патриарху Иоакиму. Также известно, что упомянутая во вкладе церковь Преображения была по личному приказу патриарха перестроена в 1683-1687 гг. московскими мастерами из Каменного приказа, храм сохранился до наших дней. В 1651 г. был сделан вклад окольников Иваном Остафьевичем Выговским. Одна из вкладных записей принадлежит патриаршему боярину Ивану Федоровичу Лызлову. В 1683 г. он вложил книгу в Оптину пустынь. Помимо личных заслуг, он известен как отец Андрея Ивановича Лызлова — составителя «Скифской истории» 1692 г. Кроме упомянутых лиц, вклады были сделаны государевым дворовым человеком Иваном Васильевичем Титовым, приказчиком с. Варварское Афанасием Порецким вотчины Троице-Сергиева монастыря, а также было сделано два коллективных крестьянских вклада. Как мы видим, несмотря на то, что во вкладных записях представлены разные слои общества, в данном случае в качестве вкладчиков преобладает верхушка общества и светская, и церковная.

Важно обратить внимание на то, что в случае с Евангелиями учительными не произошло разделения на книги дониконовской и послениконовской печати. Книги 1629 и 1633 гг. издания продолжали бытовать и использоваться в церквях вплоть до XX в. Также нужно отметить, что данные записей на экземплярах РГБ показывают, что между изданием книги и ее вкладом проходил достаточно длительный период в среднем от двух до пяти лет, а в ряде случаев эта цифра достигает 15—20 лет, когда книга до этого принадлежала какому-нибудь частному лицу.

В XVII в. встречается не так много владельческих записей, поскольку в этот период книги только обретают своих владельцев. На экземплярах Евангелий учительных в собрании РГБ таких записей восемь. Семь из них связаны с церковью: на книгах выявлены записи четырех коллективных владельцев (церквей и монастырей) и трех индивидуальных. В первую очередь надо выделить владельческую запись архиепископа Афанасия Холмогорского. Другие две принадлежат старцу Серапионовой палаты Троице-Сергиева монастыря Тихону и ключарю Благовещенского собора «что у великого государя на сенях» Иоанну Афанасьеву. Запись, говорящая о принадлежности книги светскому лицу, всего одна: в ней сообщается о принадлежности книги государеву дворовому человеку Ивану Васильевичу Титову, который позднее вложил книгу в Выксинский монастырь, о чем уже упоминалось выше.

Очень редкими и оттого еще более ценными являются записи о покупке и продаже книг. На экземплярах Евангелий учительных РГБ обнаружено три записи о продаже и две записи о покупке книг. Наиболее интересными являются парные записи о покупке и продаже на Евангелии учительном 1629 г. (инв. 4062), в которых сообщается о продаже в 1688 г. безместным вологодским дьяконом данной книги на Макарьевской ярмарке крестьянину в вотчину боярина Михаила Яковлевича Черкасского, находив-

шуются в Нижегородском уезде. Можно предположить, что покупка данной книги была связана со строительством Св. Троицкого Острова-Езерского Ворсменского монастыря, начатым М.Я. Черкасским в своей нижегородской вотчине, и, возможно, покупка была инициирована именно им. Казус заключается в том, что продавец и покупатель указали разные даты: дьякон сообщает о продаже 8 июля 1688 г., а крестьянин говорит о покупке 5 июля того же года.

Также нам известно имя покупателя Евангелия учительного 1686г. (инв. 1332) — им был вышеупомянутый старец Тихон из Троице-Сергиева монастыря, и имя продавца Евангелия учительного 1639 г. (инв. 4708) — площадной подъячий Карп Иванов (1659 г.).

По всей видимости, связана с записью о покупке книги старцем Тихоном запись с ценой на экземпляре Евангелия учительного 1686 г. (инв. 1332): «2 руб. 16 алт. 4 де.», что равняется 2,5 руб. (при себестоимости 1, 55 руб.).

В книгах практически нет маргиналий и помет к тексту, относящихся к XVII в. Таких записей выявлено всего три. Кроме того, выделено 11 записей, являющимися пробами пера, две из которых представляют собой искаженную поговорку и загадку-притчу.

К не связанным с непосредственным содержанием книги записям относятся записи информационные, которые часто дают уникальные данные и интересные сведения. Таких записей выявлено 2 в самих книгах и, кроме того, в экземпляре Евангелия учительного 1633 г. (инв. 4506) вложен лист с распиской от 1643 г. о займе рядом крестьян хлеба на февраль. Запись на экземпляре 1639 г. (инв. 8134) от 1682 г. сообщает о новом священнике Сергии в церкви Воскресения Галицкого уезда Унжеской осады Верховской области. В качестве обложки нижней крышки другого экземпляра 1639 г. (инв. 8697) было использовано заявление о нанесении оскорблений одним крестьянином другим.

Если рассматривать географию распространения книг по записям XVII в., то первое, что можно заметить, это практически равномерное распределение книг по территории страны с небольшим преобладанием центрального региона. Отсутствуют лишь Юг, Сибирь и Поволжье. Всего было найдено 22 географических названия, относящихся к XVII в. Конечно же, большинство топонимов связано с названиями монастырей и церковей. Это монастыри: Михалицкий в Новгороде, Выксинский в Пошехонье, Улейминский недалеко от Углича, Новодевичий в Москве, а также Оптина и Нилово-Столобенская пустыни. В записях упомянуты следующие церкви: Архангела Михаила в Ростовском уезде, Крестовоздвиженская в Сольвычегодске, Успения Богородицы в Соли Галицкой, Успения Богородицы в Вяземском уезде, ц. Воскресения в Галицком уезде Унжеской осады, Благовещенский собор в Москве, а также московская церковь Иоанна Богослова под Вязом, которая, будучи перестроенной во второй четверти 19 в., сохранилась и по сей день — в ней располагается Музей истории и реконструкции Москвы. Помимо этого в записях упоминаются Холмогоры, оз. Сюрзи, Макарьевская ярмарка, нижегородские вотчины боярина М.Я.Черкасского и Троице-Сергиева монастыря.

Вышеприведенный анализ записей еще раз позволил подчеркнуть огромную источниковедческую ценность данного материала. Как отмечает И.В. Поздеева, подобная работа важна для «решения всего комплекса вопросов о бытовании рукописной и раннепечатной книги, социальных особенностях чтения, географическом движении книги, отношении к различным текстам разных категорий читателей... Записи сохраняют пе-

чать той неповторимой личности, которая их сделала, и своего, часто очень далекого от нас, времени»⁶.

⁶ Поздеева И.В. Человек — книга — история. О чем могут рассказать записи на древних книгах // Библиофил. Люди, рукописи, книги. Сб. 1(4). М., 2001. С. 22.

ВОЕННАЯ ЭЛИТА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ИВАНЕ IV

Государственные и частные разряды, летописи, а также, в меньшей степени, иностранные источники и делопроизводственные материалы позволяют составить представление о командирском составе вооруженных сил Московского государства XVI в. Современный историк располагает массовыми данными о воеводском корпусе России XVI столетия от стрелецких голов до воевод высшего уровня. К последнему следует причислять первых воевод в большом полку, когда полевая армия имеет в своем составе от двух полков и выше; первых воевод или наместников в крупных крепостях (таких, как Новгород Великий, Псков, Казань, Астрахань, Юрьев Ливонский, Нарва, Полоцк); дворовых воевод, т.е. персон, возглавляющих «государев полк» или «государев двор», когда он включается в полевую армию.

Если исключить из общего числа лиц, попавших в перечисленные источники, всех тех, кто никогда не занимал важнейших воеводских постов, да и на меньшие попадал лишь в единичных случаях,¹ останется еще очень значительный список людей, составлявших командный костяк вооруженных сил Московского государства. За все годы правления Ивана IV (1533—1584 гг.) он составлял приблизительно 200 человек. У всех этих военачальников можно проследить хотя бы основные пункты карьеры, однако для составления более развернутых биографий материала явно не хватает.

Зато его достаточно в отношении военной элиты — сравнительно небольшого круга полководцев, получавших высокие и высшие воеводские назначения постоянно, на протяжении многих лет. Этот критерий сыграл роль основного при выделении названной «элитной» группы из разрядных списков. Особая важность придавалась назначениям на должности, которые давали право командовать полевой армией. Составление «реестра» военной элиты производилась с учетом следующих дополнительных факторов: сведения о проявлении полководческого искусства, опыт участия в боевых действиях, служба при Василии III (1505—1533 гг.), а также после смерти Ивана IV при Федоре Ивановиче (1584—1598 гг.).

В итоге был получен список из 35 персон:

Князь Бельский Дмитрий Федорович
князь Бельский Иван Дмитриевич
князь Булгаков Юрий Михайлович
князь Воротынский Владимир Иванович
князь Воротынский Михаил Иванович
князь Глинский Михаил Васильевич
князь Голицын-Булгаков Василий Юрьевич
князь Голицын-Булгаков Иван Юрьевич
князь Горбатый Александр Борисович
князь Курлятев-Оболенский Иван Константинович
князь Микулинский-Пунков Василий Андреевич
князь Микулинский-Пунков Семен Иванович
Морозов Михаил Яковлевич
Морозов Петр Васильевич
князь Мстиславский Иван Федорович

¹ Например, бывал раз-другой вторым воеводой полка левой руки, передового, сторожевого и т.п., «годовал» в небольшой крепости, был воеводой при татарских служилых царевичах.

князь Мстиславский Федор Иванович и много позже
князь Палецкий (Полецкой) Андрей Дмитриевич
Плещеев-Колодка Иван Дмитриевич
князь Пронский Иван Турунтай Иванович
князь Пронский Семен Данилович
князь Серебряный-Оболенский Петр Семенович
князь Серебряный-Оболенский Василий Семенович
князь Телятевский Андрей Петрович
князь Трубецкой Богдан
князь Хворостинин Дмитрий
князь Черкасский Семен Ардасович
Шереметев Иван Большой Васильевич
Шереметев Федор Васильевич
князь Шуйский Иван Андреевич
князь Шуйский Иван Михайлович
князь Шуйский Иван Петрович
князь Шуйский Петр Иванович
князь Щенятев Петр Михайлович
Юрьев Никита Романович
Яковлев-Захарьин (Яковля) Иван Хирон Петрович

Вплотную к ним примыкает группа из 57 персон:

Басманов-Плещеев Алексей Данилович
Бутурлин Иван Михайлович
Бутурлин Роман Дмитриевич
Волынский Вороной Михаил Иванович
Воронцов Василий Федорович
Воронцов Иван Семенович
князь Воротынский Александр Иванович
Головин Владимир Васильевич
Головин Михаил Петрович
князь Горенский Петр Иванович
Карпов Долмат Федорович
Князь Кашин Иван Иванович
Князь Кашин Юрий Иванович
Колычев Умной Василий Иванович
князь Куракин Андрей Петрович
князь Куракин Григорий Андреевич
князь Курлятев-Оболенский Дмитрий Иванович
князь Лобанов-Ростовский Иван Семенович
князь Лыков-Оболенский Михаил Юрьевич
князь Микулинский Дмитрий Иванович
князь Ногтев-Суздальский Андрей Иванович
князь Ногтев-Суздальский Даниил Андреевич
князь Одоевский Никита Романович
князь Одоевский Роман Иванович и много до
князь Одоевский Федор Иванович и много до
князь Охлябинин Иван Залупа Петрович
Очин-Плещеев Захарий Иванович

Очин-Плещеев Никита Иванович и много после
князь Палецкий Давыд Федорович
князь Палецкий (Полецкий) Дмитрий Федорович
Плещеев Дмитрий Михайлович
князь Пронский Иван Шемяка Васильевич Нелюбов и много до
князь Репнин-Оболенский Андрей Васильевич
князь Репнин-Оболенский Михаил Петрович
князь Репнин-Оболенский Петр Иванович и много до
Романов-Юрьев Даниил Романович
князь Серебряный-Оболенский Борис Васильевич
князь Сицкий Василий Андреевич
князь Сицкий Иван Васильевич и много позже
князь Татев Петр Иванович
князь Темкин-Ростовский Юрий Иванович
князь Токмаков Юрий Иванович
князь Троекуров Федор Иванович
князь Трубецкой Михаил Романович и много после
князь Туренин Иван Самсонович
князь Тюфякин Михаил Васильевич
князь Хворостинин Андрей Старко Иванович
князь Хворостинин Петр Иванович
князь Хилков Василий Дмитриевич
князь Хилков Дмитрий Иванович
князь Хованский Андрей Петрович
Чепчугов-Клементьев Никифор Павлович
князь Черкасский Михаил Темрюкович
Шереметев Иван Меньшой Васильевич
князь Шуйский Федор Иванович
князь Щербатый Меркул (Меркур) Александрович
Яковля (Яковлев) Семен Васильевич

В списки не вошли некоторые персоны, игравшие в армейской элите того времени важные роли на протяжении первых двух десятилетий правления Ивана IV. В их числе несколько крупных воевод из рода князей Мезецких, князя Горбатые — Борис Иванович и Михаил Васильевич, князь Александр Васильевич Кашин, князь Андрей Дмитриевич Ростовский, князь Василий Васильевич Шуйский, а также князь Иван Васильевич Шуйский -- весьма заметная фигура. Причина во всех случаях одна: эти лица большей частью своей деятельностью принадлежат предыдущему правлению, временам Василия III. Люди в основном преклонного возраста, позднее они дослуживали свой век.

Карьера таких военачальников, как князя Василий Андреевич Микулинский, Федор Иванович Одоевский, Иван Шемяка Васильевич Нелюбов Пронский, Петр Иванович Репнин-Оболенский, а также некоторых других, сложилась также при Василии III, однако и позже они проявляли высокую активность на военном поприще, в частности, назначались на воеводские посты не менее десятка раз каждый. Поэтому в список они вошли.

Целый ряд военачальников начинали при Иване IV службу с весьма скромных постов, но затем возвысились. Это могло произойти при Федоре Ивановиче, Борисе Годунове или даже позднее. Подобных персон автор этих строк также не включил в спис-

ки военной элиты, так как до 1584 г. они в ее состав не входили. Определенное «снисхождение» сделано в отношении видных фигур, наилучшим образом проявивших себя на протяжении грозненского времени и уже получивших значительный опыт на высоких воеводских должностях, но лишь в последующем царствовании достигших высших чинов и назначений (или просто пребывавших в «обойме» военной элиты на протяжении многих лет после смерти первого русского царя). В качестве примеров можно привести Никиту Ивановича Очина-Плещеева, князей Михаила Романовича Трубецкого, Дмитрия Ивановича Хворостинина и Федора Ивановича Мстиславского².

Бросается в глаза особое положение некоторых родов на военной службе: из их числа постоянно, на протяжении десятилетий, рекрутируются воеводы, занимающие высокие и высшие должности в войсках и крепостных гарнизонах.

Вот список родов, поднявшихся на военной службе особенно высоко:

Семейства боярские

Бутурлины
Волынские
Воронцовы
Головины
Колычевы
Морозовы
Плещеевы (в том числе Очины-Плещеевы и Басмановы-Плещеевы)
Романовы-Юрьевы
Сабуровы
Салтыковы
Шеины
Шереметевы
Яковлевы-Захарьины

Семейства княжеские

Барбашины (Борбашины или Барбошины)
Бельские
Булгаковы
Воротынские
Глинские
Голицыны
Горбатые
Горенские
Засекины
Карповы
Кашины
Куракины
Курятевы-Оболенские
Лобановы-Ростовские
Лыковы-Оболенские
Микулинские
Мстиславские

² Правда, в отношении последнего из них слова «проявивший себя наилучшим образом» не вполне уместны. Князь Ф.И.Мстиславский десятки раз выходил в походы на воеводских должностях, дважды при Иване IV осуществлял командование полевыми армиями, но полководческого таланта был лишен, и это сказалось на судьбах вверенных ему войск.

Ногтевы-Суздальские
Одоевские
Охлябинины
Палецкие
Пронские
Репнины-Оболенские
Ржевские
Ростовские
Серебряные-Оболенские
Сицкие
Татевы
Телятевские
Токмаковы
Темкины-Ростовские
Трубецкие
Туренины
Тюфякины
Хворостинины
Хилковы
Черкасские
Шуйские
Щенятевы
Щербатые

Очевидны две особенности в составе этих списков.

Во-первых, почти все перечисленные персоны и семейства представляют собой самые сливки военно-служилой аристократии Московского государства. В первом списке из 35 военачальников большинство дослужилось до боярского чина, некоторые занимали положение служилых князей.

А.П.Павлов по результатам кропотливого анализа источников, сделал вывод: «Для конца XVI — начала XVII в. выделяется следующая группа фамилий, которые можно рассматривать как аристократические («боярские»): Басмановы-Плещеевы, князья Бахтеяровы-Ростовские, Борисовы-Бороздины, князья Буйносовы-Ростовские, Бутурлины, Вельяминовы-Зерновы, «воеводичи» Волошские, князья Глинские, Годуновы, князья Голицыны, князья Гундоровы-Стародубские, князья Долгоруковы-Оболенские, князья Засекины-Ярославские, князья Звенигородские, Карповы-Долматовы, князья Катыревы-Ростовские, князья Кашины-Оболенские, князья Ковровы-Кривоборские (Стародубские), князья Куракины, князья Курлятевы-Оболенские, князья Лобановы-Ростовские, князья Лыковы-Оболенские, князья Мезецкие, Морозовы, князья Мосальские, князья Мстиславские, Мутьянские, князья Ноготковы-Оболенские, князья Ногтевы-Суздальские, князья Ноздроватые-Звенигородские, князья Одоевские, князья Охлябинины-Ярославские, Плещеевы, князья Приимковы-Ростовские, князья Прозоровские-Ярославские, князья Пронские, князья Репнины-Оболенские, Романовы-Юрьевы, князья Ромодановские-Стародубские, Сабуровы, Салтыковы, Селунские, князья Сицкие-Ярославские, князья Сулешовы, князья Татевы-Стародубские, князья Телятевские, князья Темкины-Ростовские, князья Токмаковы-Звенигородские, Траханиотовы, Третьяковы-Головины, князья Троекуровы-Ярославские, князья Тростенские-Оболенские, князья Трубецкие, князья Туренины-Оболенские, князья Тюменские, князья Тюфякины-Оболенские, князья Урусовы, князья Ушатые-Ярославские, князья Хворостинины-Ярославские, князья Хилковы-

Стародубские, князья Хованские, князья Черкасские, Шеины, князья Шейдяковы, Шереметевы, князья Шестуновы-Ярославские, князья Шуйские, князья Щербатые-Оболенские. Всего около 70 фамилий».³ Речь идет о периоде 80-е гг. XVI в. — 1605 г. Но этот круг аристократических семей, контролирующих назначения на важнейшие военные и административные посты, сложился раньше, при Иване IV, и впоследствии изменялся сравнительно мало. Основным изменением было изгнание с ключевых должностей в армии, дипломатическом ведомстве и управленческом аппарате «худородных» фаворитов» предыдущего царствования. Рода Яковлевых-Захарьиных (Яковлей), Воронцовых, князей Бельских, Горбатов-Суздальских, Серебряных-Оболенских, Щенятевых уже пресеклись к тому времени (до второй половины 80-х гг. XVI в.). Род князей Барбашиных-Суздальских также пресекся, побывав на верхушке опричной иерархии. Ветвь Тверского дома, именовавшая себя «князьями Микулинскими», тоже извелась. Сильно размножившиеся князья Ржевские не завоевали при дворе высокого положения. Головины в начале правления Бориса Годунова попали в опалу, были удалены от двора и отправлены в ссылку; но Федоре Ивановиче они еще были в силе. Опала, по предположению того же А.П. Павлова, постигла и Волынских⁴. Наиболее значительные представители семейства Колычевых при Федоре Ивановиче также оказались в опале, утратили влияние и надежды на карьере. Вместо Палецких, стоявших чрезвычайно высоко в середине XVI в., поднялись другие ветви Стародубского дома. В остальном — почти полное попадание военной элиты времен Ивана IV в «аристократический список» А.П. Павлова.

Исключение одно-единственное: Никифор Павлович Чепчугов-Клементьев.⁵ Эта фигура поистине уникальна. Родился он, скорее всего, в 30-х гг. XVI в. Карьерное продвижение Никифора Павловича шло медленно. Разряды довольно долго упоминают его на младших офицерских должностях. Так, во время похода 1558 г. на Юрьев-Ливонский он числился головой в полку правой руки, под началом первого воеводы боярина князя В.С.Серебряного. Через полгода, во время зимнего похода на Ливонию, он пребывает на той же должности в сторожевом полку, со вторым воеводой Ф.И.Салтыковым. В январе 1560 г. его отправляют головой при втором воеводе полка правой руки боярином Н.В.Шереметевым в армии, идущей на Алыст. В том же году он ходил головой при первом воеводе передового полка князе А.М.Курбском на Феллин.⁶ Таким образом, первые, наиболее удачные годы Ливонской войны не принесли ему повышения по службе. В 1566/1567 г. Никифор Павлович годует головой в Себеже при воеводе В.Ю.Сабурове.⁷ К концу царствования Ивана IV, это уже опытный военачальник, послуживший немало. И в 1582 г.⁸ происходит небывалый взлет в его карьере: Никифора Павловича отправляют первым воеводой большого полка (т.е. командующим) в небольшой рати двухполкового состава (большой полк и передовой) из Казани на Каму «по ногайским вестям».⁹ К тому времени ему лет сорок пять, а может быть, и все пятьдесят. Год спустя он был отправлен вторым воеводой казанской рати к месту сбора для большого похода. В 1583/1584, а затем и в 1584/1585 гг. Чепчугов-Клементьев годует в

³ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). — СПб., 1992. С.17—18. Князья Булгаковы не указаны здесь, видимо, из-за технической ошибки, ведь по соседству с этим списком А.П.Павлов ясно говорит о них, как об одном из самых видных аристократических родов конца XVI столетия.

⁴ Павлов А.П. Государев двор... С.133.

⁵ В справочной литературе иногда ошибочно именуется Никифором Клементьевичем.

⁶ Миллюков П.Н. Древнейшая разрядная книга. М., 1901. С.202, 206, 216, 224.

⁷ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С.48.

⁸ Очевидно, весной.

⁹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С.190.

Казани вторым воеводой «в остроге».¹⁰ Известно, что с декабря 1583 г. Никифор Павлович получил под команду стрельцов и литовских служилых людей Казани.¹¹ А в 1590 г., пребывая уже в преклонном возрасте, он вновь служит головой (всего-навсего головой!) у наряда во время осады Ругодива.¹² Чепчуговы не были «новыми людьми», совершенно неизвестными, но с большой аристократией им было не тягаться. Они представляли нижние слои дворянства, не имевшие ни малейшего влияния при дворе московского государя. В «тысячниках» числился некий Степанко или Стенька Чепчугов сын Клементьева, записанный во вторую статью псковским городовым помещиком по Опочке,¹³ а в Дворовой тетради 1550-х гг. Чепчуговы не отмечены. Сам Никифор Павлович в конце 80-х — начале 90-х годов, после стольких служб, ходил в выборных дворянах по Туле с окладом в 550 четей земли — не голь, но и ничего особенного.¹⁴ Вотчины и поместья богатых аристократов измерялись тогда тысячами четвертей. Как уже говорилось, семейство Чепчуговых-Клементьевых не был ни «новым», ни совершенно «захудалым»: судя по писцовым книгам 1580-х гг., у Никифора Павловича была вотчина в Московском уезде, на реке Клязьме, а сам род, как обнаружил дотошный исследователь родословных Д.Ф.Кобеко, выводил себя от некоего (легендарного?) «честного мужа Облагиня», выехавшего из Швеции в 1375 г. на службу к великому князю московскому Дмитрию Ивановичу¹⁵. Служебная связь Чепчуговых-Клементьевых с Московским княжеским домом, возможно, уходила корнями в давнюю старину. Однако они «высвечиваются» источниками только в середине XVI столетия, да и то положение их иначе как весьма скромным не назовешь. Только сын Никифора Павловича, Иван Никифорович, в начале XVII столетия добился службы по московскому списку.¹⁶ И если отец не местничал, то сын уже вступает в местнические споры.¹⁷ Чем же тогда объясняется доверие, которое оказали Никифору Павловичу в уникальном случае самостоятельного командования армией, отправленной на Каму? Очевидно, несколькими десятилетиями безупречной службы... Однако возможен и другой ответ: Чепчуговы связаны были с влиятельным дьяческим семейством Щелкаловых. Василий Яковлевич Щелкалов, по всей видимости, был женат на сестре Никифора Павловича, а Василий Петрович Морозов, представитель влиятельного старомосковского боярского рода, был двоюродным братом Евдокии Никифоровны Чепчуговой.¹⁸ Внука Никифора Павловича, Ивана Ивановича Чепчугова, во время одного местнического разбирательства упрекали в том, что его дед занял должность «головой у татар» по протекции Щелкаловых. Но

¹⁰ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С.197, 205—206, 213.

¹¹ Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV-- начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып.8. № 686.

¹² Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004. С.131. Понижение по службе, возможно, стало следствием конфликта с придворной партией Годуновых (См.: Кобеко Д.Ф. Щелкаловы и Чепчуговы // Русская старина. СПб., 1901. Вып. CV (XXXII год издания). С.711). Правда, Иван IV (в 1567—1568 гг.) и Федор Иванович (в 1585 г.) жаловали ему иные, весьма серьезные источники дохода: Антонов А.В. Указ. соч. №№ 3440, 3442.

¹³ «Тысячная книга» 1550 г. и «Дворовая тетрадь» 50-х годов XVI в. (далее ТКДТ) / Подг. К печати А.А.Зимин. — М.—Л., 1950. С.100. Упомянут в Тысячной книге также некий Семейка Григорьев сын Клементьева, городской новгородский сын боярский второй статьи, но связан ли он с Чепчуговыми, уверенно сказать нельзя. — ТКДТ. С.89.

¹⁴ Станиславский А.Л. Указ. соч. С.236, 333, 349.

¹⁵ Кобеко Д.Ф. Щелкаловы и Чепчуговы // Русская старина. СПб., 1901. Вып. CV (XXXII год издания). С.711—712.

¹⁶ Павлов А.П. Указ. соч. С.115,116; Станиславский А.Л. Указ. соч. С.301.

¹⁷ Эскин Ю.М. Местничество в России XVI—XVII вв. М., 1994. №№ 434 (возможна фальсификация) и 869.

¹⁸ Кобеко Д.Ф. Щелкаловы и Чепчуговы... С.713. Д.Ф. Кобеко также установил (с меньшей долей вероятности) родственные связи Чепчуговых с князьями Ромодановскими, а через них и отдаленное родство с могучими Шуйскими.

должность головы была достижима для людей уровня Чепчуговых и без особой поддержки со стороны могущественных доброжелателей; очевидно, имелось в виду то самое воеводство в походе на татар. Таким образом, вполне вероятно и возвышение Никифора Павловича при покровительстве сильной родни (что никак не умаляет долгой и нелегкой службы, о которой свидетельствуют данные разрядов).

Таким образом, исключение лишь подтверждает правило. Постепенное вращение в высший слой военной элиты не-аристократических провинциальных родов было возможным, но крайне долгим и трудным процессом. Требовалось показать долгую, честную, успешную службу или... заручиться поддержкой влиятельных покровителей.

Во-вторых, в высшем командном составе вооруженных сил России времен правления Ивана IV (т.е. на протяжении полувека) абсолютно доминируют «княжата», иными словами, титулованная часть аристократии. Если считать по отдельным персонам, то получится, что представителей старомосковских боярских родов на верхнем эшелоне воеводского корпуса всего лишь 20% (по первой группе армейской элиты), или порядка 25% (по обеим группам). Если подсчитывать не отдельных личностей, а рода, то получится то же самое — чуть менее 25%.

Процент представителей старомосковских боярских родов, имеющих думные чины (бояре и окольничие) от общего количества служилых аристократов, заслуживших таковые, в период регентства Елены Глинской и царствования Ивана IV был неизменно выше — это убедительно показал А.А. Зимин в исследовании о составе Боярской думы.¹⁹ Если считать одних только персон, имевших боярский чин, то превосходство титулованной знати, конечно, очевидно, но все-таки процент бояр не-княжеского происхождения, как правило, не падает до значений около 20 %, он выше. Если анализировать состав окольничих, то неоднократно бывало так, что представители старомосковских боярских родов в этом чине превосходили по количеству представителей титулованной знати. А.А.Зимин, в частности, пишет в отношении практики, сложившейся в 30--40-х годах XVI столетия: «Окольничество... обычно получали представители знатных, но не княжеских, а старомосковских боярских фамилий».²⁰ Если рассматривать боярский список «Тысячной книги», то там 7 представителей старомосковских боярских семейств и 11 князей (а из семи окольничих — ни единого представителя титулованной аристократии). В боярском списке «Дворовой тетради» соотношение титулованной и нетитулованной знати 36:30 (в списке окольничих — абсолютное преобладание старомосковских боярских семейств).²¹ В первые годы опричнины они получили преобладание в опричной Думе и, возможно, взлет влияния старинных семейств нетитулованной знати, издавна связанной тысячами нитей с правящей династией, подготовлен был обращенными к царю настойчивыми советами ее представителей о введении особого порядка правления. Так, Пискаревский летописец связывает возникновение опричнины с инициативой В.М. Захарьина-Юрьева и А.Д. Плещеева-Басманова. В.Б.Кобрин считал, что «...опричина была детищем старомосковского боярства, стоявшего во главе этого мрачного учреждения до рубежа 60—70-х годов XVI в.»²², -- так не стало ли господство нетитулованной знати в первый период опричного времени своего рода реваншем за усиление позиций «княжат» в военной сфере? В любом случае, соотношение титулованной и нетитулованной знати у кормила власти в Московском государстве было в среднем гораздо более равным: не видно такого подавляющего превосходства, которое княжеские рода получили в армейском командовании.

¹⁹ Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках // Археографический ежегодник за 1957 год. — М., 1958. С.54—80.

²⁰ Зимин А.А. Состав... С.59.

²¹ ТҚДТ. С.54—55, 111—114.

²² Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. — М., 1985. С.215.

Потомки удельных княжат потеснили заслуженных московских бояр предположительно по двум причинам.

В наибольшей степени правдоподобен ответ, основывающийся на свидетельстве Джильса Флетчера -- английского дипломата, посетившего Россию в 80-х годах XVI столетия. Флетчер указывал на обычай ставить военачальником русской армии знатнейшего аристократа²³. Иное назначение нанесло бы обиду представителям других знатных семейств, оказавшихся в подчинении у человека, превосходство которого по части родовитости они не признавали. Так вот, у старомосковских бояр явно не хватало знатности, чтобы меряться ею с княжескими родами Мстиславких, Бельких, Шуйских, Воротынских, Микулинских и т.п. А в большинстве случаев они еще и не располагали земельными владениями, сравнимыми с колоссальными вотчинами и уделами, сохранившимися у этих семейств до середины XVI в.

Но возможна и другая версия, которая требует специального дополнительного исследования. Можно предположить, что у нетитулованных московских фамилий была своего рода специализация в большей степени распространявшаяся на судебно-административную деятельность, чем на военную. Да и на военные посты их чаще определяли в крепости, нежели в полевую армию. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис, нужна, повторюсь, отдельная монография. Здесь же хотелось бы привести лишь предварительные соображения.

Вот один из главнейших «столпов царства», боярин (с 1547 г.)²⁴ и конюший Иван Петрович Федоров-Челяднин, представитель старшей линии потомков боярина Акинфа Великого, один из богатейших аристократов Московского государства. В 1568 г. он был убит, после того как попал под подозрение в заговоре с целью передачи престола князю Владимиру Андреевичу Старицкому. Но прежде Иван Федорович сделал великолепную карьеру и, как видно, пользовался доверием государя. Как пишет Р.Г.Скрынников, Челяднины «...издавно возглавляли Конюшенный приказ».²⁵ Так было и с И.П. Федоровым-Челядниным: он был крупным администратором, дипломатом, главой Конюшенного приказа. Но на военной службе он никогда не поднимался высоко. Немного известно об участии Ивана Петровича в походах. Несколько раз он назначался на должности полковых воевод, но армией никогда не командовал и даже не приближался к высшим постам в военно-полевой иерархии. В 1536 г. «Иван Петров сын Федоровича» упомянут как первый воевода в полку правой руки.²⁶ В 7045 (1536/1537) г. он расписан вторым воеводой в передовом полку во Владимире. А в 7048 (1539/1540) г. сидит воеводой в маленьком Боровске, удачно местничает с князем И.С. Ногтевым по поводу назначения по украинному разряду от поля, назначается первым воеводой в полку правой руки «по берегу» на Угре, а также первым воеводой сторожевого полка «от Казанской украины» (во Владимире); В 1541 г. — второй воевода в Калуге²⁷. На это время приходится пик его активности на воеводских службах. Затем его ожидала опала 1546 г. и ссылка в родовые владения на Белоозеро, впрочем, быстро закончившаяся²⁸. В 1548 г., во время большого похода на Казань, его поставили было в разряд, но отпустили «по болезни»²⁹. В зимнем походе 1549 г. на Казань, а также летних 1547 и 1550 гг. к Коломне Иван Петрович сопровождает царя, не имея какого-либо воинского назначения³⁰. Последнее назначение Ивана Петровича в ранге полковых военачальников —

²³ Флетчер Дж. О Государстве Русском. СПб., 1906. С.81—82.

²⁴ Зимин А.А. Состав... С.60.

²⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С.296.

²⁶ Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.98.

²⁷ Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 102, 109, 111, 113.

²⁸ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. — М., 1964. С.277.

²⁹ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986. С.126.

³⁰ Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.123, 138, 144.

пост первого воеводы в весеннем походе 1551 г. судовой рати к Казани (потолок карьеры Федорова-Челяднина в полевой армии)³¹. В государственных разрядах он упоминается также первым воеводой Свияжска с весны 1556 г. (для боярина — незавидное назначение); на берегу в 1564 г. (но не совсем ясно, был ли он туда реально отправлен и если да, то в какой должности); в Юрьеве-Ливонском за 7070 (1561/1562) г., но из записи опять-таки неясно, какой именно пост он там занимал (предположительно, первого воеводы); а также в качестве первого воеводы в Полоцке за 7075 (1566/1567) г.³² Некоторые исследователи считают, что воеводство в Полоцке могло рассматриваться как знак опалы³³, однако это сомнительно. Огромный Полоцк представлял собой богатейшее и притом стратегически важное приобретение времен первого периода Ливонской войны, сам царь гордился этой победой: ведь именно он возглавлял армию в походе на Полоцк³⁴. Назначение на воеводство в Полоцк — это назначение на один из высших постов в военной иерархии того времени. Но на этом завершается список сведений о деятельности конюшего на военном поприще за всю грозненскую эпоху, богатую походами и войнами. По сравнению с представителями первого списка военной элиты, не вылезавшими из походов на протяжении многих лет и командовавшими самостоятельными соединениями, Федоров-Челяднин выглядит довольно скромно. На военной службе ему чаще доставалась роль командующего городскими гарнизонами, чем полкового воеводы. Это был прежде всего дипломат и администратор³⁵, о чем прямо свидетельствует, кстати, известное замечание немца-опричника Генриха Штадена: «Иван Петрович Челяднин был первым боярином и судьей на Москве в отсутствие великого князя. Он один имел обыкновение судить праведно, поэтому простой люд был к нему расположен...»³⁶

Иван Дмитриевич Шеин получил думный чин окольного в середине 40-х гг., а боярином стал в 1552 или 1553 г., видимо, уже в преклонных годах (в 1555 или 1556 г. он умрет)³⁷. Иван Дмитриевич — отпрыск древнего семейства Морозовых, связанного службой с московским княжеским домом еще с XIV в. Шеины, одна из многочисленных ветвей Морозовых, на иерархической лестнице при дворе великих князей московский в первой половине — середине XVI в. стояли весьма высоко³⁸. В 1553 г. Иван Дмитриевич вместе с кн. И.И. Турунтаем Пронским назначен за «кривой стол» на пиршестве после свадьбы царя Симеона Касаевича и М.А. Кутузовой-Клеопиной.³⁹ Военную службу его можно проследить с назначения на должность первого воеводы сторожевого полка в 7048 (1539/1540) г.⁴⁰ В коломенском походе апреля 1546 г. он числится вторым воеводой передового полка, год спустя во втором коломенском походе — опять первый воевода сторожевого полка; ту же самую должность он занимает в 1549 г., после того, как его расписали на второй срок, т.е. «на Николин день» в разряд «от поля и по берегу»; через год в таком же разряде И.Д. Шеин показан как первый воевода полка

³¹ Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.149

³² Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.184, 251, 228; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С.48. А.А.Зимин отыскал упоминания еще двух назначений — во Псков (1554 г.) и Смоленск (1559—1560 гг.). См.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. — М., 1964. С.277—278.

³³ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003. С.220; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С.296.

³⁴ Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Русью и Литвой в XII—XVI веках. М., 1994. С.108—110.

³⁵ Об административных службах И.П.Федорова см., в частности у Зимина: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. — М., 1964. С.278—279.

³⁶ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С.79.

³⁷ Зимин А.А. Состав... С.59.

³⁸ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. С.241.

³⁹ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986. С.116.

⁴⁰ Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.110-111.

левой руки⁴¹. Неоднократно разряды показывают его как должностное лицо, оставленное для несения службы в Москве, иными словами, не расписанное ни в одну крепость, ни в один поход, и выделенное для административной работы⁴². Вот, собственно, и все. Причем в роду Шеиных, давших в середине XVI столетия несколько человек, занимавших думные чины, Иван Дмитриевич наиболее активен на военной службе.

Иван Иванович Хабаров получил боярский чин не позднее 1547 г.⁴³ Он шел к месту в Боярской думе долго и трудно: мимо него прошло окольниковство, которого добивались высокие покровители Бельские, а в 1542 г. неудачи в придворной борьбе привели к тому, что он был отправлен в ссылку⁴⁴. Иван Иванович происходил из разветвленного семейства Симских-Добрынских-Образцовых, служивших Московскому княжескому дому с XIV в. (а их предки еще раньше). Его отец, Иван Васильевич Хабар был одним из виднейших деятелей правления Ивана III и Василия III, талантливым полководцем.⁴⁵ Во второй половине 40-х — начале 50-х Иван Иванович становится заметной фигурой: в разряде от декабря 1546 г., составленном для свадьбы Ивана IV и А.Р. Захарьиной-Юрьевой, дворецкий И.И. Хабаров поставлен «вино нести к церкви, к венчанью в склянице».⁴⁶ Он считался большим книжником.⁴⁷ Так вот, и до получения боярского чина, и после этого Иван Иванович изредка назначался в полковые воеводы, но никогда сам не командовал армией и даже не бывал на высоких постах. Как видно, у него был талант к охранной и сторожевой службе: Ивана Ивановича ставили, как правило, в сторожевой полк, причем в середине 30-х гг. он числится вторым или даже третьим воеводой, и лишь в 1549—1551 гг. получает назначения первым воеводой... того же сторожевого полка⁴⁸. В 1552 г. под Казанью его, кстати, расписали ночами «ездити круг города по полком береженья для».⁴⁹ В его военной карьере виден длительный перерыв между 1538 г. (второй воевода в Серпухове) и 1543 г. (первый воевода в Нижнем Новгороде)⁵⁰. Вершины его военной карьеры никак не связаны с руководством войсками в походах. Иван Иванович неоднократно назначался первым воеводой и наместником в крупные города: помимо уже упоминавшегося годованья в Нижнем, он был наместником в Смоленске два года с декабря 1547-го, а затем еще раз с декабря 1552 по весну 1554 г.⁵¹ Позднее И.И. Хабаров принял иночество и жил в Кирилло-Белозерском монастыре. Здесь он вызвал гнев Ивана IV своим неблагочестием (?) и в знаменитом царском послании настоятелю этой обители удостоился слов «дурак и упырь». По сведениям Курбского, впрочем, некоторыми исследователями оспариваемом, его родовое имущество разграбили в годы опричнины или несколько позже, а сам он вместе с сыном был убит.⁵²

⁴¹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.122, 124, 132—133, 143, 147.

⁴² Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.129, 140, 162.

⁴³ Зимин А.А. Состав... С.60. Данные М.Е.Бычковой позволяют предположить, что это произошло не много раньше — в декабре 1546 г. — Бычкова М.Е. Состав класса феодалов... С.125.

⁴⁴ Полное собрание русских летописей (далее -- ПСРЛ). Т.ХIII. Никоновская летопись. С.126.

⁴⁵ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С.220—221.

⁴⁶ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов... С.142.

⁴⁷ Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С.346.

⁴⁸ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.96, 97, 98, 100, 140, 143, 149.

⁴⁹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.157.

⁵⁰ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.105—118.

⁵¹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.129, 134, 164, 168. Весной 1554 г. Смоленск сгорел, и Хабарова свели с наместничества, очевидно, увидев в этом его вину.

⁵² Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 154—155, 346. См. также комментарий (здесь же, с. 614). С.Б.Веселовский косвенно подтверждает сведения Курбского: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С.130, 341.

Семен Константинович Заболоцкий — окольничий с 7058 (1549/1550) г. и боярин с 7060 (1551/1552) г.⁵³ Род бояр Всеволожей-Заболоцких, когда-то могущественный, происходит от смоленских князей.⁵⁴ К середине XVI в. Заболоцкие стали весьма многочисленны: в середине XVI столетия Ивану IV служит более трех десятков представителей этого рода! Однако на верхний уровень придворной иерархии сумели взойти лишь немногие из них. Так, боярином в 50-х гг. был один Семен Константинович. Да и в разряды попало менее половины дворовых служилыхцев... Основная же часть ветвей этого семейства не имела заметного влияния и заметных служебных достижений. Сам же Семен Константинович необыкновенно беден военными назначениями. Он никогда не ходил в полковых воеводах. Во второй половине 30-х — начале 40-х гг. Семен Константинович назначается воеводой в крупные города: Нижний Новгород, Рязань, Калугу; высшая точка его службы на военном поприще — пост «наместника за городом» в Нижнем в 7048 (1539/1540) г.⁵⁵ Последняя командирская служба С.К.Заболоцкого — должность второго воеводы на годовании в Свяжске с апреля 1552 г.⁵⁶ В середине 50-х он упоминается лишь в числе думных чинов, сопровождающих царя в походы на юг, по крымским вестям. Последний раз он расписан в разряде коломенского похода в июле 1557 г.⁵⁷ По данным С.Б. Веселовского, Семен Константинович упоминается в боярском звании до 1559 г.⁵⁸ Его сын Владимир бежал в Литву⁵⁹, были и другие перебежчики из рода Заболоцких; несколько представителей этого рода подверглось казням (по словам Курбского, Заболоцкие пострадали «всеродне» в опричные годы).⁶⁰ Ни одного представителя, столь же высоко поднявшегося по службе, как С.К. Заболоцкий, этот род больше не дал.

Иван Яковлевич Чеботов (Чоботов) происходил из мощного и разветвленного семейства Остеевых-Чулковых, уходящего корнями в XIII век, когда их родоначальник Гаврила Алексич служил Александру Невскому.⁶¹ Есть основания считать его одним из инициаторов учреждения опричнины. Чеботов получил окольничество в 1551 г., а боярство — в 1558 или 1559-м⁶². В конце 1564 г., накануне учреждения опричнины, он попал в опалу⁶³, но впоследствии Иван Яковлевич числился опричным боярином. По сведениям С.Б.Веселовского, он еще в феврале 1570 г. упоминается в такой роли, но в

⁵³ Зимин А.А. Состав... С.63.

⁵⁴ Служат Москве с конца XIV в.

⁵⁵ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.101, 102, 106, 111.

⁵⁶ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.152.

⁵⁷ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.173, 181, 188.

⁵⁸ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С.383.

⁵⁹ Как заметил К.Ю. Ерусалимский, перебежчиком В.С. Заболоцкий стал еще до войны и, по словам Ивана IV, он бежал не от царской опалы, а «...розбрався с своею братьею». — См.: Ерусалимский К.Ю. Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой // ОИ, 2006. Вып. 3. С.75—76. Впоследствии В.С. Заболоцкий добился в Речи Посполитой высокого положения, был фаворитом Стефана Батория, участвовал в военных действиях на Московском фронте и был убит в 1580 г. в вооруженной расправе с К.Радзивиллом. Можно предположить, что закат карьеры С.К. Заболоцкого был связан с изменой его сына. В свою очередь, переход В.С.Заболоцкого на сторону врага мог быть связан, по мнению А.А.Зиминой, с «опасной близостью» рода ко двору Владимира Андреевича Старицкого и поддержкой его во время «боярского мятежа» 1553 г. — См.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. — М., 1964. С. 116—117.

⁶⁰ Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С.352; Веселовский С.Б. Исследования... С.383.

⁶¹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С.161—166.

⁶² Зимин А.А. Состав... С.64; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С.236—237.

⁶³ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С.127—128.

том же году или, во всяком случае, не позднее 1571 г., вновь подвергся опале.⁶⁴ В виде особой милости он «...получил разрешение постричься и ушел от мира в ростовский Борисоглебский монастырь, причем сохранил свою вотчину в Ростове». В 1573 г. он еще был жив.⁶⁵ В годы политического расцвета Иван Яковлевич занимал место крупного деятеля и, по словам Р.Г.Скрынникова, «столпа приказного управления»⁶⁶. Что же представлял собой И.Я.Чеботов с точки зрения военной карьеры? В «Тысячной книги» он записан как сын боярский третьей статьи по Переяславу Залесскому.⁶⁷ Затем появляется у Казани, во время победоносного похода 1552 г. Здесь он занимает скромное место: ходит в ночной дозор во время осады, а после взятия города остается там на годовании одним из целой команды воевод (при этом сам воеводой не назван, а назван просто окольниковым)⁶⁸. В походе под Коломну 1555 г. Иван Яковлевич сопровождал царя, а затем «раздавал» дворы; год спустя под Серпуховом он опять сопровождает царя, не имея никакой воеводской должности⁶⁹. Судя по разрядам первый раз его ставят в полковые воеводы только в сентябре 1556 г., вторым по сторожевому полку на «первый срок» «на берег» -- в Калугу, «для осеннего приходу от крымских людей». Но летом 1557 г. и во время зимнего похода 1562—1563 гг. на Полоцк он опять в царском сопровождении, без определенной должности⁷⁰. Как видно, воеводские службы были не для него, и ценным военачальником Иван Яковлевич не стал.

Нагие происходили из тверского боярства. Еще при Василии III они летали невысоко: Михаил Иванович Нагой служил в небольших дворцовых чинах, в Думе никто из них не бывал. В Тысячной книге они уже отмечены. Разительная перемена в судьбе семейства произошла в результате двух браков, связавших его с Московским правящим домом. В 1549 г. Евдокия Нагая стала первой женой князя Владимира Андреевича Старицкого, а в 1581 г. на Марии Нагой женился сам Иван IV. Это вознесло Нагих в верхнюю часть аристократической пирамиды. Но уже в 1547 г. Федор Немой Михайлович Нагой упоминается в разрядах как окольниковый, а не позднее 1559 г., по сведениям А.А.Зиминой, он становится боярином⁷¹ (в 1557 г. разряды его все еще именуют окольниковым). Ни о каких крупных военных службах Федора Михайловича источники не сообщают. Он главным образом сопровождал Ивана IV в походах, не имея воеводской должности. Разряды сообщают, что роль такого сопровождающего Ф.М. Нагой исполнял летом 1547 г. (Коломна), зимой 1547--1548 гг. (Владимир и Нижний Новгород, затем возвращение в Москву от речки Роботки), летом 1550 г. (Коломна), летом 1553 г. (Коломна) и летом 1557 г. (Коломна)⁷². В марте 1549 г. его приставили к Щигалею при сборе рати в Нижнем Новгороде, когда стало ясно, что «...Сафа-кирея, царя крымского, не стало». Но ратью, отправленной из Москвы в Нижний, командовал не Нагой. Полковым воеводой за всю жизнь он побывал всего один раз, да и то на весьма скромном посту: третьим воеводой «у наряда» в ноябрьском походе на Казань 1549 г. С весны 1555 г. Федор Михайлович годовал вторым воеводой в Чебоксарах. Вот, собственно, и все его военные службы, о которых известно точно.⁷³ В 1565—1567 гг. некий Федор Нагой

⁶⁴ Предположительно, это произошло в связи с погромом Северной Руси в конце 1569—1570 гг. И.Я.Чеботов мог выразить несогласие с необходимостью подобного шага.

⁶⁵ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С.237.

⁶⁶ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С.521.

⁶⁷ ТКДТ. С.67.

⁶⁸ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.157—158.

⁶⁹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.173—174, 181.

⁷⁰ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.186, 188, 234. В 1559 г. Чеботов расписан в той же роли царского «сопровождающего» в поход на Юг, против крымцев, но поход не состоялся (Там же, С.212).

⁷¹ Зимин А.А. Состав... С.60; ТКДТ. С.112.

⁷² Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.123, 126, 128, 145, 161, 188.

⁷³ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.132, 136, 176.

сидит воеводой сначала во Мценске, а затем в Чернигове, но это, весьма возможно, Федор Федорович, а не Федор Михайлович, которому поздновато в боярском чине сидеть вторым воеводой в Мценске -- небольшой порубежной крепости⁷⁴. В 7079 (1570—1571 гг.) в Почепе годует один Федор Нагой, а в Чернигове одновременно сидит воеводой и наместником другой. Не исключено, что наместничает именно Федор Михайлович, хотя и подтвердить это совершенно точно не представляется возможным⁷⁵. Но в любом случае — даже если засчитать за Федором Михайловичем все мценские и черниговские воеводские службы (что, скорее всего, будет ошибкой), -- его военная карьера выходит бедной на главные роли и совершенно их лишена в отношении служб в полевой армии.

Лев Андреевич Салтыков унаследовал дворцовый чин оружничего от отца, Андрея Михайловича Салтыкова, принадлежавшего роду Морозовых-Салтыковых, который служил Москве с середины XIV столетия⁷⁶. До чина окольного (совмещавшегося с чином оружничего) Лев Андреевич дослужился не позднее 1553 г., а возможно и в 1552 г. Чин боярина он получил предположительно в 1561 г., а в 1562-м точно был боярином, о чем свидетельствует запись в разрядной книге⁷⁷. Он долгое время пользовался большим доверием царя, поскольку активно поддержал его во время «боярского мятежа» 1553 г. Р.Г.Скрынников считает, что это положение продлилось до 1563—1564 гг.⁷⁸, а с учетом того, что Салтыков готов был идти за Иваном IV в Александровскую слободу (хотя и был впоследствии выслан обратно), можно считать весьма вероятным царское благорасположение к нему как минимум до последних месяцев 1564 г. А.А. Зимин видит в нем опытного московского администратора, расцвет деятельности которого пришелся на конец 50-х — начало 60-х гг. XVI в.⁷⁹ В 1565 г. Салтыков подвергся аресту. По мнению П.А.Садикова, Лев Андреевич попал в опалу в связи с неудачами на воеводстве: «Некоторые из бояр, вяло и бесталанно руководившие военными операциями против крымцев и Литвы, осенью 1564 г., как, например, И.П.Яковлев, Л.А.Салтыков и кн. В.С.Серебряный-Оболенский, были арестованы и выпущены только после новой присяги на верность и денежного поручительства на огромные суммы со стороны ряда служилых людей»⁸⁰. Возможно, это так. Но тогда Салтыков занимал незначительный пост «прибавочного» воеводы, и вряд ли его тактические ошибки могли стать причиной для неудач 1564 г. Так что есть основания усомниться в выводе П.А.Садикова: возможно, причина опалы была другой. В 1567 г. Лев Андреевич уже участвует в подготовке несостоявшегося похода на Литву. В 1568—1569 гг. Салтыков попадает в опричную думу боярином, опять становится «ближайшим советником» царя и занимает пост опричного дворецкого. Он принял участие и в опричном разгроме Северной Руси (1569—1570 гг.). Но в 1571 г. он вновь оказался в опале, был по распоряжению царя пострижен в монахи и отправился в Троице-Сергиев монастырь, а позднее его казнили⁸¹.

Казалось бы, Л.А.Салтыков — человек известный, и прославлен он именно военной службой. В большом походе русской рати против крымцев летом 1555 г. Лев Андреевич был вторым воеводой большого полка при первом воеводе боярине И.В. Шереметеве Большом. Поход оказался несчастлив для нашей армии: столкновение с

⁷⁴ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С.28, 32—33, 40—41, 47.

⁷⁵ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С.70.

⁷⁶ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С.238.

⁷⁷ Зимин А.А. Состав... С.66.

⁷⁸ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С.29.

⁷⁹ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С.149—150.

⁸⁰ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. — М.—Л., 1950. С.22—23.

⁸¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. — СПб., 1992. С.227, 513; Послание Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе / Перевод М.Г. Рогинского // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн.8. С.54 (с учетом поправок А.И.Браудо. См.: Браудо А.И. Послание Таубе и Крузе к герцогу Кетлеру // ЖМНП. 1890. № 10).

двадцатитысячным войском хана у Судьбищ вылилось в кровавую битву, которая с перерывами продлилась трое суток и закончилась поражением московских воевод⁸². Вдвое меньшее число русских бойцов в первых двух столкновениях имело успех. Но затем получил тяжелое ранение И.В. Шереметев. Это деморализовало войско, быстро потерявшее порядок. В результате оно подверглось разгрому. Боеспособность сохранила лишь небольшая часть его — отряд в 2000 человек. Этому отряду удалось закрепиться в овраге и отбить три атаки крымцев. Хан ушел, не став упорствовать, добывая остатки русской армии, и они благополучно отступили. Так вот, после того, как вышел из строя Шереметев, команду по старшинству должен был принять Салтыков. Именно он, видимо, организовал стойкую оборону последнего отряда русских. Впрочем, он же не сумел сохранить боеспособность основных сил, так что роль его в сражении у Судьбищ неоднозначна⁸³. Краткий период командования ратью при ранении Шереметева стал «звездным часом» Льва Андреевича. Во всяком случае, пиком его достижений на военном поприще. Но... для самой рати это был далеко не лучший вариант. Ведь Салтыков не имел достаточного опыта в командовании крупными соединениями. Возможно, это сказалось и на результате Судьбищенской битвы. Разряды сообщают со всей определенностью: Салтыков был главным образом администратором — должность оружничего предполагала управление дворцовым Бронным приказом. На протяжении десятилетия с конца 40-х по конец 50-х гг. Лев Андреевич шесть раз сопровождает Ивана IV в походах именно как оружничий, а не как человек, занимающий какую бы то ни было воеводскую должность⁸⁴. И совершенно напрасно С.Б.Веселовский то и дело зовет его воеводой⁸⁵: оружничество само по себе не делало человека военачальником, он был всего лишь сопровождающим лицом в свите государя, имея набор обязанностей, не предполагавший командование полками. Позднее Салтыков опять играет роль сопровождающего лица, но только в чине боярина: знаменитый поход на Полоцк зимой 1562—1563 гг. и поход из Александровской слободы к Серпухову по крымским вестям в 1570 г.⁸⁶ А где же собственно-воеводские службы Льва Андреевича? Их немного. В полевой армии он до 1555 г. был воеводой дважды: июне 1549 г. Салтыков идет вторым воеводой в маленькой рати (не разбитой на полки) и отряженной к Нижнему Новгороду и, далее, на «казанские места», очевидно, в поддержку большого войска, ушедшего ранее из Москвы к Нижнему. В декабре 1553 г. он числится вторым воеводой передового полка в походе к Казани, а оттуда «...на луговую сторону и на Арские места... которые государю не прямят». А потом -- Судьбищи⁸⁷. Для столь важного похода И.В. Шеремету Большому дали, прямо скажем, не самого бывалого помощника... А позднее, кстати, Салтыкова полковым воеводой не назначали ни разу, что косвенно свидетельствует о низкой оценке его полководческих способностей. В 60-х годах на долю Льва Андреевича выпали две скромные воеводские службы. Его отправляли «в прибавку» воеводам, сидящим в Полоцке в 7073 (1564/1565 гг.), а затем смоленским воеводам в 7075 (1566/1567 гг.). Это выглядит как ссылка, лишенная всяких признаков почета. И вряд

⁸² ПСРЛ. Т. XIII. Никоновская летопись. С.256--257.

⁸³ Курбский А. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С.275—279.

⁸⁴ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.138, 145, 161, 180, 188, 212. Запись лета 1556 г. о походе царя к Серпухову имеет несколько необычный формуляр, и потому непонятно: то ли Салтыков был там 3-м из дворовых воевод, то ли, что скорее, остался все в том же положении «окольничего и оружничего», сопровождающего царя. Второе более верно, т.к. он выделен особой строкой не в числе дворовых воевод, а отдельно.

⁸⁵ Веселовский С.Б. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С.441.

⁸⁶ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.234—235; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С.66.

⁸⁷ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.132, 165, 172.

ли за полоцкую службу «на подхвате» его могла постигнуть опала. Скорее, сама отправка на такую должность может интерпретироваться как результат опалы. Вот, собственно и всё. Как военный деятель Л.А.Салтыков выглядит человеком не первого и даже не второго ряда.

Отпрыском того же рода, только другой ветви является Григорий Васильевич Морозов. Окольничим он стал, видимо, в 1547 г. (точнее, не позднее декабря 1547 г.), а боярином — уже в 1548-м. А.А. Зимин считает, что смерть Григория Васильевича следует отнести примерно к 1552 г., а С.Б.Веселовский называет 1556 г.⁸⁸ Начинал Г.В.Морозов с низких чинов: в 1538 и 1539 гг. он служит в головах во время походов русской армии на юг, «от берега».⁸⁹ В зимнем походе 1547—1548 гг. «для казанского дела» он среди сопровождающих царя с чином окольничего.⁹⁰ И лишь в краткий период между 1548 и 1551 годами происходит высокая военная карьера Григория Васильевича, связанная, как видно, с получением боярского чина: он идет вторым воеводой в большом полку к Коломне «по казанским вестям»; затем возглавляет (!) передовой полк осенью 1549 г. на Коломне «от крымские Украины»; переходит на службу в Нижний Новгород и там становится первым (!) воеводой «за городом»; наконец, командует полком левой руки в судовой рати 1551 г., отправленной к Казани прикрывать строительство Свияжска⁹¹. Г.В. Морозов никогда не назначался старшим военачальником в полевой армии. Но как знать, если бы жизнь его продлилась подольше, стал бы он воеводой из обоймы постоянно действующих, т.е. военной элиты, или разделил судьбу большинства представителей старомосковской нетитулованной знати, не ставших на армейской службе птицами высокого полета...

Василий Михайлович Юрьев⁹² принадлежал роду Захарьиных-Юрьевых, столь широко известному и до такой степени изученному отечественными исследователями, что в особом представлении он не нуждается. Со времен свадьбы Ивана IV и Анастасии Захарьиной-Юрьевой в 1547 г. это семейство оказалось ближайшим к трону и встало исключительно высоко в аристократической пирамиде Московского государства, а сам Василий Михайлович оказался государевым шурином. К тому же, В.М.Юрьев был женат на сестре князя И.Д.Бельского Анастасии, а дочь его вышла замуж за князя М.Т.Черкасского (брата второй жены Ивана IV). Какие возможности для карьеры! В 1549 г. — окольничий, а несколько месяцев спустя — уже боярин⁹³. Но на военном поприще Василий Михайлович был малозаметной фигурой. Как тверской дворецкий, он сопровождает Ивана IV летом 1547 г. под Коломну, а зимой — к уже упомянутой Роботке; оттуда он отправляется в качестве сопровождающего Щигалея под Казань, не имея никакого командного поста; летом 1553 г. он -- в числе бояр в царской свите во время похода к Коломне.⁹⁴ В 7066 (1557/1558) г. Василия Михайловича ставят на годованье в Казани, но должность его там неясна и, похоже, она не из числа воеводских. Возможно, он был там гражданским администратором⁹⁵. В 1559 г., когда большая рать во главе с царем уходит на юг, против крымцев, В.М. Юрьев остается в Москве, в составе комиссии бояр, оставленных при брате Ивана IV, Юрии, неспособном к делам

⁸⁸ Зимин А.А. Состав... С.60—61; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 131.

⁸⁹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.104, 106.

⁹⁰ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.126, 128.

⁹¹ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 131, 140, 141, 149.

⁹² Как уже говорилось, по всей вероятности, один из приближенных Ивана IV, стоявших у истоков опричнины. Это сообщение Пискаревского летописца, правда, пытался оспаривать Р.Г.Скрынников, но не привел достаточных оснований: см. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С.225.

⁹³ Зимин А.А. Состав... С.61, 63.

⁹⁴ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 123, 126, 127, 161.

⁹⁵ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 200.

правления⁹⁶. В такой же боярской комиссии остался «ведать Москву» В.М.Юрьев и во время царского похода 1562 г. на Литву⁹⁷. Что же остается на его долю из воеводских поручений? Да почти ничего: Василий Михайлович был первый воеводой «у наряда» в зимнем походе на Казань 1548—1549 гг., да вторым воеводой передового полка летом 1551 г. в Рязани по берегу⁹⁸. С середины 50-х гг. В.М.Юрьев, судя по данным разрядов, воинских постов не получает. Но дожил он, как минимум, до середины 60-х (видимо, до 1567 г.). Куда же обращены были его честолюбивые помыслы? В основном к мирной административной карьере. Как уже говорилось, он возглавлял Тверской дворец, в начале опричнины наместничал во Ржеве. Сохранились многочисленные известия о его обширной дипломатической работе.⁹⁹ К командованию крупными соединениями он то ли не был допущен, то ли, скорее, имея на то полное право, сам не пожелал прикоснуться.

Часто ли назначали представителей нетитулованной знати, получивших думные чины, командовать полевыми армиями? Нет, это происходило почти что в виде исключения. А уж крупную рать, пятиполкового состава, за всё время правления Ивана IV доверили видному представителю старомосковского боярства только один раз — в январе 1584 г. Ф.В.Шереметеву¹⁰⁰. Как часто бывал нетитулованный аристократ во главе армии или крепостного гарнизона, когда были совершены крупнейшие победы грозненской эпохи? Разгромом татар на Оке в 1541 г. руководили князья Д.Ф.Бельский, И.И. Турунтай Пронский. В 1552 г. армиями, шедшими на Казань, штурмовавшими ее и громившими неприятеля в окрестностях города, командовали князья И.Ф.Мстиславский и А.Б.Горбатый. Главным военачальником в рати, бравшей в 1554 г. Астрахань был князь Ю.И.Пронский. В 1556 г. войске, отправленном против шведов на Карельский перешеек, командовал князь П.М.Щенятев. Отличились в битве под Выборгом Семен Васильевич и Иван Меньшой Васильевич Шереметевы, но по данным разрядов они были в этой армии второстепенными военачальниками (первый воевода передового полка и второй воевода полка правой руки соответственно), и только личная инициатива и отвага дали им возможность выдвинуться во время боевых действий. К Юрьеву Ливонскому, павшему в 1558 г., ходили с армией князья П.И.Шуйский и В.С.Серебряный. Операцией, в результате которой был взят Феллин (Вильян) руководили князья И.Ф.Мстиславский и В.И.Барбашин (1560 г.). Старшим воеводой под Полоцком в 1563 г. числился князь И.Д.Бельский¹⁰¹. Девлет-Гирея у Молодей разбили в 1572 г. князья М.И.Воротынский да Д.И.Хворостинин. В победоносном походе зимой 1572—1573 гг., в результате которого московская армия захватила Пайду, старшими воеводами были расписаны нагайский мурза князь П.Т.Шейдяков, да князь В.Ю.Голицын. В 1577 г. большое московское войско и отряды государя Ливонского Магнуса завоевали 26 городов и замков в Прибалтике¹⁰². Помимо основных сил там действовало еще два отдельных корпуса. Так вот, первым воеводой большого полка основных сил был князь И.П.Шуйский, а корпусами командовали князья Тимофей Романович и Андрей Васильевич Трубецкие. Псков от Стефана Батория в 1581—1582 гг. обороняли князья В.Ф.Скопин-Шуйский и знаменитый И.П.Шуйский.

⁹⁶ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 213.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. XIII. Никоновская летопись. С. 341.

⁹⁸ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 136, 151.

⁹⁹ Граля И. Иван Михайлов Висковатый. — М., 1994. С. 116, 119, 153, 193, 240, 285, 293, 299.

¹⁰⁰ В январе 1575 г. в Ливонию отправилась пятиполковая рать, где в большом полку номинально числился старшим военачальником нагайский мурза «Афанасий Шейдякович», а реально командовал русский воевода Н.Р.Юрьев.

¹⁰¹ Правда, первым «дворовым воеводой» был расписан И.П.Захарьин-Яковлев (Яковля).

¹⁰² По другим данным — 24 или 25.

На долю нетитулованной аристократии досталось только два по-настоящему крупных успеха, где ее представители сыграли роль главных военачальников. Во-первых, взятие Нарвы в 1558 г. А.Д.Басманов прибыл в Ивангород с небольшим отрядом. Воспользовавшись пожаром в Нарве, он стремительным приступом взял ее мощные укрепления¹⁰³. Во-вторых, разгром литовской 9-тысячной рати под Смоленском в 1580 г. воеводой И.М.Бутурлиным.¹⁰⁴

Таким образом, можно сделать вывод: старомосковским и провинциальным боярским родам редко доверяли крупные соединения. У них было относительно немного шансов проявить полководческое дарование.

Когда кто-то из нетитулованной знати все-таки становился во главе армии, это могло привести к большим неприятностям. Об угрозе местнической аварии все знали и старались не доводить до этого. Ведь если в Москве или в гарнизоне одной из крепостей местническая ссора хоть и могла нанести урон, но не стала бы губительной, то в условиях постоянно меняющейся обстановки во время похода полевой армии вспышка вражды между воеводами была способна привести к катастрофе. И такие «местнические катастрофы» вооруженные силы России в XVI столетии знавали. Примеров подобного рода неприятностей летописи и разряды знают немало, они хорошо известны исследователям. Но все-таки стоит привести один из них, связанный с переломным событием в ходе Ливонской войны. Тяжелое поражение русских войск под Кесью (Венденем) в 1578 г. произошло в значительной степени из-за промедления с выходом в поход. А это промедление вызвано было грандиозным местническим скандалом. Частью конфликта стало челобитье князей В.А.Сицкого и П.И.Татеева, что им «невместно» быть ниже по назначению, нежели первый воевода передового полка Ф.В.Шереметев. Разгром московской армии открыл целую серию неудач на Ливонском фронте, завершившуюся только в 1582 г. Война к тому времени была безнадежно проиграна.

Поэтому в тех редких случаях, когда «командармами» становились представители нетитулованной знати, воеводами в полках назначались опять-таки нетитулованные аристократы или же лица княжеского происхождения, но второстепенных родов.

В 50-х — начале 60-х гг. два представителя старинного московского боярства возглавляли полевые армии в крупных походах. Это Иван Хирон Петрович Захарьин-Яковлев (Яковля), а также Иван Большой Васильевич Шереметев. Так вот, офицерский корпус тех соединений, которые они возглавляли, почти лишен лиц княжеского происхождения. В осеннем походе 1554 г. из Галича на «казанские места» воеводой сторожевого полка у И.П.Яковлева стоит князь В.И.Токмаков-Ноздроватый, а в передовом полку — И.В. (Меньшой) Шереметев¹⁰⁵. У Шереметева (Большого) в знаменитом походе против крымцев 1555 г. из шести подчиненных воевод только один — князь, да и тот удельный воевода Владимира Андреевича Старицкого (кн. В.Ю.Лыков)¹⁰⁶, а такая служба считалась рангом ниже государевой. Поход 1559 г. под Юрьев-Ливонский, когда во главе армии стоял И.П.Яковлев, воевод-князей не знает¹⁰⁷. В разрядах указан под 7070 (1561/1562) г. поход из Смоленска в «литовскую землю». Во главе русской рати вновь поставлен И.В. (Большой) Шереметев. У него под командой — 4 воеводы, и только один из них, малозаметный князь И.Д.Дашков, относится к титулованной знати¹⁰⁸.

¹⁰³ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С.200, 201; ПСРЛ. Т.ХІІІ. Никоновская летопись. С.295—296.

¹⁰⁴ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С.183.

¹⁰⁵ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 169.

¹⁰⁶ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 172.

¹⁰⁷ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 214.

¹⁰⁸ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 231—232.

В опричную эпоху этот порядок сохраняется, хотя и несколько ужесточается в отношении военной службы титулованной аристократии. Под началом опричного воеводы И.Д.Плещеева-Колодки оказывались князья М.Ф.Гвоздев-Приимков, И.П.Залуца Охлябинин и А.Морткин¹⁰⁹. Никто из них не принадлежал выдающимся, особо знатным княжеским родам. Гвоздевы-Приимковы были одной из младших ветвей Ростовских князей, служили в опричнине и сохранили родовые вотчины, но в служебном отношении высоко подняться не сумели. Охлябиныны и Морткины являлись отраслями сильно размножившегося семейства Ярославских князей; кн. А.Морткину, вероятно, мешало высоко подняться то обстоятельство, что родня его перебегала в Литву, и на военной службе его почти не видно. Охлябиныны давно утратили родовые вотчины и не вышли в думные чины; по родовитости они стояли несколько ниже Морткиных; кн. И.П. Залуца Охлябинин служил много, повысил свое положение, попав в опричнину, но до высоких воеводских постов дослужиться не смог... Что же касается земских военачальников, то для них никакого изменения не произошло. Михаил Яковлевич Морозов в 1569 г. идет под Изборск со смешанным земско-опричным корпусом. Из восьми воевод, попавших ему под команду, князей лишь двое — это невысоко стоящие в служебном и родовом отношении князья Н.Гундоров и Ю.И.Токмаков¹¹⁰. Под 7077 (1568/1569) г. в разрядах упоминается об отправке того же И.П.Яковлева во главе армии на крымское направление «за реку». Вторым воеводой в большом полку идет князь Ф.И.Татев, а воеводами передового и сторожевого полков, соответственно, Н.Р.Юрьев и И.В. (Меньшой) Шереметев¹¹¹. Федор Иванович Татев происходил от одной из младших ветвей князей Стародубских-Ряполовских. Что его отец, что он сам были вечными «рабочими лошадками» в вооруженных силах России XVI столетия, но никогда не поднимались высоко.

В 1584 г. Ф.В.Шереметев, как уже говорилось, ведет большую рать на луговую черемису. В его подчинении 9 воевод, но из них только трое относятся к числу титулованной аристократии¹¹². Это князья Д.И.Хворостинин (еще одна «рабочая лошадка» с трудной судьбой и триумфальным будущим, род его не отличался особой знатностью — чуть ниже Охлябининых), И.М.Барятинский (род -- из верхнего слоя провинциального дворянства¹¹³) и М.А.Щербатый (проиграл местническое дело 1586 г. худородному опричному выдвигенцу М.А.Безнину!)¹¹⁴.

Таким образом, при назначении нетитулованных аристократов на воеводские посты, особенно на посты старших военачальников в полевых армиях, московское правительство проявляло большую осторожность.

Но даже такая осторожность не спасала от столкновений. Так, в 1575 г., во время победоносного похода на Пернов, воеводой большого полка был Н.Р.Юрьев¹¹⁵, царский родственник, человек древнего рода, стоящий весьма высоко в аристократической иерархии. И то «не взял списков» и не признал его старшинства воевода полка правой руки князь А.В.Репнин! Случай показался Ивану IV не настолько однозначным, как

¹⁰⁹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 55, 58.

¹¹⁰ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 58. Гундоровы — одна из младших ветвей семейства князей Стародубских; Токмаковы-Ноздроватые — одна из младших ветвей семейства князей Звенигородских. Кн. Ю.И.Токмакова ожидает краткий, но блистательный взлет карьеры в поздней опричнине, он еще станет опричным дворецким, но в 1569 г. он заметной фигурой не является.

¹¹¹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 57.

¹¹² Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 201.

¹¹³ А.П.Павлов считает эту ветвь черниговских князей захудалой, хотя и несколько возвысившейся по службе в опричнине. — Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). — СПб., 1992. С.133.

¹¹⁴ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 218.

¹¹⁵ Номинально подчиненный царю Семиону Бекбулатовичу.

другой местнический спор, произошедший тогда же и разрешенный с помощью прямого приказа: списки взять. А.В.Репнину пришло иное повеление, намного мягче: «...государь писал ко князю Ондрею, велел ему бытии на той службе без мест; а как служба минетца, и государь тогда дела их послушает».¹¹⁶

Можно сделать следующие выводы: карьерный рост представителей нетитулованной знати в вооруженных силах был затруднен. Высшие посты в полевых армиях доставались им редко, в виде исключения. Главной причиной, по всей видимости, был недостаток знатности, что несло в себе потенциальную угрозу местнических конфликтов, которые могли привести к тяжелым последствиям во время боевых действий. Возможно, второй причиной была также большая склонность старомосковского боярства к административной службе; но об этом можно говорить пока лишь предположительно, - для подтверждения данного тезиса необходимо большое самостоятельное исследование, выходящее за рамки собственно-армейской тематики.

¹¹⁶ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С.116 — 117.

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В XVII-XVIII ВВ.

Общеизвестно, что феодальное землевладение было одним из основных, несущих институтов феодального общества. В значительной степени именно его развитие определяло эволюцию и социальный облик важнейших сословий русского общества, прежде всего дворянства и крестьянства.

Период от Смутного времени до последних десятилетий XVIII в., именуемый иначе эпохой позднего феодализма, был временем неочевидного, но быстрого и существенного изменения этого института. Некоторые, преимущественно юридические, аспекты этой эволюции весьма основательно изучены. Но в том, что касается количественных параметров, достижения пока более скромны. У нас имеется значительное количество работ, авторы которых исследуют состояние хозяйства и землевладения на определенных территориях в определенные периоды, используя в качестве источника кадастровые описания той эпохи — писцовые книги и Экономические примечания к Генеральному межеванию.² Для выявления происходивших во времени изменений пока сделано меньше — такие авторы, работавшие над сопоставлением разновременных описаний одной и той же территории, как В.М.Витов и Н.В.Пиотух, основное свое внимание сосредоточили на изучении эволюции сельского расселения, и вопросы землевладения в их трудах затрагиваются лишь вскользь³.

Исследованию вопроса о долговременных изменениях, происходивших в дворянском землевладении на протяжении XVII-XVIII вв, специально посвящена фундаментальная монография Я.Е.Водарского⁴. Однако землевладение дворянского сословия в ней рассматривается как нечто целое, автора интересует динамика его общих размеров в различных районах государства, и исследует он ее на основании писцовых и межевых итогов; вопросы о том, какие изменения происходили внутри самой этой сложной системы и какие факторы обусловили эти изменения, остаются за пределами работы.

В последние годы авторами настоящей статьи опубликован ряд работ, посвященных эволюции землевладения на протяжении XVII-XVIII вв. в различных уездах

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 07-01-00424а).

² См., напр.: *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. 2 изд. М., 1937; *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV-XVII вв.: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980; *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России в первой половине XVII столетия: Источник, компьютер, методы исследования. М., 1986; *Воробьев В.М., Дегтярев А.Я.* Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986; *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России в первой трети XVII в. М., 1990; *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I-II. 2 изд. СПб., 1901-1903; *Цветков М.А.* Изменение лесистости европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957; *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957; *Ковальченко И.Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959; *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965; *Горский А.А.* Экономические примечания к Генеральному межеванию как источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII в. (опыт количественного анализа) // История СССР. 1984. № 6.

³ *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI-XVII вв. М., 1962; *Пиотух Н.В.* Деревня, село, село: типология сельских поселений // Россия в средние века и новое время / Сб.ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л.В.Милова. М., 1999.

⁴ *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII- первой половине XIX в. (Размеры и размещение). М., 1988.

центра страны. Все они были построены на основе анализа материалов двух крупнейших поземельных кадастровых описаний позднефеодальной эпохи — книг валового письма 20 — 40-х годов XVII в. и Экономических примечаний к Генеральному межеванию второй половины XVIII в.⁵ Отправной точкой каждого исследования является создание репрезентативной коллекции примеров эволюции конкретных феодальных владений в XVII — XVIII вв. Анализ и последующая типологизация этих многочисленных примеров позволяют выявить факторы концентрации или дробления земельного фонда. Данный подход, во-первых, выдвигает на первый план в изучении феодальной земельной собственности в России типичное (среднее и мелкое) владение, которое, как ни странно, до сих пор не было предметом комплексного анализа; во-вторых, предполагает переход от описательно-статистической характеристики к выявлению факторов устойчивости или распада таких владений в длительной исторической перспективе. В настоящих тезисах предлагается первый опыт обобщения сделанных на материалах различных уездов исторического центра страны наблюдений.

Территориальные рамки исследования охватывают исторический центр Российского государства, где на протяжении всего изучаемого периода сосуществовали практически все виды феодальной земельной собственности (дворянская, церковно-монастырская, государственная, дворцовая). Неоднородность этой огромной территории (с точки зрения условий ведения хозяйства, уровня заселенности, соотношения видов земельной собственности, степени разорения в период Смуты и т.п.) заставляет взять для анализа несколько районов, представляющих различные ее части. Для анализа выбраны: в южной части — Алексинский уезд, в Подмоскowie — Дмитровский уезд, в пределах Владимирского ополья — Суздальский уезд, в Верхнем Поволжье — часть станов Романовского уезда, в северной части — часть станов Вологодского уезда. Такой подход позволит выявить общее и особенное в развитии различных районов и создать общую картину эволюции феодального землевладения в Нечерноземном центре страны.

Исследование картины развития по различным регионам позволило прийти к определенным общим наблюдениям.

Прежде всего, общий характер эволюции на всем пространстве исторического центра довольно сходен. К началу XVII в. на всех рассматриваемых территориях, кроме, может быть, Алексинского уезда, мы имеем сложившиеся хозяйственные комплексы с весьма четко определенными границами. Это важно подчеркнуть, так как писцовые книги фиксируют не все земли, а только наиболее важные с точки зрения хозяйственной деятельности крестьянина (пашню действующую и запущенную в перелог, сенокосы, небольшую часть лесов). Нередко этот факт интерпретируется таким образом, что в это время вотчинные комплексы разделяли значительные массивы земель, остававшихся, по сути, ничейными. Тот факт, что перераспределения традиционных хозяйственных ареалов между поселениями не происходило даже в такой критический момент, как послесмутное разорение, безусловно доказывает, что границы этих ареалов, не будучи юридически зафиксированы, были тем не менее прекрасно известны и крестьянам, и помещикам.

Исследуя судьбу таких комплексов, мы приходим к выводу, что доминирующей тенденцией в их развитии было дробление — рост численности дворян, с одной стороны, и крестьянского населения, с другой, стали причиной этого. На отстоящих друг от

⁵ Хитров Д.А. К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII-XVIII вв. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2004. N1; Хитров Д.А., Черненко Д.А. Совладение в структуре дворянской земельной собственности в Центре России в XVII-XVIII вв (в печати); Они же. Земельные кадастры XVII-XVIII вв. как источник для изучения процесса дробления дворянского землевладения (в печати).

друга более чем на полтора века материалах особенно видно, как малоуспешны были неоднократно предпринимавшиеся попытки правительства приостановить этот процесс. Напротив, постепенное установление дворянской монополии на земле- и душевладение сопровождалось, однако, и увеличением для собственника земли возможностей ею распоряжаться — так, постепенно в течение XVIII в. уходили в прошлое ограничения, связанные с правами, которые ранее предъявлял на вотчины род сегодняшнего их владельца (это, например, делало в первой половине XVII в. почти невозможным наследование родовых вотчин по женской линии).

В то же время наряду с этой, основной, в некоторых районах проявляется и стремление отдельных феодалов собирать в своих руках земли, принадлежавшие ранее вк разным комплексам. Она особенно ясно проявляется в таких уездах, как Дмитров и Романов. В первом случае речь идет, что богатый землевладелец, имеющий поместье в подмосковном уезде с прекрасными землями и развитым хозяйством, начинает расширять его, скупая небольшие осколки соседних, многократно разделенных между наследниками вотчинных комплексов. Во втором причина видится в ином: писцовая книга зафиксировала обширное и довольно дробное землевладение служилых татар — «романовских мурз», испомещенных здесь еще в XVI в. По каким-то причинам, пока неясным для нас, к XVIII в. эти земли вошли в состав нескольких довольно крупных комплексов, принадлежавших в основном потомкам наиболее видных представителей этой группы служилых людей. Таким образом, тенденция к консолидации земель не только существенно уступает тенденции к их дроблению по своему удельному весу, но и связана в каждом конкретном случае с разного рода факторами чисто местного характера.

Дробление земельного фонда также могла проходить в различных формах — либо посредством образования нескольких территориальных комплексов на месте одного, с их последующим размежеванием, либо с помощью установления совместного режима владения тем или иным поселением.

Дело в том, что при совершении любых операций с землей владелец вынужден был считаться с существованием общинной системы землепользования с ее принудительным севооборотом, разорвать круг которого с тем, чтобы размежевать земли, зачастую было практически невозможно. В этом случае оставалось одно — делить крестьянские двory, то есть, в сущности, получаемую с них ренту, откладывая раздел земель на неопределенный срок и передавая управление земельным фондом в руки общины.

Общим для всех уездов является то, что размежевание угодий внутри одного поселения встречается лишь как крайне редкое исключение. В тех случаях, когда наследникам приходилось делить одно поселение, оно с неизбежностью становилось совладельческим. Но если речь шла о более крупном комплексе, состоявшем из нескольких поселений, возможны были варианты: новые хозяева могли либо разделить комплекс на несколько и размежевать их, либо оставить его цельным и находящимся в совладении, либо найти какую-то промежуточную форму — например, центральное село остается совладельческим, а прилегающие к нему деревни делятся между хозяевами.

Общая и довольно очевидная закономерность, согласно которой крупные комплексы имеют больше шансов быть разделенными, проявляется во всех уездах — несколько более определенно в центральных Дмитровском и Суздальском, несколько менее — в более северных Вологодском и Романовском. Но в последних к концу XVIII в. и расселение было более дробным, так что здесь возникло и относительно меньше совладений.

Однако имеются и местные особенности. Так, среди землевладельцев Суздальского уезда стремление (и способность) размежевать свои владения в XVIII в. проявля-

ется намного сильнее, чем, скажем, в Дмитрове. Даже соседние поселения, находящиеся в руках одного человека, зачастую обмежеваны отдельно, в то время как в других уездах нередко встречаются сложнейшие по составу как поселений, так и владельцев дачи — итог фактической капитуляции межевщиков перед запутаннейшими земельными отношениями. Такое положение особенно характерно для Дмитрова и, отчасти, Романова, где процесс дробления приводит к образованию сложных владельческих комплексов, состоящих из множества небольших поселений и жеребьев в поселениях, находящихся в совладении с разными лицами.

Полное и обстоятельное объяснение всех указанных фактов пока остается делом будущего.

**БЫЛ ЛИ Г.Г. ОРЛОВ РЕАЛЬНЫМ КАНДИДАТОМ В МАЛОРОССИЙСКИЕ
ГЕТМАНЫ В 1764 Г.?**

*...чем тайнее велось дело,
чем менее оно имело явных
и ясных результатов, тем
более толковали о нем...*

С.М. Соловьев

С первых месяцев 1764 г. в Петербурге начали толковать о «немилости» императрицы Екатерины II к графу К.Г. Разумовскому, возможном смещении его с гетманского «уряда», времени и условиях отставки, а также Г.Г. Орлове как виновнике неприятностей, обрушившихся на гетмана. Императрица, обеспокоенная, по ее мнению, ложными слухами о фаворите, попыталась их пресечь. С целью доказать непричастность Орлова к событиям вокруг Разумовского она санкционировала в феврале 1764 г. утечку из дворца информации о «происхождении гетманского дела»¹. По официальной версии, причиной недовольства самодержицы гетманом были «непорядочные его поведения» на Левобережной Украине. Из дворца также распространялась информация о решении гетмана уйти в отставку, но умалчивалась реакция императрицы на это решение.

Принятые меры, однако, не помогли, и осенью появился слух, уже прямо называвший Орлова преемником Разумовского гетманском «уряде». Этот слух письменно зафиксировал саксонский посланник в Петербурге граф Сакен. В депеше от 21 сентября 1764 г. он сообщал в Дрезден: «Здесь передают по секрету, будто гр. Орлов будет сделан гетманом, на место гр. Разумовского, который оставляет этот важный пост, сохраняя содержание, равное доходам, которыми он пользовался в звании гетмана»². Далее, принимая во внимание государственные интересы России, дипломат одобрил предстоящее назначение. «Императрица, — заключил Сакен, — ставя во главе казаков человека, вполне преданного ее интересам и вполне послушного ее приказаниям, укрепляет за собою, на всякий случай, помощь народа могучего и воинственного»³. Замечание о государственной целесообразности кадровой перемены на Левобережной Украине показывает, что Сакен воспринял информацию, дошедшую до него «по секрету», как весьма достоверную.

Однако через полтора месяца, 10 ноября 1764 г., когда Екатерина II объявила о реформе высшего звена управления на Левобережной Украине, подтвердилась отставка К.Г. Разумовского по его прошению, но не подтвердилось назначение гетманом фаворита императрицы⁴.

Несмотря на то, что Г.Г. Орлов не стал преемником Разумовского, остается открытым вопрос о возможно реальной основе циркулировавшего слуха о его назначении гетманом, поскольку слухи, как известно, необязательно несут ложную информацию. Поставленный вопрос можно конкретизировать и переформулировать следующим образом — действительно ли у императрицы был план назначить Орлова малороссийским

¹ Письма Екатерины II к Адаму Васильевичу Олсуфьеву. 1762 — 1783. М., 1863. С. 54 — 55. Документ № LXIX [отд. отт. «Из "Русского архива" 1863 года»].

² Цит. по: Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. [Берлин, 1890]. Т. 2: Воцарение Екатерины. 1762 — 1764. С. 407.

³ Там же. С. 408.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (собрание первое). Т. 16. № 12277.

гетманом, но по каким-то причинам она отказалась от своего замысла. Наличие подобного плана могло означать, что Екатерина II была готова нарушить одну из статей договора 1654 г. между гетманом Богданом Хмельницким и царем Алексеем Михайловичем, а именно: «А буде судом Божиим смерть случитца гетману, и мы, великий государь, поволели Войску Запорожскому обирати гетмана по прежним их обычаем самим меж себя»⁵. Отказ от выполнения этой статьи привело бы к тому, что, во-первых, гетманом стал человек, который никакого отношения к Левобережной Украине и украинскому казачеству не имел; во-вторых, даже формальное избрание гетмана старшинами и казаками заменялось назначением его императрицей.

В исторической литературе вопрос о достоверности или ложности сообщения о назначении Г.Г. Орлова гетманом Левобережной Украины специально не обсуждался. Однако представляется, что каждый из тех немногих исследователей, кто в связи с отставкой К.Г. Разумовского реконструировал события 1764 г. и обращался к содержанию депеши Сакена, пытался ответить на поставленный вопрос⁶. Но размышления этих историков о степени достоверности слуха сильно размыты и не доведены до логического конца. Незавершенность поиска ответа на вопрос о вероятности назначения Орлова малороссийским гетманом, на наш взгляд, объясняется тем, что историки рассматривали предмет слуха исключительно через призму личных взаимоотношений Екатерины II, К.Г. Разумовского и Г.Г. Орлова, но подобный контекст явно ограничен и он не предоставляет надежных и убедительных связей разных по характеру событий. Тупиковую ситуацию, которая складывается в этом случае, демонстрирует английская исследовательница Исабель де Мадариага. Пересказывая содержание депеши Сакена от 21 сентября 1764 г., она пишет: «По слухам, ходившим среди иностранных дипломатов, Григорий Орлов требовал от Екатерины отставки Разумовского, чтобы самому возглавить казачество»⁷. В пересказе Мадариага подменила предмет слуха, на наш взгляд, собственным представлением о том, как могло бы возникнуть реальное событие, о котором циркулировали слухи. Конечно, можно предположить, учитывая взаимоотношения самодержицы и Орлова в эти годы, что «Григорий Орлов требовал от Екатерины отставки Разумовского, но это представление входит в противоречие с заявлением императрицы, которая опровергала какое-либо участие фаворита в «гетманском деле». Еще в феврале 1764 г. она писала статс-секретарю А.В. Олсуфьеву: «... а ныне в Петербурге иные говорят, будто то все происходит от гонения на гетмана графа Григорья Гр[игорьевича] Орлова, и вам (т.е. статс-секретарю А.В. Олсуфьеву. — *Т.К.*) лучше всего известно, сколь то ложно выдуманно»⁸. Как видим, разрешить возникающие противоречия через призму личных отношений невозможно.

Неудачный опыт наших предшественников подсказывает, что нужна иная фактологическая база, способная подтвердить или опровергнуть реальность сообщения Сакена, и она должна быть сформирована с учетом характера анализируемого события, бесспорно, принадлежащего к государственно-административной сфере, и на основе исторических источников, отражающих подготовку реформы управления на Левобережной Украине, о проведении которой в жизнь было объявлено 10 ноября 1764 г.

Как известно, для возникновения слухов требуется два абсолютно необходимых и взаимосвязанных фактора: первый — дефицит надежной информации о каком-либо событии, а второй — интерес определенной аудитории к этому событию в условиях не-

⁵ Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах. М., 1953. Т. 3: 1651 — 1654 годы. С. 568.

⁶ Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 1. С. 318; Бильбасов В.А. Указ. соч. С. 407 — 408; Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 130 — 131.

⁷ Исабель де Мадариага. Указ соч. 130. Здесь, в русском переводе ее монографии, депеша Сакена ошибочно датирована 1763 г.

⁸ Письма Екатерины II к Адаму Васильевичу Олсуфьеву. С. 54 — 55.

достатка информации или недоверия к существующей официальной информации⁹. Появление анализируемого нами слуха также обусловлено этими факторами. С одной стороны, реформа разрабатывалась секретно. С другой — интерес современников к взаимоотношениям К.Г. Разумовского и Г.Г. Орлова, особенно в первые годы правления Екатерины II, наличествовал — он нашел отражение в многочисленных анекдотах и слухах, в которых эти исторические личности изображались, как правило, в противостоянии друг другу. Историки даже пришли к выводу о взаимной неприязни Орлова и Разумовского, возникшей с первых дней воцарения Екатерины II¹⁰. Повышенный интерес придворных и иностранных дипломатов к отставке действовавшего гетмана и назначению гетманом Орлова был предопределен новой расстановкой сил при дворе в будущем, которая должна была последовать за кадровыми изменениями.

Фактологическая база, достаточная для выяснения вопроса о степени вероятности назначения Орлова гетманом Левобережной Украины, создана нами на основе материалов, которые отражают скрытую от современников деятельность императрицы по подготовке реформы высшего звена управления Левобережной Украиной. Это инструкции и именные указы самодержицы, ее краткие деловые записки исполняющему обязанности канцлера Н.И. Панину и А.В. Олсуфьеву, доклады Коллегии иностранных дел. Используемый комплекс делопроизводственных источников позволяет установить, во-первых, когда был принят курс на лишение К.Г. Разумовского гетманского звания и ликвидацию гетманского правления; во-вторых, какие предлагались проекты управления Левобережной Украиной после уничтожения гетманства; в-третьих, как в соответствии с изменениями в управлении Левобережной Украиной решался кадровый вопрос.

О необходимости, с одной стороны, отставки К.Г. Разумовского, а с другой — упразднения института гетманства, было заявлено одновременно. Эти конкретные задачи ставились в контексте нового содержания национальной политики в Лифляндии, Финляндии, Смоленской губернии, а также Малой России: «Сии провинции... надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть, как волки к лесу»¹¹ О русификации на западных территориях как новой политической программе Екатерина II указала в инструкции генерал-прокурору Сената А.А. Вяземскому. Документ был подготовлен императрицей, скорее всего, в конце января 1764 г. и определен ею «секретнейшим». По мнению автора инструкции, для успешного начала новой политики «приступ весьма легкий, если разумные люди избраны будут начальниками в тех провинциях»¹². Однако, чтобы ее проводить на Левобережной Украине, следовало прежде всего уничтожить институт гетманства, поэтому в инструкции перспектива существования гетманского «уряда» была сведена к нулю: «Когда же в Малой России гетмана не будет, то должно стараться, чтоб век и имя гетманов исчезло, не токмо б персона, какая была произведена в оное достоинство»¹³.

Таким образом, курс на ликвидацию гетманского правления был взят Екатериной II в начале 1764 г., и с этого времени до начала ноября того же года она продвигалась к намеченной цели. На этом пути первым важным успехом императрицы стало получение от гетмана письменного прошения об его отставке. Прощение было подано, согласно нашей реконструкции, в феврале 1764 г. и тогда же удовлетворено, хотя официальное объявление об отставке К.Г. Разумовского последовало только 10 ноября 1764 г.

⁹ Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: Толпа, слухи, политические и рекламные кампании. М., 2005. С. 88 — 89.

¹⁰ См., например: Васильчиков А.А. Указ. соч. С. 304, 309, 310, 318.

¹¹ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 7. С. 348.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Весной 1764 г. в Коллегии иностранных дел в глубокой тайне разрабатывался проект о «правительстве тамошней земли (т.е. Левобережной Украины. — *Т.К.*), по меньшей мере, на первой случай». Положения проекта изложены в докладе Екатерине II, датированном 3 мая 1764 г. и подписанном Н.И. Паниным, А.М. Голицыным, А.В. Олсуфьевым, А.С. Строгановым и И. Пуговишниковым¹⁴. Авторы доклада прежде всего высказали мнение о том, что «нынешним случаем собственного о сложении сего чина прошения гетманского всемерно воспользоваться надлежит для того, что по многим и важным политическим уважениям гетманское в Малой России правление в рассуждении существа своего и искусстве прошедших времен с интересом государственным весьма не сходно»¹⁵. Вместо гетманского правления они предложили учредить Малороссийскую коллегия, в состав которой необходимо «определить четырех великороссийских членов из генералитетских и штаб-офицерских чинов людей добрых, порядок дел канцелярских, а буде возможно, и тамошние права и обряды несколько знающих», и четырех человек из украинской генеральной старшины. Имена последних были названы в докладе. Это обозный генеральный Кочубей, писарь генеральный Туманский, асаул генеральный Журавка, хорунжий генеральный Апостол. Руководить деятельностью коллегии предлагалось поручить «одной из здешних (т.е. русских. — *Т.К.*) знатных поверенной особе».

Императрица в основном согласилась с концепцией проекта и именным указом от 27 мая 1764 г. распорядилась сделать очередной шаг — «в полагаемую Малороссийскую коллегия в главные командиры Иностранной коллегии выбрать кандидатов и нам представить»¹⁶. Исполняя данный указ, упомянутые выше государственные деятели подготовили доклад от 25 августа 1764 г. со списком кандидатов на место президента Малороссийской коллегии. Список состоял из 12 человек. Как заявляли составители списка, при отборе кандидатов они руководствовались двумя критериями: во-первых, «чтоб представляемых лета не превосходили их способности»; во-вторых, не включали в список «главных из таких мест, которые по их существу не меньше важны, как то место, в которое ныне представляются»¹⁷, иначе говоря, для лица, назначаемого президентом Малороссийской коллегии, эта должность должна стать служебным повышением.

Для Г.Г. Орлова место президента Малороссийской коллегии не могло быть продвижением по службе, так как с 22 июня 1763 г. он возглавлял Канцелярию опекунов иностранных, имевшую «власть и преимущество... равное против прочих... государственных коллегиев»¹⁸. И поэтому естественно то, что его имя не было внесено в список Коллегии иностранных дел. Имя Г.Г. Орлова отсутствует и в других документах, связанных с подготовкой реформы.

Итак, источники делопроизводственного характера показывают, что в течение 1764 г. императрица Екатерина II решительно, без колебаний претворяла в жизнь свой замысел ликвидировать институт гетманства на Левобережной Украине. В этих условиях ни у Г.Г. Орлова, ни у кого другого¹⁹ не было шансов стать малороссийским гет-

¹⁴ РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 60 — 63 об. (подлинник); Ед. хр. 68. Л. 15 — 22 об. (черновик). Краткий пересказ доклада см.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 13. Т. 26. С. 344.

¹⁵ РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 60 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 27.

¹⁷ Там же. Л. 28 об.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи (собрание первое). Т. 16. № 11881.

¹⁹ Существует легенда о том, что перед тем, как назначить 10 ноября 1764 г. президентом Малороссийской коллегии и малороссийским генерал-губернатором П.А. Румянцева, Екатерина II предложила ему занять гетманский «уряд», но он якобы от него отказался (см.: Х[аненко] И. Фельдмаршал граф Румянцев // Русский архив. 1879. № 10. С. 169 — 172). Судя по содержанию легенды, она возникла после смерти

маном, и, следовательно, слух о фаворите Екатерины II как преемнике гетмана Разумовского был беспочвенным. Распространители недостоверной информации о будущих кадровых изменениях мыслили стандартно и ориентировались на существовавшую в тот момент модель управления Левобережной Украиной, не предполагая, что императрица сделает шаг, который до нее русские цари, императоры и императрицы не совершали, — отправит в отставку действующего гетмана Левобережной Украины как обыкновенного российского чиновника, более того, одновременно навсегда упразднит институт гетманства, олицетворявший автономию этого региона в составе Российской империи.

Румянцева-Задунайского, последовавшей в 1796 г. В конце XVIII в., так же как и в следующем столетии, когда скорее всего родилась легенда, сохранялся дефицит информации о событиях, связанных с отставкой гетмана К.Г. Разумовского, а исторические источники, способные раскрыть ход реформы 1764 г., не были введены в научный оборот.

**И.Ю.Пшеничникова (МГУ)
ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Г.В.СВИРИДОВА**

Родина не просто место на земле, где я ..произошел на свет от отца и матери, или где я «привык жить»; но то духовное место, где я родился духом и откуда я исхожу в моем жизненном творчестве. И если я считаю моей родиной — Россию, то это означает, что я по-русски люблю, созерцаю и думаю, по-русски пою и говорю; что я верю в духовные силы русского народа и принимаю его историческую судьбу своим инстинктом и своею волею. Его дух — мой дух; его судьба — моя судьба; его страдания — мое горе; его расцвет — моя радость.

И.А.Ильин «Манифест Русского Движения»

Георгий Васильевич Свиридов — русский гений, который по-настоящему еще не оценен. Его творчество будет иметь огромное значение в грядущем возрождении русской культуры.

Д. С. Лихачев.

Интерес к отечественной истории — коренная особенность русской мысли и всей русской культуры. Но это не столько научное исследование тех или иных событий прошлого или их художественное изображение, сколько в первую очередь раздумья. Тема России и ее истории стала вечной темой, связывающей самые разные эпохи. Она отражается на полотнах художников, в литературных и музыкальных произведениях, ей живет всякий русский по духу мыслитель. Поэтому исторические взгляды деятелей русской культуры — писателей, поэтов, философов — как неотъемлемая часть русской исторической мысли, издавна привлекают внимание историков самых разных школ.

Еще А.С.Хомяков писал: «ученость может обмануть, остроумие склоняет к парадоксам: чувство художника есть внутреннее чутье истины человеческой, которое ни обмануть, ни обмануться не может»¹. Из историков одним из первых обратил на это внимание уже В.О.Ключевский. 6 июня 1880 года, в день открытия памятника А.С.Пушкину, он высказал, что «Пушкин был историком там, где не думал быть им и где часто не удастся стать им настоящему историку»². Позже, в речи памяти А.С.Пушкина он отмечает этот свойственный ему дар: «неуловимы источники и способы поэтического понимания, умеющего и вокруг себя подметить незаметное для простого глаза»³. Говоря о Пушкине, он подчеркивает, что его «необъятное протяжение поэтического голоса... расширялось необычайной восприимчивостью и гибкостью поэтического понимания, умением проникать в самые разнообразные людские положения, вживаться в чужую душу, всевозможные мирозерцания и настроения, в дух самых отдаленных друг от друга веков и самых несродных один другому народов»⁴. Но при этом «во всем складе его мирозерцания впервые обозначился духовный облик русского человека»⁵. Ключевский отмечает, что «Пушкин сам ...видел народность писателя не в особенностях языка, не в выборе предметов из отечественной истории, а в особом образе мыслей и чувствований, принадлежащей исключительно какому-либо

¹ Хомяков А.С. Записки о всемирной истории. Ч. I./ПСС. М., 1900. Т. V. С. 31.

² Ключевский В.О. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г. в день открытия памятника Пушкину//Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С. 394.

³ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1959. Т. VIII. Исследования, рецензии, речи (1890-1905). С. 310.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 312.

народу»⁶. Как сказал историк в другом месте, «физиономия русского народа с его образом мыслей и чувствований и отразилась образно и внятно в поэзии Пушкина»⁷.

В советское время на эту тему много писал Л.В.Черепнин⁸. «Было время, — говорит он, — когда предметом историографии считались лишь труды так называемых академических историков, т. е. специалистов-профессионалов, профессоров университетов, работников академических и других научных учреждений. Но этот этап уже пройден нашей отечественной историографией»⁹. В своей работе Черепнин анализирует историческое мировоззрение Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского и других русских писателей и поэтов, демонстрируя всю важность этого направления: «какую бы общественную функцию ни выполнял человек, он является (сознательно или бессознательно) творцом истории, ибо участвует своим трудом, действиями, разумом в движении общества... Поэтому и интерес к истории, стремление разобраться в ее ходе, направлении, в тех факторах, которые воздействуют на общественное развитие, в значении тех или иных исторических явлений и т. д. характерны не только для специалистов-профессионалов. Все эти вопросы привлекают к себе внимание широкого круга людей самых различных профессий. И это естественно»¹⁰. Он напоминает, что «когда-то история, публицистика и литература были вообще нерасчленимы»¹¹. Таким образом, изучение мировоззрения знаковых общественных деятелей, и в частности их взглядов «на историю как в их теоретическом, философском аспекте, так и в плане отношения... к наиболее важным конкретным историческим проблемам»¹², видится Черепнину «новым путем в понимании исторического развития»¹³.

Разрабатывается эта тема и в трудах Русской эмиграции, в частности, у Г.В.Вернадского¹⁴.

И поскольку с течением истории народа приходят новые национальные гении, эта тема по сути своей неисчерпаема. Предложим и мы свой маленький шаг в ее развитии, обратившись к чрезвычайно глубокому, но еще далеко не оцененному мыслителю второй половины XX века.

Мы привыкли, что человек, оставляющий след в общественной мысли своего времени, «властитель умов», имеющий право «войти в историографию», должен быть если не историком, то непременно журналистом или писателем, поэтом или философом. Валерий Ганичев сказал по этому поводу: «У нас как-то принято разложить мудрецов, мыслителей по сусекам — отдельно философы, отдельно писатели, отдельно ученые, отдельно композиторы. Но Великое предопределение свыше в целом охватывать состояние трепетной души, всей земли, рода человеческого дано только гениям»¹⁵. И русский композитор Георгий Васильевич Свиридов (1915-1998) своей жизнью доказал, что гений мыслит гораздо шире своего «профессионального» круга, музыкант тоже может быть мыслителем невероятной глубины и тонкости.

⁶ Ключевский В.О. Сочинения. Т. VIII. Исследования, рецензии, речи (1890-1905). С. 312.

⁷ Там же.

⁸ Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.

⁹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 3.

¹⁰ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 3.

¹¹ Там же. С. 4.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же. С. 3.

¹⁴ *Вернадский Г. В.* Пушкин как историк//«Образ совершенства»: Зарубежная Россия и Пушкин. Из наследия первой эмиграции. М., 1999. С. 21. Цит. по: Грюнберг П.Н. Пушкин и познание истории//X Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. М., 2000. С. 168.

¹⁵ Ганичев В. Н. Гений остается с нами. »//Георгий Свиридов в воспоминаниях современников. М., 2006. С. 617.

То, что Георгия Васильевича можно с полным правом назвать гением русской музыки, «русским гением»¹⁶, сомнений не вызывает. Любое его произведение, будь то широко известный вальс из фильма «Метель», сюита «Время, вперед!», уже долгие годы ежедневно открывающая программу «Время», романсы и песни на слова Пушкина, Есенина, Блока и многих других русских поэтов и, конечно же, духовные песнопения — всё! — написано о России и для нее. Вслед за Есениным Свиридов мог бы сказать: "Чувство Родины — основное в моем творчестве"¹⁷. Так выразить любовь к Родине в музыке мог только человек, предельно тонко чувствующий свою землю, обладающий особым к ней «слухом». Обладая столь обостренным чувством на малейшее отклонение звука, Свиридов не мог не чувствовать также глубоко и происходящее вокруг, не проникать в связи настоящего с прошедшим. Один исследователь творчества композитора сказал: «слух Свиридова — это не только тончайшее чисто акустическое слышание, а глубоко осмысленное многообразное и многосложное ..устройство природы.. Свиридов слышит Эпоху, слышит разные времена далекого прошлого. Его зоркий слух ощущает Время настоящего и будущего. Свиридов слышит множество нюансов движения души человеческой. Он слышит Россию в ее громадной необъятности значений, он слышит людей очень разной национальной типизации. Свиридов слышит шаги истории..»¹⁸.

Если такую способность отмечали даже не связанные напрямую с историей музыканты, она была настолько сильной, что должна была искать выражения не только в музыке. Многие люди из близкого окружения еще при жизни композитора догадывались, что Свиридов ведет личные записи. Многие их темы, как потом выяснилось, по его воле проходили «апробацию» на единомышленниках¹⁹, но при жизни композитора никто, кроме супруги и близких его записок не видел. Однако все без исключения друзья и знакомые в своих воспоминаниях о Свиридове сетуют, что в свое время не составляли себе тезисов его мыслей после личных бесед, оставлявших всегда неизгладимое впечатление²⁰. Так бы и ушел от нас непонятый и неоцененный должным образом великий русский мыслитель, если бы Георгий Васильевич сам периодически не фиксировал свои размышления для сугубо «внутреннего» пользования.

После смерти Георгия Васильевича в его архиве обнаружилось несколько десятков толстых тетрадей, частично или полностью испещренных такими записями. В 2002 году в издательстве «Молодая гвардия» выходит отдельный том текстов этих так называемых «толстых тетрадей» из архива композитора, озаглавленный словами самого Свиридова — «Музыка как судьба». Выход этой книги, названной «эпохальным документом»²¹, даже при не очень значительном тираже имел огромный общественный резонанс. Сейчас она уже является библиографической редкостью. Первыми, безусловно, отреагировали те, кто больше всего ее выхода ждал — те, кто знали живого Свиридова: «Только настоящий титан русской земли и русской культуры мог мыслить так глобально, страдать так глубоко и мыслить так гениально»²² (музыковед Ирина Дробышев-

¹⁶ Золотцев С. Духовный подвиг исполина//Подъем, 2005, № 11. С. 191.

¹⁷ Золотцев С. Духовный подвиг исполина//Подъем, 2005, № 11. С. 191.

¹⁸ Леман А. Творчество Свиридова как направление//Музыкальный мир Георгия Свиридова. М., 1990. С. 7.

¹⁹ См. Барыкина Л.А. «Миру нужно песенное слово»//Георгий Свиридов в воспоминаниях современников. С. 369.

²⁰ См. напр. Белоненко А.С. Из чего рождается гармония//Г.В.Свиридов. Музыка как судьба. М., 2002. С. 21.

²¹ Рудица Р. Георгий Свиридов. Музыка как судьба//Критическая масса, 2003, № 1 (эл. версия <http://magazines.russ.ru/km/2003/1/rudic.html>).

²² Дробышевская И.И. «Слышать биение народного сердца»//Георгий Свиридов в воспоминаниях современников. С. 401.

ская); «колоссальный духовный слепок эпохи, голос гения»²³ (Дмитрий Хворостовский); «Более русской книги я давно не читал»²⁴ (Валентин Непомнящий). «..Когда меня просят назвать самое вершинное произведение отечественной литературы, созданное в конце XX — начале XXI века, если меня спрашивают, какая из недавно вышедших книг принесла мне наибольшее потрясение и своей художественной силой, и трагедийностью осмысления прошлого и настоящего, и психологической достоверностью, — я сегодня отвечаю сразу и без колебаний: книга «Музыка как судьба» Георгия Васильевича Свиридова»²⁵ — записал член Союза Писателей России Станислав Золотцев. Он же сказал: «Мне трудно назвать какую-либо другую книгу из вышедших у нас в последние годы, которая в такой же мере стала бы своего рода художественно-философским «общим знаменателем» для только что ушедшего века, как том свиридовских дневников»²⁶.

Значимость дневников композитора, по нашему мнению, огромна. Они представляют собой бесценное окно во внутренний мир их автора, возможность узнать, что он думал о своем творчестве, о месте в мире, обо всем том, что его окружало, но, самое главное, — о России, ее прошлом, настоящем и будущем. Особенно ценны оценки и наблюдения Свиридова потому, что он излагал их на бумаге отнюдь не для публикации. Это были искренние мысли вслух. А потому — предельно правдивые. И именно поэтому они являются для нас важнейшим историческим источником.

Его записи, чаще всего бессистемные и порой обрывочные, тем не менее, представляют удивительно стройную картину. Каждая строчка — это проекция цельного мировоззрения человека, прочно стоящего на земле, человека с непоколебимыми идеалами и принципами, человека бескомпромиссной нравственности. Нельзя сказать, что его взгляд на мир был статичным и негибким. Записи отразили эволюцию его взглядов: на протяжении охваченного ими периода он пересматривал оценки событий, отношение к различным людям. Но в главном он оставался непоколебим: критерии добра и зла были для него абсолютны, ему никогда не изменяло обостренное чувство правды, он презирал всякого рода фальшь и ложь. Выявляя истинное и мнимое на музыкальных примерах, Свиридов переходит к рассуждениям о литературе, живописи, искусстве и культуре в целом, поднимается до исторических событий и судеб людей. Не счесть тем, затронутых в его записях, но стержневое значение, по нашему убеждению, имеют его взгляды на Россию и русскую историю, что говорит о нем как о подлинном продолжателе традиции русской мысли.

Задачу своего творчества Г.В.Свиридов всегда видел в том, чтобы «слышать биеение народного сердца»²⁷. Он всегда чувствовал себя единым с русским народом. Тема родной страны, родного народа — ключевая и в дневнике Свиридова. С ней неразрывно связана по сути любая из «разных записей». Слова Свиридова о русской литературе или музыке в равной степени относятся и к России и к русским людям. Может ли культура быть отделена от народа и наоборот? Нет. И в этом понимании взгляд Свиридова на судьбу русского искусства и русской культуры можно и нужно рассматривать как его взгляд на судьбу русского народа. Вместе с тем, в своих записях Свиридов очень часто прямо говорит о судьбе страны и русских людей, дает оценку различным политическим и социальным явлениям, имеющим прямое отношение и к повседневной жизни простых людей и к пути, по которому пойдет Россия в будущем. С первых страниц

²³ Хворостовский Д.А. «Публика плакала...»//Георгий Свиридов в воспоминаниях современников. С. 459.

²⁴ Непомнящий В.С. Свиридов. Из личного опыта// Георгий Свиридов в воспоминаниях современников. С. 385.

²⁵ Золотцев С. Духовный подвиг исполина//Подъем, 2005, № 11. С. 191

²⁶ Там же. С. 201.

²⁷ Там же. С. 293.

можно заметить, насколько их автор жил и мыслью о России. Именно думы о родной стране побуждали его откликаться на мировые и отечественные события, осмысливать историю и современность. Она является исходной точкой всех его размышлений о мировой истории. Эта доминанта внутреннего мира композитора предельно ярко проявилась в его личных записях, где он мог не таясь высказывать свои суждения.

«Россия — грандиозная страна, в истории и в современной жизни которой причудливо сплетаются самые разнообразные идеи, веяния и влияния. Путь ее необычайно сложен, не во всем еще и разгадан, она всегда в движении, и мы можем лишь гадать, как сложится ее судьба. Ее история необыкновенно поучительна, она полна великих свершений, великих противоречий, могучих взлетов и исполнена глубокого драматизма. Мазать ее однообразной, густой черной краской напополам с эксcrementами, изображая многослойную толщу ее народа скопищем дремучих хамов, жуликов и идиотов, коверкать сознательно, опошлять ее гениев — на это способны лишь люди, глубоко равнодушные или открыто враждебные Родине»²⁸, — запишет он свою наиболее ярко сформулированную позицию.

В своих записях Свиридов часто касается вопросов русского национального характера: «Русская душа всегда хотела верить в лучшее в человеке (в его помыслах и чувствах). ...Тысячи раз ошибаясь, заблуждаясь, разочаровываясь — она не устает, не перестает верить до сего дня, несмотря ни на что!»²⁹, — так открывается эта тема на страницах первой тетради. При этом Свиридов видел русскую натуру во всей ее противоречивости, был чужд идеализации своих соотечественников: «Народ — ни добрый, ни злой, он бывает и таким, другим, он — всякий, он — стихия»³⁰. «Я сам отчетливо вижу ее [русской нации — И.П.] недостатки, — пишет он, — проистекающее от отчаяния безумное легкоеверие, вялость ума, отсутствие всякой морали»³¹. «Бывает у русских людей желание: «Сгубить себя на миру, на глазах у людей». ...Удаль и восторг, доходящие до смерти. Отсюда: пьяницы, губящие себя на глазах у всех, драки в праздники (праздничные убийства, самое частое дело). Желание показать свою чрезвычайную, непомерную силу, экстаз, восторг, переполняющий душу, доходящий до края, до смерти. На войне, тоже. Закрывать телом дзот, встать в атаку под огнем и т. д. «На миру и смерть красна!» Так говорит об этом народ»³², — пишет он в другом месте.

Но определяющими Свиридов считал те особые свойства русского человека, которые выделяют его из всего «мирового сообщества», — внешнюю простоту и внутреннюю совесть, стихийную глубину духа, нашедшие свое выражение в русской культуре. «Русская культура всечеловечна. И это одно из очень важных ее достоинств: она обращена ко всему человечеству, ко всем людям земли»³³ — вслед за Достоевским пишет он. «Простота — изначальное свойство русского искусства, коренящаяся в духовном строе нации, в ее идеалах»³⁴, — отмечает Свиридов, — «Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть — вот что Россия принесла в мировое сознание»³⁵. На этих основаниях строится картина русской и мировой истории в записях композитора.

События русской и мировой истории в оценках Г.В.Свиридова.

²⁸ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 305.

²⁹ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 95.

³⁰ Там же. С. 122.

³¹ Там же. С. 591.

³² Там же. С. 97.

³³ Там же. С. 382.

³⁴ Там же. С. 289.

³⁵ Там же. С. 373.

Значительная часть музыкальных произведений Свиридова посвящена тем или иным событиям русской или мировой истории. Обращаться столько раз к такой тематике нельзя, не испытывая интереса к самой истории, не чувствуя ее хода. История пронизывает весь текст записей Свиридова. «Жизнь моя ...уже довольно велика (для человеческих представлений) и насыщена многими событиями, в том числе и значительными. Часть из них я еще не сознавал, некоторые воспринял уже как мыслящий человек и могу составить, в общем-то, о них свое представление»³⁶, — запишет он в 1989 году, на 74-м году жизни. В этом смысле Георгий Васильевич неизменно мыслит как историк. Определяя для себя то или иное явление, даже замкнутое в области искусства, он всегда обращается к его корням, прослеживает причины его появления и распространения, связь с историческим контекстом. То, что ближе всего Свиридову было искусство, наложило отпечаток на характер его записей. Многие исторические процессы он прослеживает через их отражение в мировом культурном процессе. Состояние культуры в определенный момент времени, преобладающая ее окраска, являются для Свиридова зеркалом нравственного состояния общества, его душевной и духовной направленности. То, что он прибегает именно к этой стороне жизни, не лишает его возможности видеть суть любого процесса, захватывающего не только искусство, но и все человеческое сообщество в данное время. Однако очень много в его текстах пассажей, напрямую обращенных к историческим событиям и эпохам. Попробуем собрать все его размышления на этот счет в единую систему.

В фокусе внимания Свиридова находятся, прежде всего, последние два века нашей истории. Обращаясь в своих записях к тем или иным событиям этого времени, каким-то он уделяет пристальное внимание, какие-то упоминает менее подробно. Сам «набор» таких событий и степень интереса к каждому из них позволяет выделить те моменты в истории, которые Свиридов считал поворотными в судьбе своей страны.

Можно обрисовать такой перечень упомянутых Свиридовым исторических эпох и событий, которые укладываются в своего рода периодизацию:

- I. XIX век
 - Отечественная война
 - Освобождение крестьян
 - Русское Возрождение
- II. XX век
 - начало века
 - I Мировая война
 - Революция
 - Гражданская война
 - 20-ые — начало 30-х гг.
 - вторая половина 30-х годов
 - Великая Отечественная война
 - 1945-1953 — «сталинская эпоха»
 - 1955-1962
 - Брежневская эпоха
 - Перестройка
 - Путч
 - Современный этап

Одной из первых звучит на страницах записей тема XIX века. Глядя на это время с позиций 70-х годов XX века, Свиридов подтверждает, что это был «Золотой век» Ев-

³⁶ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 510.

ропейской цивилизации: «Невозможно перечислить количество гениев (*именно гениев!*) [курсив автора] литературы, музыки и других искусств, появившихся в это время и ознаменовавших своим появлением небывалый, неслыханный расцвет культуры, искусств, литературы, научного, философского и общественного сознания»³⁷. И для России это особое время — время «мощного взлета национального самосознания после победы в Отечественной войне, давшего величайшие завоевания в духовной области, в области литературы и искусства»³⁸. Свиридов всегда особо отмечает моменты русской истории, в которые происходило сплочение русской нации. Но вот XX век, как отмечает Свиридов, в целом «характерен, наоборот, нашествием в Россию чужеземного духа, интернационализма, борьбой с национальным сознанием, ...искоренением национального самосознания»³⁹. XX век, по его оценке, испытывал лишь «короткие вспышки патетического, подъема сил нации, выплеска, порыва стихийного, но подготовленного глухими годами безвременья, нравственной духоты». В мировом масштабе он видит корни кризиса XX века в том, что «дальше некуда было идти по линии созидания. Зато было что разрушать. И людей охватила жажда разрушения. XX век именно с этого и начался..»⁴⁰. «На арену жизни вышли массы людей, целые народы вступили в открытый спор друг с другом о том, как жить дальше»⁴¹, — пишет он о том же времени уже в конце 80-х. Свиридов отмечает, что многих деятелей искусства охватило тогда «предчувствие беды, надвигающейся катастрофы»⁴². Первой такой катастрофой он видит Первую Мировую войну, которая сопровождалась нравственным коллапсом, повергая многих людей в отчаяние. Он цитирует запись из дневника Александра Блока, сделанную во время войны: «Придут немцы, установят порядок...»⁴³. «Это конечно же — от отчаяния, от сознания безвыходности русской жизни, от ее хаоса, нелепости, несправедливости, которая казалась тогда «чудовищной»⁴⁴, — комментирует Свиридов. Вот как он характеризует время накануне революции: «Верхушка Русского дореволюционного общества: дворянство, придворные круги, военная верхушка — прогнила насквозь. Русская интеллигенция была в большинстве своем настроена против этой, державшей уже ослабевшую власть, беззаботной «верхушки», но, в свою очередь, сама была подвержена нравственному гниению и не имела позитивной программы. Всем хотелось перемен, да не знали каких, и думали, что все они к лучшему»⁴⁵.

Большое место занимают в записях Свиридова размышления о значении русской революции, ее причинах и последствиях. Впервые эта тема звучит в его записях 21 февраля 1975 года. Комментируя замысел оратории на стихи Маяковского, он называет «революционную силу народных масс, преображающую мир разрушением старого»⁴⁶, одним из проявлений «творческого духа, ...лежащего в основе всей жизни»⁴⁷. Однако в этой же тетради, уже обращаясь к революции предметно, Свиридов называет ее «колоссальным взрывом человеческого честолюбия»⁴⁸. «Смирение — не идеал для человека нашего века, — пишет он, — впрочем, уже XIX век для Европы был таким после

³⁷ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 148.

³⁸ Там же. С. 414.

³⁹ Там же. С.

⁴⁰ Там же. С. 148.

⁴¹ Там же. С. 452.

⁴² Там же. С. 201.

⁴³ Там же. С. 569.

⁴⁴ Там же. С. 569.

⁴⁵ Там же. С. 448.

⁴⁶ Там же. С. 75.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 137.

Наполеона, Робеспьера, Марата. Но Россия весь прошлый век копила эту взрывную силу, а действовать начала уже в нынешнем столетии»⁴⁹.

В другой тетради, относящейся к концу 70-х годов, Свиридов говорит уже о религиозной стороне революции: «Этот факт очень значителен, он связан с изменением веры; я могу сравнить его с Крещением Руси... Революция же — выражение атеизма»⁵⁰. Здесь же он дает и свое отношение к ней в целом. Он не отрицает ее знаковой роли в русской истории, но при этом отмечает, что это «великое событие, даже имеющее всемирное значение, все же меньше, чем собственно — Россия»⁵¹. Интересно его суждение об оценках революции в обществе: «Одни видят в ней добро и начало новой жизни, другие — зло, гибель, мрак и смерть. Для иных она оказалась средством захватить теплые места, а захватив их, они стали толковать революцию уже с позиций своей новой жизни и охраны своих привилегий. Вся дальнейшая жизнь, несомненно, связана с Революцией, но во всех ее сложностях (жизни!), невзгодах смешно обвинять Революцию. Это все равно, что винить стихию. Каждое поколение отвечает за себя, несмотря на всю преемственность жизни. Ныне многие толкуют Революцию с позиций личного удобства, личных дел, личной жизни, своей судьбы»⁵².

Известно, что отец композитора погиб в борьбе за дело революции. Но отношение самого Свиридова к этому историческому феномену строится не на основе личных потерь или приобретений. Композитор не принимает революцию, хотя отец его и погиб от рук белогвардейцев. Он мыслит историческими категориями, категориями пользы или вреда этого явления для всей страны. И мы можем проследить вызревание этого самобытного, глубоко пережитого отношения, связанного, прежде всего с чувством родины и своего народа. В начале 80-х годов в записях Свиридова встречается интересное наблюдение, что «революция... и все революционное движение на протяжении десятков лет не создали ни одной своей песни»⁵³. Музыка русской революции была заимствована из французских или польских песен, а слова написаны нерусскими поэтами: «Ни одной своей ноты и, кажется, ни одного русского слова»⁵⁴. Для Свиридова это неслучайный симптом. Он видит в этом прямое следствие того, что «Россия и Революция оказались духовно несовместимыми»⁵⁵. «Сердце народа было не с нею»⁵⁶, — пишет он. Эта же мысль дублируется и в записях конца 80-х⁵⁷ и 1990 года⁵⁸. И это не малозначительная деталь. Для Свиридова приятие или неприятие явления народом — «лакмусовая бумажка» его сущности, проверка на историческую прочность. По мысли Свиридова, народ является стихийным носителем чувства правды, и обмануть его невозможно. Даже если он на время поддается заблуждению, рано или поздно все становится на свои места. Поэтому факт того, что революция не дала творческих ростков на русской почве, знаменует для Свиридова ее принципиальную чуждость русскому народу вообще. У этого явления были свои исполнители и свои сугубые цели. «Давно и настойчиво приходит в голову мысль, что Революция (Октябрьский переворот) была не столько социальной, сколько религиозно-национальным переворотом»⁵⁹, — к такому конечному выводу о сущности этих событий приходит композитор.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 215.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 215.

⁵³ Там же. С. 378.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 536.

⁵⁷ Там же. С. 434.

⁵⁸ Там же. С. 536.

⁵⁹ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 552.

Неразрывно с темой революции проходит в его записях и Гражданская война. Впервые он обращается к этой теме, откликаясь на стихотворение М.Цветаевой о лидерах белого движения. Он вспоминает своего погибшего отца, которого шашками зарубили белые, и отмечает, что «вдохновенная поэзия Цветаевой, прославлявшей доблестных солдат и офицеров Белой Армии, не находит во мне отклика»⁶⁰. Но как и в случае с революцией его рассуждения о самом событии лишены собственно политического оттенка: «Я — человек старый, не берусь теперь судить в целом о Гражданской войне, о правых и виноватых в ней. ...Знаю лишь, что ничего более страшного для жизни нации, для самой ее сущности нет, чем братоубийственная, неслыханная по жестокости резня, когда сын убивает отца, а отец сына, брат встает на брата из вымышленной, вдолбленной в голову «классовой ненависти». Тогда — беда, нация может надломиться и погибнуть...»⁶¹. Это написано в 1987 году.

А в самом конце 80-х он также обращается к религиозной стороне этих событий: «Октябрьский переворот обозначил, что мир вступает в эпоху религиозных войн, наиболее жестоких и кровавых конфликтов. И началом этой чудовищной эпохи послужили Октябрьский переворот и начатая новыми владыками России чудовищная гражданская война против своих народов..., которая никогда не прекращалась. Еще со школьных лет я запомнил лозунг Ленина: «Превратить империалистическую войну в войну гражданскую». Это означало эпоху Террора, не прекращающуюся до сего дня»⁶². Уже в 1991 году Свиридов запишет (а придет к этому возможно и раньше), что «в основе этого супертеррора лежали не только классовые интересы! Да и о каких «классовостях» у Зиновьева, Троцкого, Каменева, Свердлова можно говорить? Несомненно — в основе геноцида, истребления христианских (главным образом) народов лежали мотивы ...завоевания земли, истребления иных, иноверных племен, борьба с иноверцами-христианами. Никакими классовыми признаками нельзя объяснить неслыханные за последние 2000 лет казни: дворян, купечества, фабрикантов, помещиков, высокого духовенства и простых монахов, рабочих и десятков миллионов крестьян, солдат и матросов, генералов и офицерского корпуса, армии и флота. Истреблялись не сословия, а народы. И если бы не нужен был рабский слой для рабского труда, были бы истреблены все русские до единого человека»⁶³. В другом месте по этому же поводу он говорит: «Роковое противоречие между народом и дворянской интеллигенцией было снято Лениным с подкупающей простотой. *Уничтожены — оба*»⁶⁴.

Обращаясь к послереволюционному периоду, Свиридов определяет и то, на каких началах строилось новое общество после Гражданской войны. Он приходит к выводу, что на время 20-х — начало 30-х годов пришелся «расцвет Богохульства». А это, по его мнению, далеко не то же самое, что атеизм. Последний, по Свиридову, все-таки «мировоззрение, опирающееся на науку, познание мира... Богохульство же одно из проявлений полного безверия — нигилизма. Суть его в уничтожении всякой опоры для человека, который остается один — вне единения, вне общества. ...без всяких обязательств, без какого-либо долга»⁶⁵. Свиридов отметил, что первый сатирический журнал, который издавался в России после установления Советской власти назывался «Красный дьявол». «Очень красноречивое название»⁶⁶, — подчеркивает он. Но главную опасность композитор видит в том, что «под видом атеистического сознания

⁶⁰ Там же. С. 446.

⁶¹ Там же. С. 445.

⁶² Там же. С. 551-552.

⁶³ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 594.

⁶⁴ Там же. С. 559.

⁶⁵ Там же. С. 255.

⁶⁶ Там же. С. 352. 21 ноября 1981 г.

...насаждается нигилизм, безверие, пустодушие, растут люди, не верящие ни во что на свете: ни в отца, ни в мать, ни в Бога, ...не верящие никому на свете»⁶⁷.

Параллельно с этим велось уничтожение веками накопленных русских культурных ценностей. Свиридов видит в этом и конкретно-исторические причины («злодейское дело истребления церковных ценностей было затеяно Л<ениным> во время голода в Поволжье; это чудовищное бедствие отвлекало умы от преступной акции б<ольшевизма>»⁶⁸), но в первую очередь программные меры доктринального, религиозного характера: «Двадцатые годы и начало тридцатых были годами интенсивного разрушения Русской культуры. В России было 80 000 церквей и монастырей. Где ценности, их наполнявшие, куда они исчезли? Куда исчезли попы и монахи как класс? Само слово русский не существовало»⁶⁹. Здесь мы видим характерный для Свиридова пример отождествления русского Православия с русским национальным началом. И борьба противников Православия с одним предполагала и борьбу с другим. Говоря о религиозной политике советской власти того времени, Свиридов неоднократно делает акцент на том, что, например, обновленческие течения далеко не так преследовались, «истреблялись же собственно Церковь, ее служители и институты — носители подлинного христианства. Разрушены здания, уничтожены библиотеки, варварски истреблены сотни тысяч (а то и миллионы) священников, монахов и верующих мирян»⁷⁰.

В самом начале 90-х на фоне разворачивающихся на его глазах иных событий, он с болью отмечает: «И совсем не так уж был неправ социалист Луначарский, когда писал, что марксизм есть одна из разновидностей <...> религии. За это он был дружески раскритикован Л<ени>ным, но только «дружески». Именно в его руки — руки религиозного марксиста — была, после государственного переворота, отдана государственная власть над культурой, с которой он обошелся поистине с библейской жестокостью — гибель крупнейших представителей русской художественной культуры, изгнание великих философов, писателей, композиторов, художников: Репин, Борис Григорьев, Малявин, отлучение от искусства М. В. Нестерова, разгром учебных заведений, в том числе и Московской консерватории, которая даже была лишена своего названия и называлась «Высшей музыкальной школой имени Феликса Кона». Кто такой был Феликс Кон, теперь, пожалуй, редко кто и знает <...>... Все было взаимосвязано, истребление русской культуры шло параллельно с повсеместным разрушением и грабежом православных церквей, повальным истреблением духовенства и крестьянства, которое было стихийным хранителем Христианской веры — потому-то истреблялось с такой беспощадностью... Тут дело идет о настоящем, подлинном геноциде русского народа»⁷¹. «И не нужно валить все на Ст<алина>. Чудовищный, поистине библейский террор начался до его воцарения. И до него действовали библейские палачи, получившие целую, и притом великую, страну на поток и разграбление»⁷², — находим мы в записях 1991 года предпоследней тетради характеристику политики советской власти в целом. «Швондер и Шариков — эпохальные новые типы, герои нашей эпохи послереволюционной, увиденные зорким глазом Михаила Булгакова, человека, наделенного не только литературным даром, но и большим умом. В руки этих героев попала Россия, с которой они обошлись беспощадно и жестоко, в конце концов окончательно ее уничтожив. Первый из них представлял из себя воплощение идеи уничтожения Великой Православной Державы. Второй — воплощение изменности, порождение города, его миазмы: пив-

⁶⁷ Там же. С. 410.

⁶⁸ Там же. С. 531.

⁶⁹ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 351.

⁷⁰ Там же. С. 474.

⁷¹ Там же. С. 578-579.

⁷² Там же. С. 596.

ные, собачьи клетки»⁷³, — тон описания событий год от года становится все более мрачным. Этому безусловно способствовало включение в «картину мира» Свиридова новых исторических событий, происходивших вокруг.

Период 30-х годов Свиридов называет «неоднородным»⁷⁴: «Начало их — 31—32—33-й годы — голод по России. В литературе и искусстве торжество крайних экстремистских движений. С одной стороны — ЛЕФ, с другой РАПП и РАПМ. Гнусные негодяи и тут и там. Травля и уничтожение Русской культуры»⁷⁵. «1931 год — во дворе Московской консерватории развели костер, где сжигали творения Глинки, Бортнянского, Чайковского»⁷⁶, — отмечает Свиридов характерную черту того времени. Короткую передышку Свиридов связывает в первую очередь с деятельностью М.Горького в середине 30-х годов, приведшую к некоторому оживлению русской культуры. После же его смерти «наступило совсем другое время»⁷⁷.

Отдельную характеристику предвоенного времени дает Свиридов в отношении Ленинграда: «Петроград-Ленинград остался почти без своего «коренного»... населения. Сотни тысяч жителей в годы владычества Троцкого и Зиновьева были: а) убиты (расстреляны); б) выселены (арестованы, сосланы в лагеря); в) мобилизованы; г) бежали от страха, умерли от голода. Зиновьев и его сатрапы — такие же <...> палачи — заселили город «своими». Произошла массовая депортация евреев с юга, из бывшей «черты оседлости», из Прибалтики, из Риги, Киева, Одессы, Белорусских городов: Гомель, Витебск, Рогачев, станция Быхов, Шклов, Могилев, Бердичев и т. д. Городские низы: пролетарии и люмпены, пригородное мещанство стали обитателями бывших барских, а ныне коммунальных квартир. Это не Петербуржцы-Петроградцы, это именно Ленинградцы, а еще вернее сказать — Зиновьевцы»⁷⁸.

Великая Отечественная война в ранних записях Свиридова — не только великий подвиг русского народа, но и важнейший «период духовного подъема»⁷⁹: «было желание слиться в «народ», в единое целое. Это желание на свой лад, на свой манер проводило и государство, да и сам народ, в общем-то, соединился, почуя опасность открытого чужеземного порабощения»⁸⁰. В результате именно Война «дала прекрасные образцы творчества», из которых на первое место Свиридов ставит «Василия Теркина» — гениальную поэму, воплотившую дух нации в роковой момент истории. Прекрасны также многие песни Войны (их десятки), которые можно слушать и теперь ...и в будущем»⁸¹. Композитор отмечает, что «в огне войны и в послевоенные годы зародились и сформировались новые мысли и тенденции, проявившиеся в творчестве к середине 50-х годов»⁸².

На рубеже же 90-х годов он размышляет об этом событии уже в другом ракурсе: «Вторая мировая война явилась ударом по двум странам, по двум народам — по немцам и русским. В интересах Америки, Англии и связанных с ними наций и народностей»⁸³.

Его осмысление послевоенного времени в истории России также проходит несколько стадий. В конце 70-х годов он в первую очередь обращает внимание на куль-

⁷³ Там же. С. 596.

⁷⁴ Там же. С. 209.

⁷⁵ Там же. С. 210.

⁷⁶ Там же. С. 456.

⁷⁷ Там же. С. 210.

⁷⁸ Там же. С. 502.

⁷⁹ Там же. С. 211.

⁸⁰ Там же. С. 135.

⁸¹ Там же. С. 211.

⁸² Там же. С. 327.

⁸³ Там же. С. 502.

турные, социальные процессы⁸⁴. По его мнению, в послевоенное время наряду с положительными пошло активное нарастание опасных тенденций. Образовалась своего рода развилка исторического пути для русского народа — путь национального развития и путь подчинения другим странам и народам.

Впоследствии Свиридов выделит отдельно последние годы правления Сталина: «страшнейшее, гнуснейшее время, опаснейшее, мрачное, когда процветали только отъявленные палачи и негодяи... Год от года перед смертью Сталина становилось все хуже, все страшнее и мрачнее. Шпиками была буквально наводнена вся жизнь. Общение было возможно самое пустяковое, и говорить о чем-либо было невозможно, из всего могли «сшить дело». ...Придирались ко всему»⁸⁵. Здесь же он затрагивает и тему ГУЛАГа: «Конечно, обо всем ужасе ГУЛАГа трудно было догадываться, хотя о лагерях знали люди старшего поколения, например, Крандиевская. Она мне говорила: «Лучшие люди России в лагерях...» Но молодые поколения это мало задевало, о многом даже и не догадывались, хотя аресты случались то тут, то там»⁸⁶.

Свиридова, как воспитанника Д.Шостаковича, напрямую коснулось Постановление ЦК ВКП(б) 1948 г о борьбе с формализмом. «Например, песня на слова А. Исаакяна называлась у меня «Страдания». Песню запретили печатать, потом поправили на «Страдания любви». Дело доходило до нелепостей... Мое положение было ...ужасным. ...Все сочинения из издательства вернули, в том числе Трио, только получившее Сталинскую премию 1-й степени. Жил я только на театральные заказы, писал музыку к спектаклям. Жуткое, безысходное было время»⁸⁷. Даже по столь кратким записям можно представить сложность положения Свиридова в те годы. Люди, знавшие его в то время, свидетельствовали, что ему было очень тяжело. Вот как он охарактеризовал впоследствии этот «сумбурный документ» 1948 года: «Несколько верных в основе и глубоких мыслей соединены с примитивным, конъюнктурным [отношением к искусству, политизированным до конца, до полного истребления всякого искусства] толкованием искусства, выраженным в самой грубой, почти «военной» форме»⁸⁸. Он неоднократно возвращается к этой теме: «В последние годы жизни генералиссимуса И. В. Сталина обстановка в стране стала ужасающе мрачной: постановления следовали одно за другим, едва ли не все отрасли подвергались суровой критике, люди жили в страхе «за каждый миг своей жизни», и казалось иной раз, что Бог дал ее человеку напрасно... Я уже не говорю о бесконечном количестве ссылаемых в лагеря, казнимых и т.д. Вообще-то всякий, каждый человек был под подозрением, под наблюдением почти постоянным. Ведь кроме официальных чинов тайной полиции, бесчисленные шпики, тут же рядом с тобою работающие, живущие, сочиняющие музыку, стихи, пьесы, играющие на скрипках, роялях, барабанах, критики, ставящие отметки каждому сочинению и каждому композитору, которые были разделены на категории в соответствии со своими наградами, титулами и пр. Разумеется, не все, но часть их исправно писала доносы. Но в марте 1953 года эта машина вдруг дала неожиданный сбой, резкий толчок, остановку. Через несколько дней все как бы пошло по-старому, но не совсем, а как бы «по видимости». Все, каждый порознь (за всех ведь не могу ручаться) понимали, что событие эпохи свершилось, но что будет дальше — ждали»⁸⁹.

Образ Сталина не раз еще появится на страницах его записей. Важно отношение Свиридова к роли этой личности в русской истории. «Не нужно валить все на

⁸⁴ См.: Там же. С. 125, 205.

⁸⁵ Там же. С. 497.

⁸⁶ Там же. С. 498.

⁸⁷ Там же. С. 497-498.

⁸⁸ Там же. С. 544.

⁸⁹ Там же. С. 563.

Ст<алина>. ...И до него действовали библейские палачи, получившие целую, и притом великую, страну на поток и разграбление. Этот поток и разграбление продолжают и до сего дня. Часто рассуждают: на кого похож сын грузинского сапожника? Ищут аналогии в образе Ивана Грозного, Петра Великого, Ленина, Сталин — это Ленин сегодня... Но он более всего напоминает библейских владык, уничтожавших выборочно целые народы и племена: «хананеев нечестивых», амаликитян и т. д. И не был он тут первым. Как не вспомнить, например, т. Зиновьева⁹⁰, — запишет он уже в 1991 году, наблюдая «триумфальное шествие» перестройки и реформ. И далее: «Пока еще мы переживаем эпоху Культа Сталина, все еще никак не можем уйти от образа этой великой и [страшной] чудовищной личности. Причем многие извлекают из этого Культа огромную выгоду, хотя бы из того, что все преступления власти сваливают на него одного, выгораживая, амнистируя и обеляя таких же преступников, как и он сам. Таким образом, нынешние деятели пытаются повлиять на ход истории, обелить то, что черным-черно и что обелить никак невозможно. Думается, судить [сталинскую] эпоху будут будущие поколения русских людей (если они останутся)»⁹¹.

Но нет у Свиридова и идеализации периода «оттепели». Он отмечает характерные для периода 1955—1962 годов «подъем, реабилитацию, воскрешение (оттаивание) многих явлений искусства и, вообще, духовной жизни (но — не всех!). Полет в космос. ...Начало раскрепощения, появление нового»⁹². Но вот как он отзывается в целом о поколении «шестидесятников»: «Поколение «плесени» ...Капризное, злобное, ничтожное поколение, задумавшее переделать ослабевший мир»⁹³. Или, например, «во второй половине пятидесятых годов, в момент «оттаивания», вышло совсем новое поколение, взявшее на себя смелость судить все предшествующее, произнести над всем бывшим свой легковесный, легкомысленный, ни к чему самих себя не обязывающий, суд»⁹⁴. «Помню разговор с Ю. Я. Вайнкопом, — пишет Свиридов, — Он говорил: «После войны наступит время Растиньяков»... Действительно, наряду с просто легкомысленными, пришли энергичные, деловые люди, неутомимые в своем желании успеха, желании прославиться во что бы то ни стало. ..оно, все же, неплодотворно само по себе, даже если соединено с работоспособностью...потому, что становится самым смыслом существования... Темой искусства становится «измышленное», придуманное, оно теряет связь с питающей его жизнью»⁹⁵ — такую немаловажную мысль встречаем в его ранних записях.

Гораздо больше смысла и внутреннего содержания видит он в так называемом «застое». Значительная часть его записей была создана именно в это период, и тогда Свиридов замечал многие тревожные тенденции того времени. А в 1989-1991 годах он пристально обращается к опыту брежневской эпохи, оценивая ее на фоне событий перестройки: «Эпоха Брежневского консерватизма была не так уж плоха. Это была эпоха глубоких предчувствий. В ней вызревала большая национальная мысль, находившая себе сильное творческое выражение. Я имею в виду творчество Ф. Абрамова, В. Шукшина, плеяды поэтов: Н. Рубцова, А. Передреева, С. Куняева, А. Прасолова, Вл. Соколова, О. Чухонцева,.. Викт. Астафьева, В. Белова, Ю. Бондарева, Е. Носова, В. Крупина, В. Распутина, русскую критику: В. Кожина, М.Лобанова, В.Гусева и др.. ...Я уже не говорю о Солженицыне, чьи первые же сочинения были подобны ударам в болевые точки Русской жизни: государственный деспотизм, разорение Русской деревни»⁹⁶. В

⁹⁰ Там же. С. 596.

⁹¹ Там же. С. 537-538.

⁹² Там же. С. 213.

⁹³ Там же. С. 546.

⁹⁴ Там же. С. 293.

⁹⁵ Там же. С. 205.

⁹⁶ Там же. С. 571-572.

тетрадах находятся подряд несколько записей об этом времени: «М. б. в области экономики, в общественно-политической сфере оно и было временем застоя. Но что касается духовной жизни, я бы этого не сказал. Напротив: 60—70-е годы были очень интересными. Ничтожность деклараций и общественно-политических идей, высказанных скороспелым поколением «шестидесятников», была осознана и мысль общества ушла в глубину, в поиски новых путей к истокам национальной культуры, национального сознания, национального характера. Это сулило большие результаты, но, как видно, напугало»⁹⁷. «Годы вымышленного «застоя» были годами глубокого, подспудного движения русской духовной жизни, глубоко своеобразной и самобытной, русской мысли, несмотря на иго, на гнет политических доктрин, которыми управлялось марксистское государство»⁹⁸, — находим мы на соседней странице.

Рассматривая его записи в целом, можно легко заметить, что «процент» размышлений на исторические темы возрастает с течением времени и достигает своего пика в конце 80-х-начале 90-х годов, по «накалу страстей» не уступающих другому великому перелому в истории России — Октябрьскому перевороту. В последних тетрадах уже почти нет места иным темам. Здесь Свиридов мыслит глобально и в русле своего понимания «русскости» оценивает *перестройку* и многие связанные с ней события. Именно происходящее на его глазах крушение страны под видом перестройки заставляет его сконцентрировать все свое внимание на судьбе России. Желание понять происходящее, его движущие силы и вектор их действия пронизывает все записи Свиридова этого времени. Здесь сходятся все линии его размышлений, его ключевые «смыслы» и проявляется во всей полноте отношение к жизни, истории и России. Его общественная позиция обнажается до предела, хотя крупных публичных заявлений он по-прежнему не делает. Поэтому эта тема в записях Свиридова крайне важна для понимания его исторических взглядов вообще.

Первое упоминание об этом «событии» мы находим уже в первой тетради 1987 года: «Идет перестройка, больше всех шумят о ней все те же... поэты-куплетисты Евт<ушенко>, Вознесенский, смертельно всем надоевшие, десятки лет треплющиеся по любому поводу, не могущие найти ни единого свежего слова. Каждое их слово уже по десятку раз продано [деньги давно получены]»⁹⁹. Здесь мы уже не в первый раз сталкиваемся с таким особым «приемом» изложения, когда Свиридов через деятельность характерных лиц показывает и «лицо» эпохи, набрасывает основные штрихи события, высказывая таким образом и свое отношение.

В записях этого времени проскальзывает охватившая композитора растерянность: «Найти человеку верный путь в жизни — всегда непросто. В наши хаотические дни это стало невероятно трудно. Масса людей — потерявших всякие ориентиры, масса — избравших неверный путь, чреватый большим Злом. Многие живут вообще без пути, без движения, лишь шевелясь на месте... Боже! Помоги выйти на дорогу... не утратив света во тьме! 3 мая 1987 <года>»¹⁰⁰. Безусловно, у Свиридова были свои надежды: «Когда поначалу лидеры Гос<ударства> объявили «перестройку» и отвержение «застоя», можно было всячески приветствовать это начинание. Думалось, что это коснется и воскрешения, возрождения духовной жизни, без которой человек — живой труп и подобие механического робота»¹⁰¹. В результате же именно этот момент русской истории Свиридов именуется подлинным «застоем», идейным тупиком, в который зашла наша жизнь, тупиком, из которого Гос<ударство> и все мы ждем выхода, «перестраи-

⁹⁷ Там же. С. 577.

⁹⁸ Там же. С. 578.

⁹⁹ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 398.

¹⁰⁰ Там же. С. 411.

¹⁰¹ Там же. С. 439.

вая свои ряды», но еще не обретя новой идеи движения или стыдливо боясь произнести сокровенное слово «капитализм», признав, что десятки миллионов загубленных людей, океан пролитой крови — все было как бы зря. Но эти жер<твы> принесены не зря. Есть среди них те, кто получил гигантскую выгоду, обрел власть и т.д.»¹⁰². Уже в тетради следующего года (1988) можно встретить запись о новой зависимости, «политизации науки, искусства, религии, всей духовной жизни»: «В этом вся беда! Изменяется лишь политика, а идея политизации незыблемо остается. Для несведущих, особенно мол<одых>, поколений кажется, что были несвободны, а стали свободны, тогда как принципиально ничего не меняется. Положение науки, искусства, религии остается по-прежнему зависимым»¹⁰³.

Примечательно, что, находясь внутри ситуации, Свиридов при этом мог трезво смотреть на нее со стороны. Это дало ему возможность еще в 1987 году записать следующие слова: «Государство через газеты, журналы, особенно радио и TV, проводит усиленную, ускоренную американизацию нашей жизни, ... (а тем самым, стандартизацию) образа мышления советского человека молодого поколения. Революция «сверху», которую открыто прокламирует гос<ударственное> руководство, как видно, заключается прежде всего в «денежном» идеале, даже еще не конкретном, а только лишь обещаемом в необозримом будущем. Но психология «желтого дьявола» уже усиленно и лихорадочно насаждается в обществе. Между тем выдающиеся люди русского образованного общества (в большинстве своем) находили жизнь США богатой, но бескультурной, безвкусной, бездуховной, убитой страстью к наживе. <...> Такая же участь ожидает нашу страну и наш народ, который теперь по государственному указу получает прививку духовного СПИДа, который грозит нам окончательной духовной гибелью»¹⁰⁴. Но независимо от этого «Всевозможные пропагандисты американизма, прелестей и свобод рассеялись в Москве и Ленинграде по всем клубам, по всем домам культуры. Эта сфера деятельности находится целиком в руках теневых дельцов, а идейно руководится «прогрессистами»-руссофобами, составляющими громадную корпорацию, «работающую» среди молодежи в больших и малых учебных заведениях, школах, техникумах, университетах и т. д. Среди молодого поколения ведь «не прогрессивных» нет вовсе [это невозможно; «консерватора» затравят, доведут до смерти]. Все поголовно — сторонники «прогресса», разве что робкие, скромные, забытые члены каких-либо краеведческих групп или интересующиеся... Если ты интересуешься живописью, надо следовать образцам антиискусства. За «это» платят!»¹⁰⁵. Свиридов очень быстро вскрывает истинное «лицо» происходящего, убеждается, что реальная цель идеологов перестройки — создание из народа «механического робота, без каких-либо нравственных устоев, без пробужденной души — послушное полуживотное, удовлетворяющее лишь свои примитивные инстинкты»¹⁰⁶. Это опасно тем, что тогда «заботиться о нем будут стоящие во главе жизни «лидеры», «сверхчеловеки», которые при ближайшем рассмотрении — лишь «недочеловеки», недоучки, с трудом и не всегда еще владеющие русским языком»¹⁰⁷. Вот как он описывает их сущность: «Идет скоропалительное создание класса паразитов. Смысл, сама идея их существования: борьба за власть над другими, над всеми, среди которых они находятся, за власть путем вооруженной силы, силы денег, золота, коварства и обмана; доказательство любым способом того, что они всегда правы, что бы они ни говорили, что бы ни доказывали или кричали в виде лозунгов,

¹⁰² Там же. С. 461.

¹⁰³ Свиридов Г.В. Музыка как судьба.

¹⁰⁴ Там же. С. 439

¹⁰⁵ Там же. С. 490.

¹⁰⁶ Там же. С. 439

¹⁰⁷ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 440.

всегда лживых, ибо в основе их существования лежит одна и та же идея. Неспособные к созидательному труду, ничтожные в творческом отношении, они способны лишь уничтожать, разрушать»¹⁰⁸.

Занимает его и вопрос, кто за всем этим стоит. Важна его запись от 7 декабря 1989 г.: «Наше время характерно небывалой, неслыханной ранее концентрацией единой личной власти над огромным количеством людей. Рука судьбы возносит этих, вчера еще совершенно безвестных и ничтожных людей, на вершину человеческой пирамиды. Дети бакалейных торговцев, секретари райкомов партии и им подобные вертят миром как им угодно. В их руках целые страны и континенты, повинующиеся чудовищной силе, находящейся в руках этих властелинов»¹⁰⁹. Эта сила, по мысли Свиридова, — «не только бомба или заряд бактерий, но и газеты, журналы, радио, медицина и, наконец, пища, питье и сам воздух — все в руках этих ничтожных марионеток, выбранных арелопагом мировой финансовой власти и поставленных на свои диктаторские посты. Недиктаторской власти теперь вообще нет. Она отличается лишь внешним театральным механизмом, выборами, свободой абсолютно несвободной печати и пр. Все эти марионетки, сбрасываемые и назначаемые подлинной властью мира — концерном богачей, отравлены ядом честолюбия, больны СПИДом властолюбия. За «место в истории» они продают все: отца, мать, самого Бога (у некоторых из них он есть «для виду», другие же обходятся вообще без этого устаревшего атрибута, который теперь, впрочем, понемногу входит в моду), продают государства, народы вместе с их древней землей... Все это идет с молотка... за «место в истории». Какая чередя этих властителей хотя бы в одной России и сколько их, один ничтожнее другого, превосходящих друг друга только в количестве проливаемой крови»¹¹⁰. Здесь он интуитивно чувствует «многослойность» такой власти, когда за внешним аппаратом стоят гораздо более серьезные, чаще всего инородные силы.

Не прошел Свиридов мимо так называемой «гласности», в которую он не верит, называя ее «фактически духовной (или «бездуховной») революцией»¹¹¹. 24 мая 1989 композитор приводит характерный пример того, ради чего провозглашена эта гласность: «Журнал «Огонек» со статьей некоего Эдварда (!) Радзинского об истреблении Царской семьи... Густая пелена лжи... Весь мир знает эту ужасающую историю, во всех подробностях. Знает имена всех тех, кто осудил на смерть Царя, его жену, пятерых детей, врача и прислугу, *осудил на смерть весь род Романовых...* <...> Журнал «Огонек» предпринимает попытку навести колер на это чудовищное <...> дело. Весь мир знает всю правду и лишь наши народы, по крайней мере — нескольких поколений, живут в абсолютной тьме, незнании и ложном представлении обо всей истории нашей несчастной страны, находящейся три четверти века под пятой Л<енин>изма, Ст<алини>зма, М<аркси>зма. Страна покрыта пологом лжи, распространяемой печатью, Р<адио> и TV <...> Эти люди сплели целую гигантскую цепь лжи и покрыли ею всю страну, все народы, беспомощно барахтающиеся в этой дьявольской паутине. Гласность для лжи <...> — вот лозунг»¹¹².

1990 год открывается в тетрадах Свиридова следующей записью: «Рынок, торгаш, доллар, спекулянт, кооператор, ростовщик — уважаемые, лакомые слова. Их с упоением превозносят. Реставрация Капитализма стыдливо называется рыночной экономикой. Слова: базар, рынок, ярмарка — всегда были презренными в устах замеча-

¹⁰⁸ Там же. С. 590.

¹⁰⁹ Там же. С. 513

¹¹⁰ Там же. С. 514.

¹¹¹ Там же. С. 587.

¹¹² Там же. С. 521.

тельных людей. «Ярмарка тщеславия» Теккеря, «"На рынок!" — там кричит желудок» (А. Фет)»¹¹³.

Отдельную заметку он посвящает продажности: «Она достигла за это столетие размеров общего бедствия. За деньги люди готовы на все. Деньги — Кумир, Божество. Мнится, что над миром во весь рост возвышается какой-то гигантский ИУДА, потрясающий своим кошельком с тридцатью серебряниками. Утеряно всякое чувство стыда, всякое (самое даже малое) чувство уважения к своей стране и народу. Наоборот — поощряется всяческая продажность»¹¹⁴. Не заставляют себя ждать и конкретные «сюрпризы» Перестройки: «Чернобыль, СПИД, кровь ...несчастных солдат, выполняющих «интернациональный долг», «усмиряющих» национальные чувства афганцев, армян, абхазцев, азербайджанцев, раскол (православных) церкви, насаждение униатской религии (этот нож в спину православия)»¹¹⁵. «Внутри страны действует большая сила, сознательно провоцирующая разнообразные конфликты, восстанавливающая одни народы против других, одну группу населения против другой»¹¹⁶, — с болью отмечает композитор.

На Страстной неделе (в апреле 1990 года) он записывает: «Время разрушения правящего партмеханизма. Впереди, очевидно, создание Новой (модернизированной марксистской) партии. «Те же рачки в иных мешочках», — как говорил дед Иван Егорыч. Жизнь между тем — все безотраднее, все безнадежнее, унылее, беспросветнее для людей не только моего поколения... Эти все люди сброшены со счета. Расчет только на молодых, воспитываемых теперь, уже в наши дни. Можно смело сказать, что это будет ужасное поколение, способное на все под командой своих вождей»¹¹⁷. Позже он пишет: «В течение 6—7 лет воспитывается агрессивное поколение здоровых, но слепых, послушных молодых людей, готовых на все, знающих ложь и зло, выдаваемые им за правду, добро и истину. Так было в самом начале 30-х годов. ...Из этих молодых людей сформировалась Ст<алинская> гвардия, заполнившая структуры партии, особенно же секретных служб и т. д. Сейчас я вижу то же самое»¹¹⁸. Эта связь перестройки с революцией занимает важное место в его взглядах на русскую историю. По его мнению, налицо полная преемственность, умело замаскированная для неискушенного молодого поколения русских людей. Сам же Свиридов склонен понимать современную ему перестройку и «реформирование» страны как логическое продолжение Октябрьской революции. Он видит здесь единство целей и методов, спрятанных под разными оболочками: «Вожди Революции знали, куда они ведут жизнь. К установлению господства <самых> и рабства для всех остальных. Эта мысль не покидала их. Теперь они кличут новое поколение русских на другую дорогу, обещая сытую жизнь и золотые горы, рай для всех, успех и славу для тебя лично. Они лгут во всем. Здесь будет карикатура на Америку. Власть — лоббистов»¹¹⁹. В записях тетради 1990-91 гг. Свиридов вообще ставит инициатора перестройки Горбачева в один ряд с Лениным и Троцким, виноватых «в подлинном геноциде русского народа»¹²⁰: «И это называется «перестройкой»? Увы! Все это известно с Октября 1917 года и в разных вариациях существовало и существует более 70 лет. Нет никакой разницы — «при ком» этот государственный бандитизм творился: при Л<енине>, Тр<оцком>, Бух<арине>, Ст<алине>, Б<режнев> или Г<орбачев>. Государственный террор — он и есть террор. Он является патентом

¹¹³ Там же. С. 540-541.

¹¹⁴ Там же. С. 603.

¹¹⁵ Там же. С. 571.

¹¹⁶ Там же. С. 552.

¹¹⁷ Там же. С. 553-554.

¹¹⁸ Там же. С. 598.

¹¹⁹ Там же. С. 551.

¹²⁰ Там же. С. 578.

С<оветской> власти, единственным способом ее высокомерного существования. Русские давно уже стали колониальным народом, удел которого — скорое исчезновение с арены мировой истории и гибель. Именно к этому ведет дело нынешнее руководство...»¹²¹.

Свиридов отмечает, что и в наше время идут те же разрушительные для русской культуры процессы, что и во времена «триумфального шествия советской власти»: «Разрушены и разграблены десятки тысяч церквей. Но воистину — краденое не в прок! Уничтожены церковные здания по всей Руси Великой, говоря словами Пушкина. Расколоты иконостасы, а несколько обломков теперь фарисейски выставлены в ГТГ для всеобщего обозрения. Этим Г<осударство> показывает охрану памятников старины. Организовано О<бщест>во охраны памятников старины — эта воистину опереточная организация, которая не охранила ни единого здания от продолжающегося их разрушения. Практически уничтожена древняя русская музыка. В этом смысле мы являемся уникальной, единственной стр<аной> на свете, в которой совершается подобный вандализм»¹²². «Я печально смотрю на будущее. Борьба с национальной Русской культурой ведется жестокая и вряд ли ее остатки смогут уцелеть под двойным напором: Сионизма и М<арксизма>»¹²³ — наиболее четко формулирует свою позицию Свиридов.

Другая характерная черта времени — что «идеологи Партии открыли все шлюзы для потока зловонных нечистот»¹²⁴, страну наводнили «бесчисленные журналисты, экономисты, юристы, всевозможные консультанты»¹²⁵. «Любопытно, что М.Булгаков консультантом назвал Сатану»¹²⁶, — замечает Свиридов. Русская национальная культура переживает глубокий упадок. Для Свиридова это самый яркий симптом кризиса нации. «Тюремный жаргон стал языком России [курсив Г.В.Свиридова]»¹²⁷, — с прискорбием отмечает композитор характерную черту «новой культуры».

Свиридов всякий раз обращается к истокам происходящего сегодня, углубляясь в предысторию самой революции: «Причина всех современных кошмаров — в этом большом кошмаре, который начался очень давно. Тут виноватых — бездна. От вдохновителей: Рылеевых, Белинских, Добролюбовых — до профессиональных палачей, которых были миллионы. И среди них множество именно русских, но не только их. Тут — Интернационал»¹²⁸.

Записи 1991 года передают отчаяние, охватившее композитора при виде «всего, что совершается дома». Вот что он писал в это время вслед разговорам о «всеобщей демократизации»: «Итак, Демократия — т. е. власть демоса — народная власть. В который раз, господа, она возглашается? За свою жизнь я слышу ее непрерывно, безостановочно, неумолимо, каждый раз она подразумевает как будто бы разное, а в самом деле абсолютно одинаковое. Прежде всего — единообразие и диктаторскую неумолимость. Только демократия и ничего более. Кто же доказал, что она — единственный выход из создавшегося тупика, главное — единственный и притом знаемый безошибочно вождями, а главное — возглашателями-пропагандистами. ...Любая другая точка зрения — подозрительна, враждебна, отрицается, подлежит громкому посрамлению, искоренению, уничтожению. Сколько людей за эти годы, высказывавшие хоть какое-либо сомнение в абсолютной верности избранного пути, изгоняются из политической и

¹²¹ Там же. С. 580.

¹²² Там же. С. 403.

¹²³ Там же. С. 218.

¹²⁴ Там же. С. 571.

¹²⁵ Там же. С. 541.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. С. 469.

¹²⁸ Там же. С. 498.

из общественной жизни, сходят на нет, да просто ли изгоняются? За судьбой их интересно было бы последить»¹²⁹.

Вот кто является, по его мнению, «творцами» демократии на русской почве: «Открытые работники служб ЦРУ, ...состоящие в услужении пропагандистской <машины?>, построенной по типу откровенно фашистскому — желанные гости, перешли на работу в радио и ТВ бывшего Советского Союза, а ныне неизвестной страны, не имеющей *опять даже*, названия, кроме аббревиатуры РСФСР, которая в дни моего детства расшифровывалась: «Ребята, смотрите — Федька сопли распустил». И теперь налицо правящая неумолимая диктатура, пока, кажется, без массовых расстрелов, но это ведь только пока. За этим дело не станет»¹³⁰. По своей сути эти люди для Свиридова — наследники революционеров — «все те же люди, доканчивающие разгром великой Русской империи и уничтожение Русского народа (а это их главная цель — истребить русскую нацию, перебить ее, перестрелять, рассеять по свету). Все это совершается под крики со всех сторон «анти». Приветливые крики, ибо <враг> все тот же самый, что был и в начале века, и во время Октябрьского переворота, в эпоху истребления крестьянства, и в эпоху спровоцированной и запланированной ими же войны с Германией, в которой у Русского народа была безысходная, безвыигрышная позиция, одинаково [трагическая]»¹³¹. «Откуда они взялись за последнее столетие, — восклицает он, — по чьей команде они наводнили нашу страну и завладели всеми «узлами» жизни — властью, прессой, торговлей, искусством, к которому они абсолютно бездарны...<...> Хозяева Мира, а они — есть, и не надо кричать о «демократических свободах». Всему миру известно, что демократическая Америка является суперколониальной державой; кровью и деньгами устанавливающей мировое господство, не останавливаясь перед истреблением целых народов. В этом смысле новейшая история наследует традиции древней Иудеи, пример чему был подан Октябрьским переворотом»¹³².

Отразились в записях Свиридова и события августа 1991 года: «Жуткие, мрачные события последних дней, потрясающие, кроме прочего, чудовищным скудоумием, какой-то фантастической легкомысленностью. Люди — по ту сторону добра и зла (но, может быть, и не все правда). Неустойчивость жизни ужасающая, речи — полнейшая безграмотность, явление «шпаны» стало всеобщим: в семье, на работе, среди так называемой «интеллигенции», в политической жизни, в искусстве, которое все заражено шпанскостью»¹³³. В его записях сохранился черновик письма М.С.Горбачеву, написанного по этому случаю: «Я и вся моя семья глубоко потрясены событиями последних дней и сильно переживаем за Вашу судьбу. Вы возбудили надежды у многих людей, но особенно эти надежды у нас — русских. Мы так устали и измучились, существуя под чужой рукой. Я говорю это, прожив на свете много лет. Мы достойны лучшей участи и особенно устали от бесконечного унижения своей нации»¹³⁴. Адресат это письмо получил, как подтвердил сам в личной беседе с А.С.Белоненко¹³⁵...

Записи последних тетрадей композитора полны глубокого пессимизма в отношении происходящего. «*В наше время Россия духовно опускается еще на один порог преисподней. Культура ее уже невозстановима* [курсив Г.В.Свиридова]»¹³⁶, — пишет он. То, что творится с родной страной, не вызывает у Свиридова сомнений: «Мы переживаем эпоху третьей мировой войны, которая уже почти заканчивается и прошла на

¹²⁹ Там же. С. 591-592.

¹³⁰ Там же. С. 592.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. С. 591.

¹³⁵ Там же. С. 704.

¹³⁶ Там же. С. 486.

наших глазах. Страна уничтожена, разгрызена на части. Все малые (а отчасти и большие) народы получают условную «независимость», безоружные, нищие, малообразованные. Остатки бывшей России будут управляться со стороны — людьми, хорошо нам известными. Русский народ перестает существовать как целое, как нация. И это при том, что имели 6 лет назад относительно боеспособную армию, ядерное оружие, танки, авиацию и ракеты. Как быстро все произошло. С какой быстротой оказалась завоевана «Великая» держава. Чудны дела твои, Господи»¹³⁷. «Третья мировая война началась и Советский Союз уже проиграл ее, сдав страну почти без боя, погубив наш русский народ, его вековую историю, которая закончилась так позорно и бесславно. Вечное проклятие апостолам зла и сатанизма и всем их пособникам»¹³⁸, — записывает он в этой же тетради.

Но рядом с безысходностью в его записях проскальзывает и тень надежды: «Вечером смотрел по телевизору выступление перед Заутреней Патриарха — грустное, но спокойное, потом водружение Святого Креста на купол Казанского собора в Петербурге-Петрограде-Ленинграде... Боже, неужели это не фарс, а подлинное Возрождение, медленное, трудное очищение от Зла? Но кажется иногда, что именно это наиболее верный путь. А народ расслоился: с одной стороны, окончательное падение в бандитизм, проституцию во всем, с другой стороны — Церковь и интерес к жизни Духа... Теперь надежда лишь в спокойствии и ТЕРПЕНИИ (опять и опять). Кажется, что это есть в Церковных людях. Терпение, но и действие. Пошли, Господи, блага и здоровья всем близким. Помилуй нас!»¹³⁹. На фоне всего этого тяжелого периода Свиридов работал над циклом «Песнопения и молитвы» на слова из православного обихода. Эти хоры считаются вершинным его произведением.

Как мы смогли убедиться, взгляд Свиридова на исторический процесс в целом обусловлен четкими внутренними критериями добра и зла и системой мировоззрения в целом. Отсюда и его отношение к конкретным событиям и личностям. Несложно заметить, что в основе его трактовки исторического процесса стоит путь русского народа и борьба в истории России разрушительных и созидательных сил. Мы считаем нужным называть сумму его взглядов концепцией, несмотря на то, в чистом виде «на суд обществу» автор ее не выносит. Она составляется из разрозненных высказываний самого Свиридова, прямо характеризующих его позицию, но в основном — из внешне, может быть, несвязанных, но внутренне тесно спаянных суждений о внешнем мире. Зло или благо для родного народа, понятное не в узконационалистическом, а в морально-нравственном аспекте — тот стержень, на которое «нанизываются» все общественные явления в концепции Свиридова. Но нравственность Свиридова не абстрактна и не относительна, а укоренена в своей прочной основе — глубокой христианской вере. Поэтому для Свиридова в первую очередь важна религиозная сторона любого явления. Из мыслителей этим он очень похож, в частности, на Н.В.Гоголя, про которого можно также сказать, что для него «все вопросы жизни — бытовые, общественные, государственные, литературные — имеют ...религиозно-нравственный смысл» [3;76]. В этом смысле вся история человечества для Свиридова — это прежде всего *история духа*, а в XX веке — история его кризиса. Именно духовные интенции видит он за всякими человеческими деяниями.

Возрождение же национального духа в России он связывает не с очередными политическими перетасовками, а в первую очередь с возрождением Христианства, когда все основные понятия в душах людей встанут на свои места. Это и станет временем восстановления попорченного национального самосознания. Сходно мыслил, в частности,

¹³⁷ Там же. С. 604.

¹³⁸ Там же. С. 610.

¹³⁹ Там же. С. 619.

и Н.В.Гоголь, чья «апология России, утверждение ее мессианской роли в мире в конечном итоге опираются не на внешние благоустройства, международный авторитет страны или ее военную мощь (хотя и они очень важны), а на духовные устои национального характера. Взгляд Гоголя на Россию — это прежде всего взгляд христианина, сознающего, что все материальные богатства должны быть подчинены высшей цели и направлены к ней»¹⁴⁰.

Свиридова можно с полным правом назвать подлинным традиционалистом, русским национальным мыслителем. Почти все темы его записей традиционны для русской мысли. Выдающиеся русские мыслители от М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина, Н.В.Гоголя, славянофилов, Ф.М. Достоевского до В.С. Соловьева, С.Н.Булгакова, С.Л. Франка, П.Б. Струве, Е.Н. и С.Н. Трубецких, П.А. Флоренского и многих других их известных единомышленников разрабатывали в своих трудах такие вопросы, как «путь России и русского народа в мире», «революция как религиозная проблема», «национальный характер и национальное самосознание», «православие и русская душа», «православие и русская культура», «Россия и Европа», «человек и массы», «мещанство и буржуазность», «культура и цивилизация», «техника, наука, прогресс»¹⁴¹. Все эти темы нашли отражение на страницах дневника Свиридова. Свиридов оказался носителем того «народно-психологического чутья», о котором говорил В.О.Ключевский. Именно это «чутье» обеспечивало ему «понимание исторического процесса, далекое от официальной методологии, и согласную с ним трактовку источников, фактов, укорененных в этом процессе»¹⁴². Как коренному представителю своего народа Свиридову всегда было присуще особое внутреннее чувство правды, которым он сам наделял простых людей в своих записях. Но столь последовательно это чувство народной правды выражают только национальные гении. Таким же путем шли и упомянутые нами русские мыслители.

Жить в традиции для Георгия Васильевича значило прежде всего жить по совести, любить свой родной народ, понимать его. «Хорошо известно, что не тот человек патриот, кто кричит об этом на всех углах, а тот, кто любит свою Родину, свой народ, гордится им, верит в его могучие силы, тяжело переживает и возвышает свой голос против несовершенства жизни. Глубоко скорбит... — сказал как-то сам композитор о своих учителях, — Это большая традиция Русской общественной и художественной Мысли. Именно в таком смысле патриотами своего Отечества являлись Гоголь и Лев Толстой, Петр Ильич Чайковский и Мусоргский»¹⁴³. Теперь этот ряд можно с полным правом пополнить именем Георгия Васильевича Свиридова.

К Свиридову, как ни к кому другому относятся слова Ивана Ильина: "...Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит — *воспринимать Россию сердцем, видеть любовью ее драгоценную самобытность* и ее во всей вселенской истории *неповторимое своеобразие*, понимать, что это своеобразие есть *Дар Божий*, данный самим русским людям, и в то же время — указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов и требовать для этого дара свободы и самостоятельности на земле. Быть русским значит *созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции и любовью принимать ее как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни*. Быть русским значит *верить в Россию* так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители"¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Воропаев В.А. Н.В.Гоголь: жизнь и творчество. С. 75.

¹⁴¹ Ермишина С.А., Наумова Г.Р. На пути к освоению традиции. С. 34-35.

¹⁴² Там же. С. 21.

¹⁴³ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 88.

¹⁴⁴ Ильин И.А. Почему мы верим в Россию//Наши задачи. Собрание сочинений. Т.2. Книга I. М., 1993. С.105.

И Свиридов верил, записав: «С великим трудом пробивающееся, многолетне по-
пранное, русское национальное сознание (заблудившаяся душа!) ищет выхода и найдет
его, в этом я убежден. Хотелось бы думать, что будет так!»¹⁴⁵.

Источники и литература.

1. Барыкина Л.А. «Миру нужно песенное слово»//Георгий Свиридов в воспомина-
ниях современников. М., 2006.
2. Белоненко А.С. Из чего рождается гармония//Г.В.Свиридов. Музыка как судьба.
М., 2002.
3. Воропаев В.А. Н.В.Гоголь: жизнь и творчество. М., 1998.
4. Ганичев В. Н. «Гений остается с нами»//Георгий Свиридов в воспоминаниях со-
временников. М., 2006.
5. Дробышевская И.И. «Слышать биение народного сердца»//Георгий Свиридов в
воспоминаниях современников. М., 2006.
6. Ермишина С.А., Наумова Г.Р. На пути к освоению традиции//История мысли.
Русская мыслительная традиция. Вып. 4. М., 2007.
7. Золотцев С. Духовный подвиг исполина//Подъем, 2005, № 11.
8. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию//Наши задачи. Собрание сочинений. Т.2.
Книга I. М., 1993.
9. Леман А. Творчество Свиридова как направление//Музыкальный мир Георгия
Свиридова. М., 1990.
10. Непомнящий В.С. Свиридов. Из личного опыта// Георгий Свиридов в воспомин-
аниях современников. М., 2006.
11. Рудица Р. Георгий Свиридов. Музыка как судьба//Критическая масса, 2003, № 1
(эл. версия <http://magazines.russ.ru/km/2003/1/rudic.html>).
12. Свиридов Г.В. Музыка как судьба. М., 2002.
13. Сохор А.Н. Георгий Свиридов. М., 1964.
14. Хворостовский Д.А. «Публика плакала...»//Георгий Свиридов в воспоминаниях
современников. М., 2006.

¹⁴⁵ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. С. 212.

Э.Г.Миракян (МосГУ)
АССОЦИАЦИЯ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ —ЕВРОПЕЙСКОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО:
НАЧАЛО ДИАЛОГА (1971 — 1984)

Для современного мира наиболее характерной чертой является глобализация, основной составляющей которой является процесс интеграции. Можно констатировать, что в настоящее время центры экономической и политической интеграции располагаются в Европе и в Азии.

Параллельно постоянным региональным интеграционным процессам в рамках Азиатско-Тихоокеанского Региона (АТР), Европы, Америки, в последнее время набирает обороты неожиданный, но вполне закономерный процесс — диалог между двумя наиболее влиятельными региональными образованиями: Ассоциация Стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Европейским Союзом (ЕС).

Европейская интеграция.

В Европе интеграционные процессы берут свое начало с поствоенного периода, когда, согласно плану Маршалла, страны западной Европы получили значительную материальную помощь от США для восстановления нормальной жизнедеятельности государств.

В 1949 г. был создан Совет Европы — организация, существующая до сих пор (её членом является и Россия). Совет Европы, однако, был (и остаётся) почти аналогом регионального эквивалента Организации Объединенных Наций, сосредоточившим свою деятельность на проблемах обеспечения прав человека в европейских странах. Как известно, в 1951 г. ФРГ, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Франция, Италия создали Европейское объединение угля и стали (ЕССС — European Coal and Steel Community), целью которого, стало, объединение европейских ресурсов по производству угля и стали, которое, по мысли его создателей, должно было предотвратить очередную войну в Европе. Великобритания отказалась участвовать в этой организации по соображениям национального суверенитета.

Для дальнейшего углубления экономической интеграции выше упомянутые шесть государств в 1957 г. учредили Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС). В договоре ЕЭС была указана основная цель: создание таможенного союза, в рамках которого, предусматривалось свободное передвижение товаров в пределах государств — членов, отмена квот и ограничений в межгосударственной торговле, свободное движение рабочей силы, капиталов и услуг. Параллельно было учреждено Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом), который был призван способствовать объединению мирных ядерных ресурсов этих государств.

Договор о ЕЭС предполагал оформление конкретных направлений политики касательно сельского хозяйства, социальной и законодательской сфере, во внешней торговле.

Таким образом, процесс развития и превращения вышеупомянутых европейских сообществ в современный Европейский Союз происходил путём одновременной структурной эволюции и институциональной трансформации в более сплочённый блок государств с передачей всё большего числа функций управления на наднациональный уровень, с одной стороны, и увеличения числа участников европейских сообществ (и позднее Европейского Союза) с 6 до 27 государств на сегодняшний день.

Интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском Регионе.

Первым интеграционным объединением в регионе стала Ассоциация стран Юго-восточной Азии (АСА). В ее состав первоначально входили Филиппины, Малайзия и Таиланд. Какого-либо серьезного развития идея АСА так и не получила, пока ситуация в регионе не изменилась кардинально. Перемены были связаны как с началом Второй

индокитайской войны, так и со сменой политического режима в Индонезии, где пришедшие к власти в стране на волне антикоммунистической компании армейские генералы стали заявлять о себе как об анти коммунистической силе регионального масштаба.

Таким образом, появление в регионе антикоммунистического течения создало политическую основу для новой попытки создания регионального объединения на общей антикоммунистической платформе.

Нельзя забывать и о том, что именно в тот период начинают звучать революционные призывы из Пекина, что привело к особой актуальности общей для Таиланда, Индонезии, Малайзии, Филиппин и Сингапура актуальность антикоммунистической внутренней и внешней политики.

Вышеупомянутые факторы привели к созданию в 1967 г. Ассоциации Стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Декларация АСЕАН была подписана 9 августа 1967 г. в Бангкоке министрами иностранных дел пяти государств: Индонезии, Малайзии, Сингапур, Таиланда и Филиппин. Перед ассоциацией ставились следующие цели:

1. ускорение темпов экономического роста, социальное и культурное развитие региона.

2. поддержание мира в регионе, путем сотрудничества между государствами, основанного на идеях справедливости и взаимоуважения.

Важно еще раз отметить, что первоначально АСЕАН задумывалась как чисто экономическая структура, однако время показало, что многие действия ассоциации имели политическую подоплеку.

На тот момент основоположники организации выразили надежду на дальнейшее ее расширение в рамках всего региона. В 1984 г. в ассоциацию вошел Бруней, в 1995 г. присоединился Вьетнам, в 1997 г. в состав вошли Лаос и Мьянма, а в 1999 г. Камбоджа.

В настоящее время в состав организации входят десять государств региона, численность населения которых составляет 8% от населения всего земного шара.

Фундаментальными принципами Ассоциации Стран Юго — Восточной Азии являются:

- Уважение прав государств на независимость, суверенитет, равенство, территориальную целостность.
- Национальное самоопределение.
- Невмешательство во внутреннюю политику государств — членов.
- Урегулирование разногласий только мирным путем.
- Отстранение от угроз применения силы.
- Эффективное сотрудничество между странами Ассоциации.

Процесс сближения двух региональных группировок вызывает интерес тем, что еще несколько лет назад он казался невозможным. Никогда еще Запад и Восток так тесно не взаимодействовали на политическом, экономическом, социальном уровнях. Диалог, который был продиктован условиями растущей глобализации, затрагивает практически все сферы жизнедеятельности общества.

В этом процессе участвуют, с одной стороны «старушка» Европа со своими вековыми традициями, политическими и экономическими устоями и стереотипами материализовавшаяся в лице ЕС, а с другой — динамично развивающийся Восток, в лице АСЕАН объединившем практически весь ЮВА и СВА.¹

Автор задается целью проследить весь процесс сближения, казалось бы, совершенно разных интеграционных образований и по возможности выявить основные элементы уникальности этого явления.

¹ Северо — Восточная Азия

- Первым шагом на пути установления диалога между Востоком и Западом были:
- создание смешанной рабочей группы АСЕАН — ЕЭС для изучения путей сотрудничества в 1975 г.
 - первая встреча на уровне министров в ноябре 1978 г.
 - в 1980 г. состоялось подписание договора о сотрудничестве, таким образом, ЕЭС стал первым формальным партнером АСЕАН на международной арене.
 - в 1994 г. состоялась встреча на уровне министров иностранных дел, на которой было принято решение, обозначающее новый этап в развитии диалога ЕС- АСЕАН.

Началом же полноценного сотрудничества стал первый форум АСЕАН — ЕС, по кооперированию в сфере политики, экономики и культуры. Форум получил название Asia — Europe Meeting (ASEM). Постоянными участниками форума стали 15 стран — членов ЕС, семь государств-членов АСЕАН, а также Китай, Южная Корея и Япония.

Причинами к проведению первого саммита ASEM являлись:

1. Временная нестабильность в мире, вызванная разрушением биполярной системы МО и переходом к многополярности, что создало ситуацию неопределенности.
2. Демилитаризация.
3. Необходимость диалога между двумя влиятельными структурами.
4. Стратегия ЕС по проникновению на азиатский рынок.
5. Для стран АСЕАН был необходим доступ на европейский рынок.
6. Необходимость в координировании усилий по созданию контрбаланса.
7. Новый мировой экономический порядок.

Однако, предмет настоящей статьи — анализ начального этапа установления диалога между АСЕАН и ЕС.

Контакты между странами АСЕАН и предшественницей ЕС — Европейским Экономическим Сообществом (ЕЭС) осуществлялись в рамках, так называемого, «диалога АСЕАН — ЕЭС». Важно отметить, что на различных этапах переговоров формы «диалога» изменялись в зависимости от поставленных задач.

Страны Западной Европы, в том числе и бывшие метрополии, после краха колониальной системы перестали играть значимую роль во внутренней жизни стран — членов АСЕАН. В ЮВА их политическое влияние было подорвано либо национально-освободительными движениями, либо ведущими экономическими державами АТР — США и Японией, которые рассматривались странами АСЕАН в качестве главных партнеров, а Япония, кроме того, и как пример для подражания.

Однако ставка АСЕАН на эти страны в известной мере себя не оправдала, с одной стороны из-за недостаточного интереса США к развитию экономического сотрудничества с регионом и, с другой — из-за стремления Японии извлечь из отношений со странами Ассоциации исключительно односторонние выгоды. Таким образом, руководители АСЕАН обратились к Европейскому Экономическому Сообществу, и постепенно торгово-экономические связи между ними стали все более активными.

Период установления диалога между АСЕАН и ЕЭС пришелся на 1971 — 1984 годы, именно этот этап стал основополагающим в развитии сотрудничества между двумя региональными группировками.

В начальный период контакты между государствами ЮВА и странами ЕЭС не носили регулярного характера и осуществлялись эпизодически для обсуждения отдельных спорных вопросов.

Первоначально ЕЭС стремилось активизировать контакты с каждой страной ассоциации по отдельности. Однако под нажимом этих стран, а так же в виду борьбы развивающихся стран за новый экономический порядок, ЕЭС согласилось иметь дело с АСЕАН как организацией, рассматривало налаживание диалога, в качестве возможности расширения своего присутствия в Юго-Восточной Азии.

Контакты между отдельными представителями двух группировок имели место еще на самом раннем этапе существования АСЕАН, однако, поскольку ассоциация находилась в стадии становления, они не привели к каким-либо конкретным результатам.

Впервые представители ЕЭС и АСЕАН провели переговоры осенью 1971 г. в Перу. Итогом этих переговоров стала заметная активизация контактов между двумя региональными образованиями, таким образом, уже с 1972 г. высокопоставленные представители обеих группировок стали регулярно посещать страны Европы и ЮВА с рабочими визитами.

Стала проявляться заметная заинтересованность в упрочнении отношений и придании им постоянной основы, в этой связи странами АСЕАН в июне 1972 г. был учрежден специальный координирующий комитет, задачей которого стала выработка согласованной политики в отношении государств ЕЭС. В состав комитета вошли министры торговли пяти стран. Первым председателем этого комитета стал Сумитро — министр торговли Индонезии. Штаб-квартира координационного комитета располагалась в Бангкоке. Основной задачей функционирования комитета было налаживание поставок товаров, производимых в странах АСЕАН на рынки европейских стран.

16 июня 1972 г. в Брюсселе при штаб-квартире ЕЭС был создан, еще один, специальный комитет АСЕАН, в состав которого вошли послы пяти стран аккредитованных в Бельгии. В его функции входило поддержание постоянных контактов с комиссией ЕЭС.

В декабре 1973 г. группа специалистов из стран сообщества посетила Таиланд, Индонезию и Филиппины.

В апреле 1974 г. состоялась конференция. На тот момент постоянным представителем ЕЭС на встречах с руководителями ассоциации был избран один из трех заместителей председателя ЕЭС, заведующий отделом внешних сношений Кристофер Сауме.

24 — 25 сентября 1974г. в Джакарте состоялась третья неофициальная встреча между министрами стран АСЕАН и делегацией ЕЭС под руководством Кристофера Сауме. На встрече обсуждались возможности расширения сфер сотрудничества между АСЕАН и ЕЭС. Стороны обменялись мнениями касательно взаимовыгодности политики ЕЭС направленной на расширение возможностей торговли со странами, не являющимися членами сообщества, проекты региональной интеграции. Были затронуты вопросы состояния мировой экономики, развития АСЕАН, проведены многосторонние переговоры о развитии торговых отношений, а также была выдвинута Общая Система Предпочтений.²

Подчеркивая нестабильность мировой экономической системы, стороны сошлись во мнении, что в этой системе должны оперировать не только развитые страны, но и развивающиеся, учитывая растущую независимость их экономик. Было акцентировано внимание на том вкладе, который должны были внести в развитие международной торговли, а также международных экономических отношений, Общая Система Предпочтений и многосторонние переговоры о развитии торговых отношений. Особенно акцентировалось внимание на важности внедрения Общей Системы Предпочтений развитыми странами.

На встрече было достигнуто принципиальное соглашение о создании совместной рабочей группы для дальнейшего развития отношений между АСЕАН и Европейским Экономическим Сообществом.

² Generalized System of Preferences (GSP).

Организационные формы отношений между сторонами получали дальнейшее развитие по мере нарастания круга затрагиваемых вопросов. В 1975 г. была создана совместная рабочая группа.

*Совместная рабочая группа*³ должна была стать своего рода механизмом, благодаря которому стороны можно было бы исследовать те сферы совместной деятельности, в которых существовала необходимость расширения и активизации сотрудничества, а так же активизация диверсификации.

Полученные результаты могли бы стать полезными для дальнейшего развития стран АСЕАН и послужить поводом для размышлений о ситуации в ЕЭС.

В июле 1975 г., во время визита в страны ЮВА официальной европейской парламентской делегации, правительства стран — участниц АСЕАН обратились к руководству ЕЭС с просьбой о предоставлении членам Ассоциации преференциальных таможенных тарифов на более льготных условиях, чем действовавшие в соответствии с Генеральной таможенной тарифной системой (ГАТТ).

В просьбе содержалось пожелание установить таможенные тарифы максимально приближенные к особым тарифам, уже предоставленным 46 африканским странам, странам Карибского бассейна и Тихого океана.

В 1976 г. была запущена программа по обмену молодыми специалистами в сфере управления, призванная привлечь молодых профессионалов к изучению особенностей бизнеса и обмену опытом.

В 1977 г. состоялась Первая Промышленная Конференция, на которой обсуждались возможные области сотрудничества.

На отчетных заседаниях совместной рабочей группы, проводимых поочередно в Брюсселе и столицах азиатских государств, разрабатывались планы подготовки и проведения акций, призванных помочь процессу развития кооперирования между представителями бизнес кругов стран АСЕАН и ЕЭС. В рамках этой программы состоялся ряд семинаров по передаче технологий: в 1977 г. в Сингапуре, в 1978 г. в Куала-Лумпуре, в 1979 г. в Паттайи.

В июне 1977 г. Совет Министров Сообщества утвердил структуру ведения диалога со странами АСЕАН. Кроме вышеупомянутых встреч в рамках совместной рабочей группы, проводились регулярные заседания Комитета постоянных представителей стран — членов ЕЭС, а также представителей Комиссии с послами пяти стран АСЕАН, аккредитованных в Брюсселе.

В целом 1977 г. был богат на события, повлиявшие на укрепление и углубление сотрудничества между двумя региональными группировками.

В феврале 1977 г. состоялась специальная встреча министров иностранных дел стран — членов АСЕАН, на которой было заявлено о налаживании постоянного контакта с Советом Министров ЕЭС и комитетом парламентских представителей, благодаря этим контактам АСЕАН получила возможность сделать заявления против нарастающего протекционизма стран ЕЭС.

Одной из важнейших вех в диалоге между двумя организациями явилась, проведенная в Брюсселе в апреле 1977г. встреча высокопоставленных представителей АСЕАН и ЕЭС. На встрече бывшего вице-канцлера Германии и министра иностранных дел Ганса-Дитриха Геншера с бывшим министром иностранных дел Таиланда, который являлся председателем Постоянного Совета АСЕАН Упадитом Панчариянгуном было принято решение о том, что регулярные встречи АСЕАН и ЕЭС должны были проводиться на министерском уровне. Эта встреча положила начало процессу, основными элементами которого были регулярно проводимые совещания между представителями

³ Joint Study Group (JSG)

сторон. АСЕАН на встрече представляли министры, крупные промышленники, бизнесмены, банкиры, руководители государственных и полу государственных компаний.

От ЕЭС участвовали представители крупного бизнеса, банкиры, а так же официальные лица аппарата ЕЭС.

Встреча в Брюсселе примечательна тем, что в сложившейся обстановке, пять стран — членов АСЕАН впервые вступили единым фронтом, требуя от ЕЭС отказа от протекционистской политики.

Тогдашний министр иностранных дел Сингапура С. Раджаратнам на пресс-конференции прямо указал на то, что АСЕАН стремиться развить торговлю с ЕЭС с целью уменьшения зависимости от Японии.

Не менее важным событием в развитии связей между ЕЭС и АСЕАН была, состоявшаяся 21 ноября 1978 г. новая встреча АСЕАН — ЕЭС в Брюсселе. Уникальность этой встречи заключалась в том, что впервые она проводилась на уровне министров иностранных дел. Министры иностранных дел стран АСЕАН и их европейские коллеги обменялись мнениями касательно насущных региональных и международных вопросов. Они еще раз подчеркнули свой призыв к поддержанию мира, международному сотрудничеству и взаимопониманию, развитию мировой экономики и социальному равенству.⁴

Министры иностранных дел стран — членов ЕЭС положительно отозвались о благоприятном пути развития АСЕАН как региональной организации действующей в интересах поднятия экономики, социального и культурного развития. Они выразили свое восприятие АСЕАН в качестве фактора стабильности и сбалансированности необходимой для поддержания мира в регионе Юго-Восточной Азии.

Министры иностранных дел стран АСЕАН и ЕЭС подчеркнули ту важность, которую они придают исполнению обязательств и развитию двусторонних отношений, подтвердили свое общее желание к расширению сотрудничества, основанного на принципах равноправного партнерства, взаимоуважения и двусторонней выгоды. Так же было высказано общее мнение о том, что данное сотрудничество должно действовать во благо населения, продвигая ценности социальной справедливости и прав человека.

Министрами было внесено предложение по принятию мер для сближения и налаживания взаимопонимания между населением двух региональных образований. ЕЭС выразило желание участвовать в программах развития АСЕАН, а также в деятельности связанной с развитием регионального сотрудничества.

На встрече был принят ряд решений связанных с совместной деятельностью в международных отношениях:

- представители АСЕАН и ЕЭС вновь подтвердили свою решительную поддержку международной деятельности направленной на установление нового экономического порядка.
- была подчеркнута необходимость согласованного поиска решений основных, на тот момент, международных проблем, а также была достигнута договоренность о конструктивном сотрудничестве на предстоящей международной встрече в Маниле, которая должна была состояться в мае 1979 г.
- стороны согласились в необходимости скорейшего применения на практике договоренностей, достигнутых по результатам Конференции по Международному Экономическому Сотрудничеству, состоявшейся в мае 1977г., особенно в части политики товарооборота. Так же министры договорились о более тесном сотрудничестве по созданию условий для заключения индивидуальных соглашений о товарообороте.

⁴ Joint Declaration The ASEAN-EC Ministerial Meeting. Brussels, 21 November 1978

- АСЕАН и ЕЭС договорились о необходимости поддержания условий для свободной торговли в целях восстановления мировой экономики с помощью расширений торговых отношений.

- ЕЭС выразило свою осведомленность о специфических нуждах развивающихся стран, в частности членов АСЕАН и вновь подтвердило готовность в оказании помощи в поиске решений, которые могли бы удовлетворить все потребности.

Кроме того, на встрече были достигнуты соглашения о сотрудничестве в сферах:

- обмена опытом и информацией
- научного сотрудничества
- сотрудничества в области культуры.

Существенным событием на пути укрепления диалога стала, проведенная под эгидой КЕС⁵ — Вторая Промышленная Конференция, состоявшаяся в 27 — 28 февраля 1979 г. Местом для проведения конференции была выбрана Джакарта, участниками конференции стали 776 представителей АСЕАН и ЕЭС.

Организаторами конференции так же выступили четыре крупнейшие банковские группировки Западной Европы — «АБЕКОР», «ЭДИК», «Юропортперз» и «Интер альфа», которые объединяли 27 ведущих западноевропейских банков. В рамках конференции состоялось более 300 деловых встреч между ведущими, на тот момент, бизнесменами. По признанию вице-президента КЕС Хаферкампа, на конференции «был представлена самая авторитетная делегация КЕС из всех принимавших участие когда-либо в подобных дискуссиях» [Joint Press Release The Second ASEAN-EC Conference on Industrial Cooperation Jakarta, 26-28 February 1979].

На повестке дня конференции было пристальное рассмотрение следующих восьми отраслей промышленности:

1. химическая промышленность
2. электрическая и электронная отрасли промышленности
3. промышленная переработка сельскохозяйственной продукции
4. станкостроение и металлообработка
5. деревообрабатывающая промышленность
6. точное приборостроение
7. производство средств связи и транспорта
8. экспорт урожая.

Многообещающие результаты конференции убедили правительства АСЕАН и представителей КЕС в необходимости скорейшего претворения в жизнь принятых решений.

Благодаря встрече выявилась необходимость тесного сотрудничества частных секторов промышленности обеих экономических группировок.

В августе 1979 г. секретариат ЕЭС в Брюсселе установил прямую связь с секретариатом АСЕАН. В том же году в Бангкоке было учреждено постоянное представительство ЕЭС.

С 1979 года были установлены межпарламентские контакты. Тогда же в Страсбурге, а затем в апреле 1981 г. в Джакарте состоялись встречи делегаций европейского парламента и межпарламентской организации АСЕАН. По окончании второй встречи, было вынесено решение относительно ежегодных встреч парламентариев обеих сторон.

8 марта 1980 г. в Куала-Лумпуре состоялась вторая встреча на уровне министров иностранных. Особый интерес эта встреча вызывает своей политизированностью, вызванной сложившейся к этому периоду международной обстановкой. Основные дискуссии между министрами иностранных дел АСЕАН и ЕЭС касались обмена мнениями

⁵ Комиссии Европейских Сообществ

о развитии международных отношений, и накопившихся региональных проблем со времени предыдущей встречи 1978г.

Проанализировав сложившуюся международную обстановку, министры иностранных дел АСЕАН и ЕЭС выразили свои опасения по поводу возникновения новых источников угрозы поддержания мира, в то время как с трудом удалось преодолеть предыдущие. Они отметили, что основные источники напряженности и нестабильности располагаются на территории стран «Третьего Мира», где для развития экономики просто необходима атмосфера мирного международного сотрудничества.

Министры иностранных дел обеих региональных группировок высказали свое беспокойство касательно вооруженной иностранной интервенции на территории двух независимых азиатских государств. Речь шла о продолжающейся интервенции Вьетнама в Кампучии⁶ и введения вооруженных сил Советского Союза в Афганистан.

Такое использование силы расценивалось членами интеграционных образований, как акт насилия, противоречащий нормам международного права, следовательно, угроза мирному сосуществованию государств и безопасности⁷.

На встрече неоднократно звучали призывы к Мировому Сообществу вмешаться в сложившуюся ситуацию, изучить все возможные пути выхода, а так же оказания гуманитарной помощи населению.

Однако, встреча имела не менее важное значение, с точки зрения углубления сотрудничества, так 7 марта 1980г. было подписано соглашения о сотрудничестве между организациями в коммерческом, техническом и экономическом направлениях. Для содействия проведению различных мероприятий в рамках соглашения был создан совместный орган — Смешанный Комитет по Сотрудничеству⁸.

28 — 29 ноября 1980 г. в Маниле состоялась первая сессия Смешанного Комитета по Сотрудничеству, на которой страны АСЕАН представлялись министрами иностранных дел, а со стороны ЕЭС присутствовали заместитель председателя КЕС, а так же генеральный директор по внешним связям.

В сфере коммерческого сотрудничества комитет утвердил новую программу торгового сотрудничества АСЕАН, направленную на региональное развитие. Смешанный комитет отметил просьбу АСЕАН об усовершенствовании новой схемы Общей Системы Предпочтений ЕЭС и пересмотрел условия развития торговли текстилем и других товаров находящихся в сфере интересов АСЕАН.

Комитет еще раз подтвердил свою поддержку внедрения совместной программы касательно товарооборота между региональными образованиями.

В области экономического сотрудничества, комитет адаптировал план совместных действий с последующим созданием Бизнес Совета АСЕАН — ЕЭС.⁹ Сотрудничество в этой области планировалось расширить благодаря организации конференций представителей различных отраслей промышленности, так де предусматривалась поездка европейских специалистов в области горнодобывающей промышленности по странам АСЕАН в январе 1981 г.

Была утверждена программа сотрудничества в области науки, энергетики и технологий.

Очень важным было решение комитета по вопросу проведения семинара, который бы позволил странам АСЕАН изучить пути доступа на европейский рынок капиталов.

⁶ Кампучия — назв. государства Камбоджа в период 1976 — 1989 гг.

⁷ Joint Statement on Political Issues The Foreign Ministers of ASEAN Member States and Member States of the European Community Kuala Lumpur, 8 March 1980

⁸ Joint Cooperation Committee (JCC)

⁹ ASEAN-EEC Business Council

19 — 20 октября 1981 г. в Брюсселе была проведена вторая сессия смешенного комитета по сотрудничеству, с участием министров иностранных дел стран — членов АСЕАН. Министры встретились с председателем КЕС и его заместителем. По результатам сессии было подписано соглашение по учреждению комитета под названием «АСЕАН — Брюссель», в состав которого вошли послы пяти стран, аккредитованные при ЕЭС и эксперты КЕС. Комитет собирался ежемесячно для обсуждения вопросов сотрудничества между АСЕАН и ЕЭС. Работа осуществлялась в соответствии с решениями смешанного комитета по сотрудничеству.

В 1982 г. состоялся ряд очередных встреч представителей обоих интеграционных образований.

В июне министры иностранных дел АСЕАН провели переговоры с делегацией ЕЭС во главе с председателем совета министров ЕЭС Л. Тиндамансом. Такие встречи стали ежегодными в контексте встреч министров иностранных дел стран АСЕАН.

В конце 1982 г. состоялись три раунда переговоров по текстилю.

25 марта 1983 г. в Бангкоке имела место очередная встреча министров иностранных дел государств — членов АСЕАН и ЕЭС.

Стороны в очередной раз обменялись мнениями по широкому кругу вопросов, связанных с нестабильной экономической ситуацией, угроз миру, совместных усилий по решению поставленных перед региональными образованиями задач.

Обсуждая международную обстановку, стороны в очередной раз выразили свое недовольство политикой Вьетнама по отношению к Кампучии и Советского Союза в отношении Афганистане.

Эти конфликты рассматривались представителями Сообщества и АСЕАН как посягательство на суверенитет независимых государств, нарушение международного права, основополагающих принципов ООН, прав человека и права на самоопределение.

Серьезную озабоченность вызывала проблема беженцев, так как их основная масса нашла пристанище на территории стран — членов АСЕАН.

Министры сообщества положительно отметили усилия стран АСЕАН, которые столкнулись с большим притоком беженцев, по оказанию гуманитарной помощи и временному размещению переселенцев.

В свою очередь представители АСЕАН выразили свою благодарность странам Сообщества за оказание неоценимой двусторонней помощи беженцам, наряду с участием в гуманитарных программах ООН.

Встреча министров иностранных дел ЕЭС и АСЕАН не обошла стороной и серьезную ситуацию, связанную с установлением мира в зоне ближневосточного конфликта.

Министры были довольны положительной динамикой развития сотрудничества между парламентариями стран АСЕАН и ЕЭС. Была отмечена необходимость в дальнейшем расширении культурных связей между населением обеих группировок.

Что касается обмена мнениями и принятия решений в экономической сфере, министры выразили мнение, что существовавшие трудности еще раз подтверждали зависимость экономик стран Сообщества. Стороны подтвердили стремление к совместному поиску взаимовыгодных решений. Они так же сошлись во мнении, что только расширение сотрудничества может привести к оздоровлению мировой экономической системы.

- АСЕАН и Сообщество акцентировали внимание на необходимости дальнейшего поддержания благоприятных условий для международной торговли.

- министры положительно отозвались о тесном сотрудничестве, которое привело к большому прогрессу в сфере товарооборота. Они так же высказались за необходи-

мость приравнивания стоимости и установления стабильных цен на товары потребления на мировом рынке.

- для достижения поставленных целей и обеспечения эффективности своих усилий были подписаны международные договоры о торговле натуральным каучуком, оловом и кофе. Министры сошлись во мнении о необходимости стабилизации цен на сахар.

- министры подчеркнули важность создания Общего Фонда, который стал бы основным инструментом в объединенной программе обмена товарами.

- были заключены дополнительные соглашения о сотрудничестве в науке, развитии технологий, страхования, обмена опытом. Эти действия придали новый импульс отношениям между АСЕАН и ЕЭС.

В заключение встречи министры выразили удовлетворение деятельностью АСЕАН и ЕЭС как рычагов развития международного сотрудничества и поддержания мира в своих регионах.

В феврале — марте 1983 г. в Куала-Лумпуре состоялась промышленная конференция, посвященная сотрудничеству в области станкостроительной и инструментальной промышленности и промышленности по производству сельскохозяйственных машин. В конференции приняли участие более 130 крупных представителей европейского бизнеса.

В декабре 1983 г. состоялась встреча деловых кругов обеих группировок, с участием представителей торговых палат, в том числе 150 делегатов из стран ЕЭС. Результатом встречи явилось создание экономического комитета АСЕАН — ЕЭС. По мнению его создателей, этот форум должен был позволить бизнесменам двух регионов осуществлять более частые и регулярные контакты по вопросам о размещении инвестиций и торговым отношениям. Созданный комитет стал единственной в мире организацией, объединяющей две могущественные региональные группировки.

Первыми шагами в работе комитета стали три семинара по вопросам об инвестиционных возможностях, которые прошли в Париже, Лондоне и Бонне с 26 марта по 3 апреля 1984 г.

15 — 16 октября 1984 г. в Дублине состоялась 5 — юбилейная встреча министров иностранных дел стран — членов АСЕАН и ЕЭС.

Эта встреча прошла под знаком подведения итогов за прошедшие пять лет сотрудничества, которое по признанию сторон продвигалось лишь в позитивном ключе.

Обсуждалась международная обстановка, вновь звучали протесты против введения советских войск в Афганистан, ситуация в Кампучии, проблема вынужденных переселенцев.

Выявилась новая сфера сотрудничества, а именно координация усилий по борьбе с наркоманией и наркотрафиком.

На встрече в Дублине представители Ассоциации вновь заявили о заинтересованности в дальнейшем расширении связей с ЕЭС в качестве противовеса влиянию Японии и США.

Представители Европейского Сообщества высоко оценили применение Общей системы преференций, и заверили, что во второй фазе, начиная с 1986 по 1990 гг. будут учтены интересы и потребности стран АСЕАН, необходимые для увеличения их экономической прибыли.

С этого времени участились встречи и семинары, которые организовывались ЕЭС для представителей бизнеса, руководящих работников различных ведомств и министерств государств — членов АСЕАН, с целью их ознакомления с некоторыми аспектами политики ЕЭС, возможностями развития сотрудничества в выделенных областях.

В связи со вступлением в ЕЭС Греции, Испании и Португалии в 1982 году в Афинах был организован дополнительный семинар для бизнесменов из стран АСЕАН, с целью ознакомить их с товарами и финансовыми рынками этих государств.

Таким образом, в период с 1972 г. по 1984гг. диалог ЕЭС — АСЕАН вышел на качественно новый уровень. Был расширен диапазон вопросов затрагиваемых на встречах, а также повышен представительский уровень.

Экспорт стран АСЕАН в страны ЕЭС достиг в 1984 г. внушительной суммы — 9,5 млрд. долларов США, что отражало рост физического объема вывоза и его высокие темпы. Заметно возросла в экспорте доля продукции обрабатывающей промышленности, составив к середине 80-х годов свыше 46% всех товаров реализуемых в странах «Общего рынка».

В условиях обострения противоречий между США, Японией и ЕЭС в борьбе за рынки сбыта и источники сырья, «Общий рынок» стремился укрепить свои позиции в странах Ассоциации. Для ЕЭС — это был выход на Азию, своего рода азимут экономики и политики.

Что касается АСЕАН, то она рассматривала страны ЕЭС в качестве возможного источника крупных инвестиций и перспективного партнера по торгово-экономическому сотрудничеству, благодаря которому ассоциации удалось бы диверсифицировать свои внешнеэкономические связи и уравновесить, за счет «Общего рынка», доминирующие позиции США и Японии в этом регионе.

Кроме того, для АСЕАН сотрудничество с ЕЭС было недостающим звеном в налаживании трех векторов взаимоотношений, своеобразного «треугольника»: АСЕАН — Япония, АСЕАН — США и АСЕАН — ЕЭС (в последствии ЕС), который позволял странам — членам рассчитывать на гарантии защиты от растущей в тот период коммунистической угрозы в Юго-Восточной Азии, в частности Китая.

Литература

1. Жаров В.А. АСЕАН: политика и экономика. М., «Наука», 1982.
2. Журавлева Е.С., Малетин Н.П., Со Ми Э «СССР/РФ — АСЕАН (1967 — 2002гг.)». М., МГИМО(У), 2003.
3. Малетин Н.П. «АСЕАН: три десятилетия внешней политики (1967 — 1997гг.)». М., МГИМО(У), 1999.
4. Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М., Восточный Университет, 2004.
5. Letta G.M. ASEM's Future. Bologna, 2002.

Источники:

1. Joint Statement Informal Meeting of the ASEAN Minister and Vice President and Commissioner of the EC-Commission. Jakarta, 24-25 September 1974
2. Joint Communique Of The Eighth ASEAN Ministerial Meeting. Kuala Lumpur, 13-15 May 1975
3. ASEAN-EUROPEAN UNION DIALOGUE (general background)
4. Joint Declaration The ASEAN-EC Ministerial Meeting. Brussels, 21 November.
5. Joint Press Release The Second ASEAN-EC Conference on Industrial Cooperation. Jakarta, 26-28 February 1979
6. Joint Statement on Political Issues The Foreign Ministers of ASEAN Member States and Member States of the European Community. Kuala Lumpur, 8 March 1980.
7. Joint Declaration The Fourth ASEAN-EC Ministerial Meeting. Bangkok, 25 March 1983
8. Joint Declaration The Fifth ASEAN-EC Ministerial Meeting. Dublin, 15-16 October 1984

Е.И.Куковицкая (МосГУ)
АВСТРИЯ И НЕПРИСОЕДИНИВШИЕСЯ СТРАНЫ

В XX веке произошло резкое ускорение развития человечества. Технологические и технические прорывы полностью изменили условия жизнедеятельности людей. Не менее радикальные сдвиги наблюдались и на мировой арене. Распались некогда могущественные империи. Перестали существовать, казалось бы, на века сколоченные государства.

Ценой двух самых кровопролитных в истории войн человечество выстрадало надежду на стабильный и справедливый миропорядок. Но путь к нему стал сложнее и длиннее, чем многим казалось в середине столетия, после победы над фашизмом.

Главная веха на этом пути — прекращение «холодной войны» между двумя противостоящими друг другу по идеологическим соображениям системами государств. Многие причины, в том числе и субъективного характера, привели к тому, что перестал существовать Советский Союз. Его преемницей стала деидеологизированная Россия, ослабленная по сравнению с СССР, но сохранившая позиции одного из основных «игроков» на международной арене и не утратившая потенциала могущества и авторитета.

Что касается другого блока, сформировавшегося для ведения «холодной войны», то он продолжает существовать, очень медленно меняя свою суть. А его лидер — Соединенные Штаты Америки — всё еще инерционно движется в русле «сверхдержавизма».

Появляются и новые мировые «центры силы». Среди них огромный и быстро накачивающий экономические мускулы Китай.

Эта картина не позволяет полностью перечеркнуть возможность глобальной конфронтации — теперь уже на геополитической основе. Однако вероятность такой конфронтации резко снижена, тем более что различные проявления в экономике, науке, технике «стягивают» земной шар. Очень важно, что наряду с этим существует политическая перспектива объединения усилий всех активных игроков на мировой арене для укрепления международной безопасности и борьбы как с доставшимися в наследство, так и новыми вызовами: опасными локальными конфликтами, экстремизмом, облекающим себя в религиозные одежды, терроризмом, сращивающимся с сепаратизмом, расширяющимся разрывом между «золотым миллиардом» и остальным миром.

Наибольшая группа развивающихся стран — неприсоединившиеся государства. Австрия имела большой опыт сотрудничества со многими из них.

В международных отношениях «неприсоединение» появилось в виде внешнеполитической доктрины развивающихся стран и вылилось в межгосударственное политическое объединение — Движение неприсоединения.

Значительное влияние на Движение неприсоединения оказали «холодная война» и резкая поляризация мира на два полюса — Запад и Восток. Лидеры государств «третьего мира» стремились оставаться за пределами противоборства двух мировых систем.

Изначально идея неприсоединения не имела ничего общего с пассивностью на мировой арене или изоляцией от внешних глобальных проблем. Неприсоединение предполагало самостоятельность внешнеполитического курса, независимость от центров биполярного мира — СССР и США. Одновременно неприсоединение гарантировало возможность широкого сотрудничества развивающихся государств со всеми странами и народами на равноправной основе. Доктрина неприсоединения давала возможность странам «третьего мира» сохранять за собой свободу выбора внешнеполитической ориентации. Эта доктрина открывала также возможность для политического ма-

неврирования на мировой арене, получения экономической помощи извне на приемлемых условиях и выгодную внешнюю политику.

Одна из главных целей Движения неприсоединения — обеспечение независимости каждого государства-участника, создание для этого необходимых условий, прежде всего, атмосферы международного мира и сотрудничества. Но такие же идеи и задачи свойственны и другим странам, в том числе Австрии. Отсюда исходила заинтересованность Австрийской республики в налаживании контактов с Движением неприсоединения.

Движение неприсоединения, как известно, родилось в середине 50-х годов прошлого века. В апреле 1955 года в городе Бандунге (Индонезия) состоялась конференция стран Азии и Африки, на которой была принята Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству на основе следующих принципов:

- 1) уважение основных прав человека, а также целей и принципов ООН;
- 2) уважение суверенитета и территориальной целостности стран;
- 3) призывание равенства всех рас и равенства всех наций;
- 4) воздержание от интервенции и вмешательства во внутренние дела другой страны;
- 5) уважение права каждой страны на индивидуальную или коллективную оборону в соответствии с Уставом ООН;
- 6) воздержание любой страны от оказания нажима на другие страны;
- 7) воздержание от актов или угроз агрессии или применения силы против территориальной целостности или политической независимости любой страны;
- 8) урегулирование всех международных споров мирными средствами;
- 9) содействие взаимным интересам и сотрудничеству;
- 10) уважение справедливости и международных обязательств.

Десять принципов Бандунгской конференции получили широкое признание в политическом мире и стали важным вкладом молодых государств в международную безопасность. Конференция знаменовала собой выход на международную арену группы стран с самостоятельной платформой и принципами, которые не противоречили Уставу ООН.

Движение неприсоединения было пёстрым по составу и географически разбросанным. Почти все страны-участники Движения входили в региональные и субрегиональные организации и подчинялись требованиям их уставов. Многие государства являлись членами Лиги арабских государств, другие входили в Организацию африканского единства, третьи — в Организацию исламской конференции и так далее. И тем не менее, Движение неприсоединения давало возможность его участникам почувствовать независимость и полное равенство в международных отношениях. Ни одна международная организация не предоставляла таких возможностей странам «третьего мира». Движение не носило надгосударственный характер, не получило строгой иерархии, не было обременено сложными процедурами и правилами. Это движение не имело аналогов в мире.

Несомненно, что лидеры Движения многое заимствовали у других международных организаций и движений. Но в основе выработки и совершенствования механизма Движения лежала собственная практика. Постепенно Движение неприсоединения обросло множеством различных органов. В его структуру входили: Конференция глав государств или правительств; страна-координатор и председатель движения; конференция министров иностранных дел; совещание министров иностранных дел; группа неприсоединившихся стран в ООН; Координационное бюро; экономические, социальные, информационные и другие органы.

Конференция глав государств или правительств неприсоединившихся стран являлась высшим органом Движения. На конференциях анализировалась и оценивалась международная обстановка, определялись главные проблемы текущего момента. Исходя из анализа мировых проблем, Конференция определяла главные направления политики неприсоединения. Такие конференции созывались один раз в три года.

В работе конференций принимали участие представители стран, имевших статус неприсоединившихся, а также представители от стран наблюдателей с 1961 года и гости с 1970 года. Фактическое различие между названными статусами заключалось в том, что полноправные члены участвовали в принятии решений, а наблюдатели и гости только присутствовали на заседаниях. Важно подчеркнуть, что принятые решения не являлись обязательными к выполнению ни для гостей, ни для наблюдателей, ни для равноправных членов Движения неприсоединения.

Впервые Австрия вступила в контакт с Движением неприсоединения в 1962 году, когда австрийская делегация в ООН в качестве наблюдателя приняла участие в консультациях сорока неприсоединившихся государств по вопросу об эскалации кубинского конфликта.

По внешнеполитическим соображениям Австрия не приняла приглашения участвовать в первых двух конференциях неприсоединившихся государств, а присутствовала лишь на третьей конференции на высшем уровне в сентябре 1970 года в Лусаке, отмечали авторы официального издания Федеральной службы печати Австрии — «Австрия постоянно нейтральная страна». Об этом писал и австрийский дипломат П.Янкович. Однако в документах Движения неприсоединения этот факт не отражён; австрийская делегация, опять же, судя по документам, впервые присутствовала в качестве гостя на подготовительной встрече министров иностранных дел в Джорджтауне (Гвиана) в начале августа 1972 года. Кстати, это была единственная правительственная делегация, имевшая статус гостя. Авторы австрийского издания «Материалы об Австрии» пишут: «Ввиду того, что Австрия, учитывая свой статус нейтральной страны, не могла стать членом Движения неприсоединения, но и не хотела приобрести статус наблюдателя, так как это зачастую рассматривалось как первый шаг на пути к полному членству, для неё был создан специальный статус гостя. В этом чётко отражалось отличие в международно-правовой позиции между нейтральной Австрией и неприсоединившимися государствами, а заодно ясно демонстрировалось уважение, с которым неприсоединившиеся страны относятся к Австрии и желают её участия на своих конференциях».

На Конференции глав государств или правительств Движения неприсоединения австрийская правительственная делегация присутствовала впервые в качестве гостя в Алжире (сентябрь 1973 года; IV Конференция). На этой конференции был принят ряд очень важных политических и экономических решений: Политическая декларация, Декларация о национально-освободительной борьбе, Экономическая декларация и другие.

В Экономической декларации констатировалось: «Третий мир», население которого составляет 70% от общего числа людей земного шара, существует лишь на 30% мирового дохода. Более 800 млн. из 2600 млн. жителей развивающихся стран неграмотны, почти 1 млрд. страдает от недоедания и голода, а дневной доход 900 млн. составляет менее 30 американских центов».

Именно борьба за установление нового международного экономического порядка, предполагавшего экономическую деколонизацию развивающихся стран и установление эквивалентного обмена с индустриально развитыми государствами, стала важной сферой приложения сил Движения неприсоединения.

На экономике молодых государств тяжело отражались неблагоприятные торговые условия, вызванные в значительной степени протекционистскими барьерами, воздвигнутыми западными странами. Такая политика вела к сокращению экспортно-импортных операций, рынков сбыта сельхозпродуктов и сырья. Одновременно неприсоединившиеся страны испытывали трудности продовольственного снабжения. Развивающийся мир попадал во всё большую зависимость, беднейшие государства находились на грани массового голода.

Проблемы урегулирования международной торговли, колоссальной внешней задолженности развивающихся стран, перестройки валютно-финансовой системы с учётом интересов освободившихся государств — всегда находились в центре внимания неприсоединившихся стран.

Движение неприсоединения выступило консолидировано за широкое международное признание права самостоятельно выбирать пути своего движения вперёд, осуществлять и укреплять национальный суверенитет над природными ресурсами и экономической деятельностью.

Экономическая стратегия Движения неприсоединения была направлена, прежде всего, на перестроение существовавших внешнеэкономических отношений развивающегося мира с развитыми странами на принципах самостоятельности и равноправия, на усиление позиций развивающихся стран во всех областях международной жизни, установление партнёрских отношений в принятии решений по мировым экономическим проблемам.

Основой экономической программы Движения неприсоединения стали решения четырёх Конференций глав государств или правительств неприсоединившихся стран (1973 год — Алжир, 1976 год — Коломбо, 1979 год — Гавана, 1983 год — Дели). Решения этих конференций были общей платформой экономической политики неприсоединившихся стран. В работе всех упомянутых конференций в качестве гостя принимала участие австрийская делегация.

Австрия в целом поддерживала экономическую политику Движения неприсоединения. Хотя при этом она обращала внимание на то, что развивающиеся страны постоянно настаивали на создании льготного режима только для себя в сфере международной торговли, финансов, кредитов, продовольственного снабжения. Делая акцент на уступки развитых стран, они не предоставляли каких-либо ответных уступок этим развитым странам, не проводили либерализации импорта из развитых стран, всё жёстче использовали меры протекционистского порядка в интересах развития их национальных экономик, одновременно требуя для себя всё новых льгот и преимуществ, которыми пользовались страны-участницы экономических группировок развитых стран.

Бруно Крайский в мае 1975 года с недоумением констатировал, что страны, владевшие лишь источниками сырья, но не имеющие развитой промышленности для переработки, требовали всё больше денег или потребительских товаров. Вместе с тем, индустриальные страны, рассуждал Крайский, ныне переживают экономическую депрессию, которая легко может перерасти в затяжной кризис; в этом случае развивающиеся страны вообще не будут ничего получать за своё сырьё, поскольку промышленность европейских стран уже не будет в нём нуждаться по причине своего кризисного состояния.

Полицентричность Движения неприсоединения, неоднородность его участников предполагали широчайшую сферу сотрудничества во всех областях, а не только экономической. Особую активность неприсоединившиеся страны проявляли в области укрепления мира, международной безопасности и всеобщего разоружения. Движение вносило заметный вклад в стабилизацию международных отношений.

Борьба неприсоединившихся стран за всеобщее и полное разоружение сочеталась с усилиями по урегулированию конфликтов в развивающемся мире. В качестве одной из важных мер уменьшения угрозы ядерной войны, предотвращения распространения гонки вооружений неприсоединившиеся страны видели создание безъядерных зон и зон мира. Лидеры Движения неприсоединения выработали основные принципы создания таких зон безопасности. Обязательства по созданию безъядерных зон могли брать на себя как отдельные страны, так и группы стран, разделявшие основные принципы. Инициатива по созданию таких зон могла исходить от государств региона, в котором создаётся безъядерная зона, а эффективная система международного контроля должна была обеспечить прозрачность действий по очистке территорий от ядерного оружия.

В условиях поиска партнёров в борьбе за свои основные цели Движение неприсоединения пошло на установление политических контактов и совместные акции с нейтральными государствами Западной Европы. Эти государства проявили готовность к сотрудничеству с неприсоединившимися странами, стремясь при этом повысить свой политический вес на международной арене и обрести большую самостоятельность в рамках Западной Европы.

С целью более глубокого изучения характера и деятельности Движения неприсоединения не только Австрия, но и Швеция, Финляндия, Швейцария присутствовали в качестве гостей на Конференциях глав государств и правительств неприсоединившихся стран.

Наибольшего развития сотрудничество нейтральных и неприсоединившихся государств достигло в деле борьбы за разрядку в Европе. В Хельсинки и Белграде эта группа стран выступала с отдельными предложениями в основном редакционного характера. В Мадриде, уже на первом этапе встречи они предоставили, подготовленный делегацией Австрии, Кипра, Лихтенштейна, Сан-Марино, Финляндии, Швеции, Швейцарии и Югославии, проект был с некоторыми оговорками одобрен большинством участников в качестве основы для завершающей стадии ведения переговоров.

Следует ещё раз напомнить, что на Мадридской встрече группа нейтральных и неприсоединившихся стран взяла на себя посредническую миссию для продолжения общеевропейского процесса. В марте 1983 года на рассмотрение участников Мадридской встречи был представлен окончательный проект итогового документа, подготовленный этой группой. Шесть нейтральных и неприсоединившихся стран-участниц СБСЕ — Австрия, Финляндия, Югославия, Сан-Марино, Швеция, Кипр — обратились к остальным участникам совещания с призывом как можно скорее довести до положительного завершения Мадридскую встречу, так как дальнейшее её затягивание может привести к эрозии основополагающих целей и задач СБСЕ.

VII Конференция глав неприсоединившихся стран приветствовала вклад нейтральных и неприсоединившихся стран в процесс обеспечения безопасности и сотрудничества в Европе и сделала вывод о том, что деятельность их является позитивным фактором в европейских отношениях.

К концу 70-х — 80-х годов политическая активность нейтральных государств Европы и неприсоединившихся стран наблюдалась не только при обсуждении и поиске решения европейских проблем, но и на глобальном уровне, в первую очередь в борьбе за всеобщее и полное разоружение. Свидетельством тому являлся план всеобщей программы разоружения, подготовленный ко второй специальной сессии ООН по разоружению группой из 21 неприсоединившейся и нейтральной страны. Этот план, разработанный в рамках Комитета по разоружению, содержал предложения о постепенном, поэтапном сокращении как ядерных, так и обычных вооружений, а также требования о

ликвидации всех иностранных военных баз и военного присутствия на чужих территориях.

В 70-х — 80-х годах Движение неприсоединения укреплялось. Оно набрало такой запас прочности, что международное сообщество больше не могло решать крупные проблемы без учёта мнения неприсоединившихся стран. В эти годы неприсоединившиеся государства составляли большинство в ООН и являли собой важную политическую силу, от которой нередко зависело принятие или отклонение решений на сессиях Генеральной ассамблеи ООН. Группа неприсоединившихся стран играла в ООН активную и влиятельную роль. Она нередко выступала инициатором принятия не только отдельных резолюций, но и инициировала созыв специальных сессий Генеральной ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН.

Нейтральные страны заботливо поддерживали контакты с авторитетным политическим и межгосударственным движением. Австрия присутствовала в качестве гостя на Белградской конференции министров иностранных дел неприсоединившихся стран в июле 1978 года, на VI Конференции глав государств или правительств в Гаване в сентябре 1979 года, на Конференции министров иностранных дел неприсоединившихся стран в феврале 1981 года в Дели, на VII Конференции глав государств или правительств в 1983 году в Дели. Таким образом, хотя Австрия и имела ограниченные отношения со странами «третьего мира», писал П.Янкович, она всё-таки внесла свой вклад в налаживание отношений между нейтральными и неприсоединившимися странами.

При этом надо заметить, что Австрия «не заигрывала» с неприсоединившимися странами. Она смело подвергала резкой критике те из них, которые, по её мнению, отходили от взятых на себя обязательств участника Движения неприсоединения. Австрия напоминала им об их политической ответственности. Так, в частности, Австрия осуждала политику Кубы на юге Африки, сводившуюся к военному участию на стороне одного из воюющих государств; между тем Куба являлась одним из лидеров Движения неприсоединения.

В Австрии и в других нейтральных странах по-разному оценивали последствия дальнейшего развития контактов между Движением неприсоединения и нейтральными странами. С одной стороны, отмечалась важность совместных выступлений; с другой стороны, высказывались опасения, что развитие более тесных отношений с Движением может привести к радикализации традиционного внешнеполитического курса европейских нейтральных государств. Поэтому, считали многие выходцы из нейтральных стран, совместные политические шаги следовало предпринимать с неприсоединившимися странами, занимавшими центристскую позицию. Кроме того, европейские нейтральные государства подчёркивали тот факт, что они не разделяют многих положений программных документов движения неприсоединения, в первую очередь касающихся оценок «действий империализма» в мире.

Говоря о самостоятельности неприсоединившихся стран, всё же надо заметить, что она была условной. Уже с начала 70-х годов лидеры Востока и Запада начинают всячески демонстрировать своё уважение к избранному молодыми государствами внешнеполитическому курсу, давать ему положительные оценки, высоко оценивать доктрину неприсоединения. Одновременно они поддерживали освободившиеся страны финансами, оружием, поставками продовольствия. В свою очередь, молодые государства проявляли известную расторопность, начинали склоняться к тому, кто больше окажет услуг.

До момента развала Советского Союза между ним и США шла ожесточённая заочная борьба по «перетягиванию» на свою сторону Движения неприсоединения. У Востока и Запада были разные способы и методы, но цели были схожи: склонить на свою сторону хоть какую-нибудь часть членов этого движения.

С начала 90-х годов XX века с распадом СССР соперничество прекратилось. Страны неприсоединения стали подвергаться одностороннему давлению мировых держав и региональных лидеров.

На рубеже 90-х годов, в переходный период эволюции международных отношений от «холодной войны» к новому миропорядку. Движение неприсоединения оказалось на грани выживания, когда многие предрекали его полное исчезновение как реликта биполярного мира. Но Движение неприсоединения сумело выжить и доказать, что, хотя и зародилось в климате «холодной войны», отнюдь не является чистым продуктом конфронтации.

В настоящее время полноправными членами Движения неприсоединения являются более 110 государств (35 азиатских, 53 африканских, 21 — страны Латинской Америки и Карибского бассейна, 2 государства Океании), что без малого в 5 раз больше, чем сорок лет назад. Ещё 16 государств и ряд международных организаций имеют статус наблюдателя.

В Декларации, принятой на Конференции Движения неприсоединения в сентябре 1998 года в Дурбане (ЮАР), характеризуется роль Движения неприсоединения в современном мире «как передовой силы нового тысячелетия, знаменующего собой эру возрождения наций, эру Юга, эру оправдавшейся надежды».

Библиография

1. Движение неприсоединения в документах и материалах, М., 1973
2. Движение неприсоединения в документах и материалах, М., 1985
3. Österreich im Europarat 1956-1986. Wien. 1988
4. Österreichs Weg in der EG. Wien. 1988
5. Österreich und Europa. Wien. 1988
6. Gorbach A. Gedanken für Politik. Wien-Stuttgart-Zürich. 1962
7. Gruber K. Ein politische Leben. Wien. 1977
8. Kirchschräger R. Der Frieden beginnt in Eigenen Haus. Gedanken über Österreich. Wien-München-Zürich-Innsbruck. 1980
9. Kreisky B. Zwischen den Zeiten. Erinnerungen aus fünf Jahrzehnten. Berlin. 1986
10. Klaus J. Macht und Ohnmacht in Österreich. Wien-München-Zürich. 1971
11. Вальдхайм К. Австрийский путь., М., 1976
12. Raab J. Verantwortung für Österreich. Wien. 1961
13. Arbeiter-Zeitung. Wien
14. Europäische Rundschau. Wien
15. Spiegel. Hamburg
16. Zukunft. Wien
17. Международная жизнь, М.
18. Новое время, М.
19. Мировая экономика и международные отношения, М.
20. Aussenpolitik und Demokratie in Österreich. Wien. 1983
21. Die Ära Kreisky. Schwerpunkte der österreichischen Aussenpolitik. Wien-Zürich-München. 1983
22. Австрия — постоянно нейтральная страна. Вена. 1986
23. Агубаев Н.Ж. Проблемы нейтралитета в период подготовки Государственного договора. Автореф. дисс. канд. истор. наук, Л. 1985
24. Ворошилов С.И. К истории австрийского нейтралитета//Вестник ЛГУ, 1971, №2
25. Громько А.А. Избранные речи и статьи. М. 1984
26. Юданов Ю.И. Австрия и Евросоюз: противостояние// Мировая экономика и международные отношения. 2001. №2

О государе и его эпохе: Александр III в монографии «Сильный, державный...»

Монография И.Дронова «Сильный, державный», посвященная жизни и деятельности российского императора Александра III, закрывает брешь в историческом сознании, которую давно требовалось заделать. И с этой точки зрения жаль, что книга вышла маленьким тиражом. Массовое издание в данном случае, думается, было бы уместно и дало бы превосходный результат. Нужна была биография царя Александра III, написанная глазами представителя русского православно-патриотического государственничества. Дело сделано.

Коротко перечислим наиболее удачные моменты в монографии Дронова. Во-первых, снят покров восторженного преклонения перед временем правления Александра II, пышно именуемым в нашей исторической литературе «эпохой великих реформ». И.Дронов ясно и обоснованно показал: страна немало позиций сдала в экономической и политической сферах, рычаги управления во многом вышли из-под контроля государя; либеральное движение срослось с мерзейшими душегубами-террористами.

Во-вторых, столь же четко показаны достижения Александра III и его помощников. Правление этого государя внешне бедно событиями, мало эффектных деяний, громких манифестов, но настоящей государственной работы было произведено намного больше, чем в предыдущее царствование. И.Дронов выявил основные направления успешной деятельности правительства. Он показал прогресс в финансовой сфере — а это мало кто раньше замечал, особенно колоссальные достижения в банковском деле, в сокращении расходов на госаппарат. Он показал успехи в военной сфере — а перевооружение шло быстрее темпами, после смерти Александра III темпы замедлятся, качество и количество нового оружия и снаряжения, поступающего в армию и на флот, упадет. Он показал плоды деятельности императора в культурной и идеологической сферах — национально ориентированный сектор культуры пережил настоящий взлет. Войн Россия почти не вела, а успех ее в Средней Азии в период правления Александра III — очевиден.

Я не согласился бы лишь с избыточной резкостью в ряде суждения И.Дронова: фактический материал в руках историка всегда сильнее громких слов. Лучше было придерживаться ровного, уверенного тона, не срываясь на резкие обвинительные пассажи. Поспорил бы также с негативной оценкой проекта «Земского собора», предложенного царю министром внутренних дел Н.П.Игнатьевым. Этот проект недооценен современниками и потомками. Между тем, его автор был человеком умным и самоотверженным, в молодости он жизнью рисковал, исполняя разведывательную службу в Бухаре и Хиве (1858). А ныне идея Земского или народного собора обыгрывается заново, как проект по реализации 3-й статьи Конституции РФ (о прямом народовластии).

Д.М.Володихин

Александр III — ярчайшая личность русской истории, которая не раз привлекала и еще не раз привлечет внимание историков. Оценки его правления разнятся диаметрально, и каждый исследователь приводит свои резоны в пользу своих оценок. Сейчас перед нами работа исследователя русского консерватизма, кандидата исторических наук И.Дронова «Сильный, державный».

Написанная им монография привлекает с первого взгляда своими литературными достоинствами. Явление не столь уж частое в исторической науке — специалист умеет писать нормальным, человеческим и людям понятным русским языком. Отдель-

ные главы читаются как захватывающий роман. Но и те, в которых язык с неизбежностью «суше», вполне доступны пониманию и привлекают интерес даже непрофессионала. Могу сказать об этом с известной долей уверенности, поскольку все-таки узким специалистом по XIX в. не являюсь. Для меня книга вследствие этого явилась ценнейшим кладом информации по описываемой эпохе. Это отличный исторический нарратив. Мне импонирует идейный вектор работы.

Мировоззренческие убеждения автора, в основе которых лежит искренняя православная вера, совпадают с моими. Осуждать автора за явное их проявление грешно. Мы, гуманитарии, исследуем не лягушек (ничего плохого об исследователях последних сказать не хочу). Потому полная «объективность» для нас недостижима. Человек, «объективный» к роду человеческому — уже не человек. Непредосудительно писать научные работы с точки зрения своего чувствования истории, в свете своего мировоззрения. Надо только при этом оставаться в пределах научного знания, следовать в интерпретациях за реальными, объективно свершившимися фактами. Для историка-христианина это не просто неизбежность, это почти сакральная по смыслу обязанность. Как неоднократно говорили по разным поводам разные члены нашего клуба, история уже написана — Богом. Любая подтасовка или необоснованный домысел в изложении Божьего действия в мире недопустимы. Даже тогда, когда действие это не укладывается в идейную концепцию автора.

Дронов в своем изложении событий, в их интерпретации исходит из доступной ему фактической информации. Позитивная оценка правления императора в целом особых возражений не вызывает. Действительно, странной представляется традиция оценивать деяния Александра исходя из их отдаленных последствий. На 1894 г. Россия действительно являлась сильным, процветающим и динамично развивающимся государством, хотя, конечно, и не идеальным. Внутренней и внешней стабильности по сравнению с предшествующим правлением явно прибавилось.

Вполне обоснованная и справедливая оценка дана правлению Александра II. Эпоха «Великих Реформ» излишне романтизирована в сознании современного российского общества. Между тем, многие оценки консервативных, с одной стороны, и советских, с другой, историков касательно непродуманности Реформ и их непростых последствий гораздо разумнее восторженных восклицаний. По достоинству оценивает автор и внешнюю политику того времени. Период, опять же, объективно оценивается исходя из его конкретных итогов. Основной же итог правления Александра II, несомненно, — его гибель.

Немало места уделяет Дронов рассмотрению народнического и либерального движения, а также их соотношения. Общая оценка их воздействия на судьбу России — негативная, что не только логично в русле авторской концепции, но и вполне обосновано приводимым фактическим материалом. Автор вскрывает с обильным использованием нечасто привлекаемых источников и схемы взаимодействия между либеральными (в том числе придворными) и революционными кругами.

Весьма ценной представляется новая для отечественной науки оценка истории «Священной дружины». «Консервативный» и «охранительный» характер этого тайного общества и раньше вызывал вопросы у неподвижных исследователей. Автор, подробно рассмотрев имеющиеся факты, пришел по сути к прямо противоположным сложившейся традиции выводам, представив общество конспиративным центром придворного либерализма. Думается, что в этом он прав.

Перечень достоинств книги можно было бы продолжать долго, но куда полезнее отметить некоторые недостатки. Как бывает, они зачастую вытекают из достоинств. Скажем, автор четко выражает свою идейную позицию. Это хорошо и правильно. Но за фразеологическим оформлением этой позиции ему с очевидностью следовало просле-

дить лучше. Четкость часто перерастает в жесткость и даже излишнюю жесткость. А это уже снижает потенциальную полезность книги. Научная монография небольшого тиража — все-таки не обращенный в массы агитпроп, а в первую очередь средство познакомить с чем-либо и убедить в чем-либо довольно узкую, «элитарную» (в хорошем смысле слова) аудиторию. Между тем, жесткость авторских выражений местами может покоробить даже единомышленников. Вряд ли книга писалась только для самовыражения или только «для своих» — автор явно пытается именно убеждать, доказывать, а «своим» этого делать не надо.

Литературные достоинства книги выливаются местами в размывание жанровых границ. Иногда складывается впечатление, что читаем не монографию, а панегирик. Жанр вполне достойный, но не требующий такого объема и названия «научным изданием». Действительно, по прочтении книги может возникнуть следующее ощущение — за все свое правление Александр III не совершил ни единой ошибки, кроме разрешения на брак Витте, и то по доброте душевной. Так не бывает. И это понятно любому, даже не обладающему информацией, скажем, о внешней или религиозной политике государства. Иногда явные, имевшие драматические следствия просчеты автор пытается представить как достоинства. Например, искусственное выведение прибалтийского национализма в противовес химерической остзейской угрозе. Кажется, в начале XXI в. представлять Александра III творцом эстонского и латышского национализма довольно рискованно с точки зрения имиджа императора. Автор это делает (поклон его научной честности), но тут же пытается представить расчеты государя и его двора правильными и мудрыми. А вот это выглядит уже наивно. Столь же наивно, как описываемые им надежды двора на массовое обращение латышей и эстонцев в православие (среди остзейских немцев, кстати, православных было немало). Столь же наивно, как уверенность тогдашних русских консерваторов в том, что выращиваемый прибалтийский национализм не обратится против России. Этот курс (если автор описал его правильно) не принес ни малейшей пользы при Александре III (по крайней мере, автор такой пользы не показывает), а в последующем принес немало вреда России и русским.

Автор не боится «острых» тем — от масонской проблематики до национальных вопросов. Это хорошо и правильно. Однако как раз в этих «острых» вопросах» следует быть крайне тщательным, не допуская тени сомнения в научности собственных выводов. Последнее, к сожалению, удается далеко не всегда.

Возьмем масонскую проблематику. Можно было бы оправдать недочеты автора тем, что ее исследование не входило в его задачи. Можно было бы — но нельзя. Ибо автор не ограничился использованием современных научных исследований по масонству во всем их широком диапазоне от В.С.Брачева до А.И.Серкова и С.П.Карпачева. Собственно, их он не упоминает вообще, а из всех современных работ названы только эмоциональная книга О.А.Платонова и во всех отношениях устаревшая монография А.Я.Авреха — по одному разу. Вместо использования современной литературы автор попытался взойти к источникам. Вернее, к тому, что счел источниками он. Ибо подбор весьма странен. Это почти исключительно работы эмигрантов (В.Ф.Иванов, Б.Башилов) или даже дореволюционных консервативных публицистов (А.Селянинов). Это не источники, а крайне устаревшие обзоры чрезвычайно разнящейся по достоверности информации. Понятно, что огромный объем источников по истории масонства, введенный в научный оборот после Второй мировой войны, был старым авторам недоступен. Они нередко основывались на слухах или на искаженных обрывках сведений. Их тональность остро публицистична, что вполне объяснимо для того времени.

Результат — масонская тема, коей автор уделяет не первое, но и не последнее место, в его исполнении вызывает массу недоумений. Почему, скажем, автор использует признаваемые даже Платоновым малодостоверными сведения о масонстве Витте

(«аж 33 степени»)? Почему о масонстве М. Бакунина упомянуто скороговоркой (хотя он-то как раз, по терминологии автора, был масоном «аж» 32 степени) — и нет сведений о принадлежности к масонству его брата, известного земского деятеля (прямая ведь польза для авторской концепции тогдашнего либерализма)? Почему ни слова не сказано о попытках масонства подобраться к русскому трону — хотя использование этой широко известной сегодня информации добавило бы штрихов к портрету Александра II и украсило бы отказавшегося «вводить» братство в России Александра III? Почему автор допускает ответственность за гибель Гамбетты «международного масонства» и включает ли в это понятие Великий Восток Франции, членом коего этот политик состоял с 1869 г.? — и т.д. Очевидно, этих «почему» было бы меньше, если бы автор просто прибег к помощи современных исследований.

А так — складывается ощущение, что масонство автора занимает лишь как объясняющий всё литературный прием, что писатель берет верх над историком. Логика подобных «масонских страшных историй» примерно следующая: «Отчего у нас нынче хлеба не уродились? — Так масоны виноваты. — А, ну тогда понятно...» В итоге у огромного числа потребителей, независимо от степени образованности, возникает ощущение, что масоны — это нечто вроде НЛО. Соответственно, читающая публика раскалывается на две примерно равные группы. Одни считают, что «масоны — это вроде инопланетян, они повсюду». Другие — что «масоны вроде инопланетян, их не бывает». В рамках этой парадигмы масонство предстает как некая безликая сила, персонализация которой совсем не нужна, ибо «и так все ясно». В принадлежности к масонству безликому можно обвинить кого угодно, объяснив любые нелицеприятные действия данного субъекта. Если с представителями обеих точек зрения начинаешь заговаривать о масонстве реальном, о «людях и ложах», то они скучнеют и теряют интерес.

Все это не имело бы значения, если бы не повлияло самым существенным образом на авторские выводы в весьма значимом пункте. Автор считает, что «международное масонство» всячески вредило мудрому, просчитанному и полезному акту императора — франко-русскому союзу. Вредило в интересах Германии. Однако рассматривая проблему именно с этой точки зрения, применительно к реальной масонской истории, выясняем, что данный концепт граничит с абсурдом. Что касается придворного прусского масонства, то у этих лож во главе с их официальным «покровителем» — кайзером — был хороший способ помешать франко-русскому союзу. Не толкать к нему Россию своей враждебностью. Этот способ, как известно (и как убедительно показывает автор), использован не был. Оппозиционное же масонство и в Германии, и в Австро-Венгрии (в Австрии масонство было запрещено до 1918 г.) трудилось отнюдь не в пользу своих империй. Связь его с официальным немецким — отдельная большая тема, к которой автор не подходит.

Что же касается «международного масонства», то для него франко-русский союз явился подарком. Поскольку открывал дорогу к полноценному возрождению масонства в России. Немецкое масонство не вело в этом направлении ровным счетом никакой работы. Между тем, именно во Франции, именно в описываемые годы, в рамках Великой Ложи Франции и Великого Востока Франции соответствующая работа началась. Именно в Париже возникла в 1887 г. колыбель русского масонства — ложа «Космос». Именно в Париже принимают посвящение реставраторы русского масонства — Вырубов (1872), Яблочков (1876), Лугинин (конец 1870-х), Ковалевский, Котляревский, де Роберти (1888) и другие. Именно франко-русский союз сделал свободным и безнаказанным сообщение с парижским вольнодумством самого разного толка. Именно франко-русский союз создал ситуацию, при которой эмиссары Великого Востока в 1908 г. производили масонские посвящения в самой тюрьме Кресты. Именно франко-русский со-

юз, в конечном счете, породил ложь французских послушаний в России, а затем — печально известный Великий Восток народов России. Надеюсь, не нуждается в уточнениях, что в правящих кругах Великобритании, Франции и США члены лож всегда имели больший удельный вес, чем даже в Германии — не говоря о России и Австро-Венгрии. Это уже исторические факты, а не домыслы или догадки. Так что созданная автором на непрочной базе картина прогерманской ориентации «международного масонства» не выдерживает критики. Не подвело ли автора просто отождествление интересов масонства и еврейских финансовых домов Германии? Но если уже касаться этого аспекта, то с масонством в собственном смысле слова были связаны парижские и лондонские Ротшильды, а не их германские конкуренты. Автор, кажется, все-таки не находится в плену наивных мифологических представлений о «еврейско-масонском заговоре».

Остается лишь напомнить, что это первый опыт Дронова в произведении столь большого формата. Ошибки и просчеты в такого рода трудах, скажу по собственному опыту, — неизбежность. Хотелось бы думать, что будущие работы Дронова явят нам примеры подлинной научной зрелости и не утратят при этом своей литературной доступности.

С.В.Алексеев